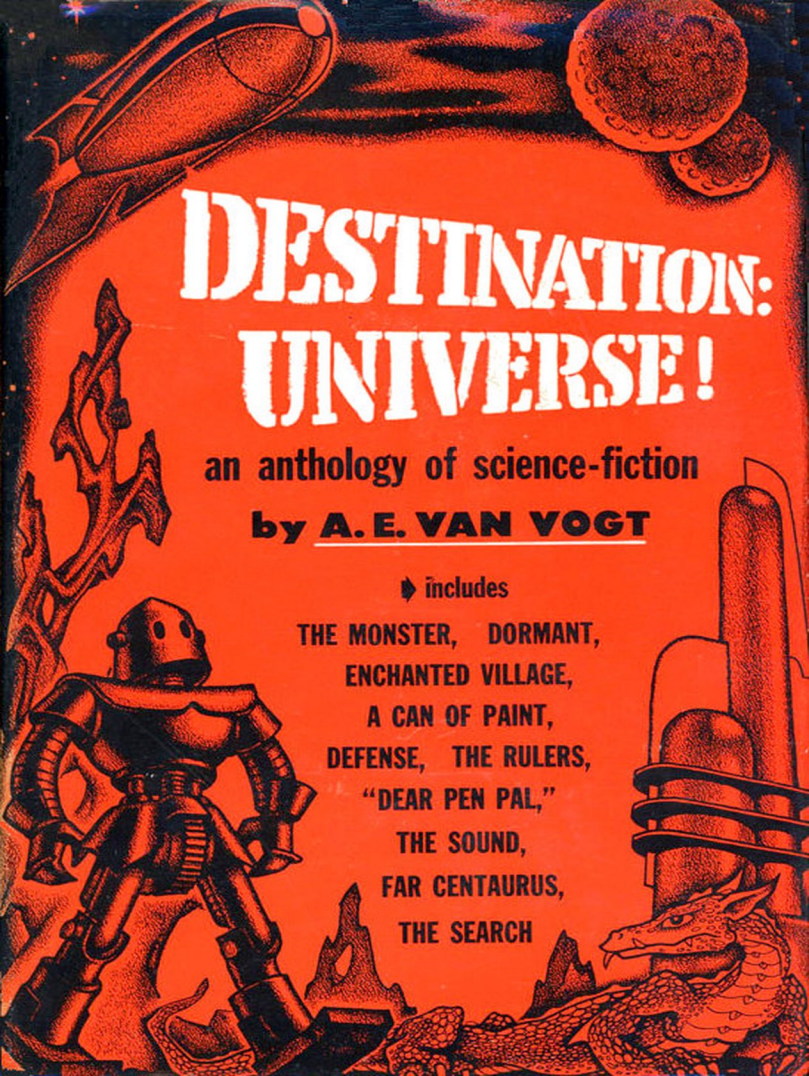
DESTINATION: UNIVERSE!
an anthology of science-fiction
by A. E. VAN VOGT
includes
THE MONSTER, DORMANT,
ENCHANTED VILLAGE,
A CAN OF PAINT,
DEFENSE, THE RULERS,
"DEAR PEN PAL,"
THE SOUND,
FAR CENTAURUS,
THE SEARCH

Цель — Вселенная! (сборник)

Альфред Ван Вогт

Аннотация
Альфред Ван Вогт. Цель — Вселенная!. (сборник)
Далекий Центавр
Чудовище
Пробуждение
Зачарованная деревня
Банка краски
Защита
Правители
Дорогой друг
Звук
Поиски

Аннотация

Первый сборник рассказов Альфреда Ван Вогта (A. E. Van Vogt. Destination: Universe! / New York: Pellegrini & Cudahy, 1952).

Содержание:
Далекий Центавр *(Перевод: И. Невструев)*
Far Centaurus (1944)

Чудовище *(Перевод: Ф. Мендельсон)*
The Monster [**Resurrection**] (1948)

Пробуждение *(Перевод: Ф. Мендельсон)*
Dormant (1948)

Зачарованная деревня *(Перевод: А. Чапковский, А. Иорданский)*
Enchanted Village [**The Sands of Mars**] (1950)

Банка краски *(Перевод: А. Дмитриев)*
A Can of Paint (1944)

Защита *(Перевод: И. Невструев)*
Defense (1947)

Правители *(Перевод: К. Королев)*

The Rulers (1944)

Дорогой друг *(Перевод: К. Королев)*
Dear Pen Pal [**Letter from the Stars**] (1949)

Звук *(Перевод: Б. Жужунава)*
The Sound (1950)

Поиски *(Перевод: И. Невструев)*
The Search (1943)

Альфред Ван Вогт
Цель — Вселенная! (сборник)

Далекий Центавр

Я вздрогнул во сне, проснулся и подумал: «Как это вынес Ренфри!»

Вероятно, я сильно дергался, потому что острая боль пронзила меня, и тьма сомкнулась надо мной. Не знаю, долго ли я лежал в болезненном беспамятстве, но, когда пришел в себя, почувствовал тягу двигателей, разгонявших космический корабль.

На этот раз сознание возвращалось медленно, и я лежал неподвижно, чувствуя бремя долгих лет сна. Нужно было точно придерживаться порядка, установленного Пелхэмом.

Я не хотел вновь потерять сознание.

Я лежал, размышляя о том, что глупо с моей стороны беспокоиться о Джиме Ренфри, который должен лежать в гибернации еще пятьдесят лет.

Потом я начал разглядывать освещенный циферблат часов на потолке. Когда я проснулся, они показывали 23:12, а сейчас было 23:22. Значит, прошло уже десять минут — по мнению Пелхэма, этого достаточно для адаптации.

Я медленно протянул руку к краю постели и

щелкнул тумблером. Послышался тихий шум, и массажный автомат медленно пополз по моему нагому телу. Сначала он тер мои руки, потом ноги и под конец занялся туловищем. Я чувствовал, как течет тонкая струйка масла, впитываясь в мою сухую кожу.

Много раз я вскрикивал от боли, но уже через час смог сесть и зажечь свет.

Небольшая, скромно меблированная знакомая каюта не могла долго занимать мое внимание. Я встал. Вероятно, движение было слишком резким, потому что я пошатнулся, ухватился за металлическую опору постели, и меня вырвало бесцветным желудочным соком.

Потом тошнота прошла, но, чтобы добраться до двери, открыть ее и пройти узким коридорчиком до рубки, потребовалась вся сила воли. Хоть это и не входило в мои обязанности, но я не удержался от соблазна — склонился над пультом управления и взглянул на хронометр.

Он показывал 53 года 7 месяцев 2 недели 0 дней 0 часов и 27 минут.

«Пятьдесят три года! Все, кого я знал на Земле: молодые мужчины, с которыми мы вместе учились, девушка, поцеловавшая меня на приеме, устроенном в нашу честь в ночь отъезда, —

все они уже мертвы или заканчивают свою жизнь», — подумал я почти равнодушно.

Образ той девушки остался в моей памяти. Она была красива, полна жизни и совершенно незнакома. Она смеялась, целуя меня.

Должно быть, теперь она старуха или вообще умерла.

Слезы подступили к глазам, я вытер их и принялся разогревать банку жидкого концентрата, который должен был стать моим первым завтраком. Постепенно я обрел душевное равновесие.

«Пятьдесят три года и семь с половиной месяцев, — думал я. — Почти четыре года сверх установленного времени. Придется кое-что подсчитать, прежде чем принять очередную порцию эликсира долголетия. Двадцать гранул по расчетам должны были законсервировать мое тело и сохранить ему жизнь в течение пятидесяти лет. Вероятно, средство оказалось сильнее, чем установил Пелхэм во время кратковременных тестов».

Так я размышлял, напряженно щуря глаза. Вдруг до меня дошел комизм ситуации, и я рассмеялся. Смех расколол тишину, словно серия выстрелов: я даже испугался, но вместе с тем и расслабился — надо же, сижу и скорблю!

А ведь четыре года — это капля в море, если сравнивать с продолжительностью нашего путешествия!

Однако я все еще жив и молод. Время и пространство были побеждены. Вселенная принадлежала человеку.

Неторопливо, маленькими глотками я ел свой «суп», одолел целую миску, используя каждую секунду из отведенных мне тридцати минут. Потом, подкрепившись, тем же путем вернулся в рубку.

На этот раз я задержался, глядя на экраны. Уже через минуту я нашел Сол — звезда ярко пылала почти в центре экрана кормового обзора.

Чтобы обнаружить Альфу Центавра, потребовалось больше времени, но наконец я нашел и ее — сверкающую точку в усеянной огнями темноте.

Я не стал терять времени на определение расстояния. За пятьдесят четыре года мы преодолели одну десятую часть из 4,3 световых лет пути до ближайшей к нам звездной системы.

Удовлетворенный, я вернулся к каютам.

«Теперь нужно навестить всех по очереди, — подумал я. — Первый — Пелхэм».

Когда я открыл герметичную дверь каюты

Пелхэма, в нос мне ударила невыносимая вонь разложения. С трудом переводя дыхание, я захлопнул дверь и стоял в узком коридоре весь дрожа.

Прошла минута, другая; оставалось только смириться с действительностью: Пелхэм был мертв.

Не помню точно, что я тогда делал, помню лишь, что метнулся сначала в каюту Ренфри, потом к Блейку… Чистый свежий воздух в их каютах и вид их неподвижных тел вернули мне душевное равновесие.

Меня охватила глубокая печаль. Бедный благородный Пелхэм, изобретатель эликсира долголетия, который сделал возможным этот прыжок в межзвездное пространство, лежал сейчас мертвым — жертва своего собственного изобретения.

Ведь это он говорил: «Риск, что кто-то из нас умрет, не очень велик. Но имеется, как я его называю, фактор смерти, составляющий около десяти процентов, это побочный продукт первой дозы. Если наш организм переживает первый шок, он выдержит и следующие дозы».

Видимо, фактор смерти составлял больше четырех процентов; потому-то эликсир продержал меня в гибернации четыре лишних года.

Удрученный, я пошел на склад и взял там бре-

зент и скафандр. Но даже скафандр не облегчил чудовищного занятия! Эликсир до некоторой степени консервирует тело, но, когда я его поднял, от него отваливались куски.

Наконец я отнес брезент к воздушному шлюзу и вытолкнул в космическое пространство.

Времени у меня оставалось немного. Периоды бодрствования должны были быть короткими: ведь при этом потреблялись «текущие» — как мы это называли — запасы кислорода; главный резерв должен был оставаться нетронутым. Все эти годы химические регенераторы в каютах постепенно освежали «текущий» воздух, подготавливая его к очередному нашему пробуждению.

Как-то так получилось, что мы не приняли в расчет возможность смерти кого-либо из членов экипажа, и сейчас, уже выбравшись из скафандра, я отчетливо чувствовал разницу в составе воздуха.

Сначала я подошел к передатчику. Считалось, что половина светового года явится пределом досягаемости радиоволн, а мы как раз приближались к этой черте.

Торопливо, но довольно подробно я составил рапорт, записал его на диктофон и включил пе-

редачу.

Пройдет немногим более пяти месяцев, и сообщение достигнет Земли.

Свой рапорт я подшил в бортовой журнал, добавив внизу приписку для Ренфри. Это был короткий некролог Пелхэму. Я писал его от чистого сердца, однако была еще одна причина. Ренфри и Пелхэм были друзьями. Ренфри — инженерный гений, конструктор нашего корабля, Пелхэм — великий химик и врач, его эликсир позволил человечеству выйти в космос.

Я считал, что Ренфри понадобится моральная поддержка, когда он очнется в тишине мчащегося корабля. Я любил их обоих, так что этот маленький некролог казался мне совершенно необходимым.

Дописав, я торопливо осмотрел двигатели, записал показания приборов и отсчитал пятьдесят пять гранул эликсира. Это была доза на очередные сто пятьдесят лет, рассчитанная со всей доступной точностью.

Прежде чем погрузиться в сон, я еще долго думал о Ренфри, о том, как он будет потрясен, когда узнает о Пелхэме…

Я шевельнулся, обеспокоенный этой мыслью.

И все еще думал об этом, когда навалилась

темнота.

Почти сразу же я открыл глаза и понял, что действие эликсира закончилось.

Чувство онемения во всем теле вернуло меня к действительности. Я неподвижно лежал, разглядывая часы над головой. На этот раз я легче перенес процедуры, правда, и теперь не удержался и взглянул на хронометр, когда проходил мимо него на кухню.

Он показывал 201 год 1 месяц 3 недели 5 дней 7 часов и 8 минут.

Маленькими глотками я выпил миску суперсупа, а потом нетерпеливо обратился к бортовому журналу.

Невозможно описать охватившее меня волнение, когда я увидел знакомый почерк Блейка, а потом и Ренфри.

Пока я читал рапорт Ренфри, мои эмоции улеглись. Это был обычный сухой рапорт, и ничего больше: гравиметрические данные, точный расчет пройденного пути, детальное описание работы двигателей и наконец оценка изменений скорости, основанная на семи постоянных.

Это была высоко профессиональная работа, первоклассный научный анализ. Но ничего кроме этого — ни одного упоминания о Пелхэме,

никакой реакции на то, что я написал.

Если бы этот рапорт мог служить критерием, Ренфри вполне мог быть роботом.

Об этом я кое-что знаю.

Примерно так же считал и Блейк, я понял это из его записки.

«Билл,

ВЫРВИ ЭТОТ ЛИСТ, КОГДА ПРОЧТЕШЬ!

Итак, произошло наихудшее. Что за ирония судьбы! Для меня невыносима даже мысль о том, что Пелхэм мертв. Что это был за человек, какой чудесный друг! Но ведь мы хорошо знали, что здорово рискуем, а он понимал это лучше, чем любой из нас. Теперь нам осталось только сказать: „Спи спокойно, дорогой друг, мы никогда тебя не забудем“.

Что касается Ренфри, его состояние внушает мне тревогу. Мы беспокоились, как он перенесет первое пробуждение, а к этому добавился шок от смерти Пелхэма. Думаю, наше беспокойство было обоснованно.

На земле Ренфри со своей внешностью, деньгами, интеллектом был избран-

ником судьбы, мы оба это знаем. Его главным недостатком было то, что он не заботился о будущем. Блистательный ученый, окруженный толпой поклонниц и льстецов, — у него оставалось время только на „сегодня“.

Неприкрытая действительность всегда поражала его словно гром с ясного неба. Он покинул трех своих бывших жен (в сущности, не таких уж и бывших, если тебя это интересует), не понимая, что это навсегда.

Одного прощального банкета хватило бы, чтобы вскружить человеку голову, лишить его ощущения реальности. Проснуться спустя сто лет и понять, что тех, кого ты любил, уже нет, что они умерли и их съели черви, — брр!

(Я сознательно окрасил все в такие мрачные тона, ведь человеку свойственно анализировать даже самые страшные аспекты действительности, независимо от того, насколько сильна внутренняя цензура.)

Я лично рассчитывал на Пелхэма как на своего рода моральную опору для Рен-

фри. Мы оба понимаем, что Пелхэм знал о своем влиянии на него. Теперь нужно искать что-то новое. Попробуй что-нибудь придумать, Билл, пока будешь заниматься делом. Ведь нам придется жить с этим человеком, когда мы все проснемся через пятьсот лет.

Вырви этот лист! Остальное — обычная рутина.

Нэд».

Я бросил лист в мусоросжигатель, еще раз взглянул на обоих спящих — до чего же смертельно неподвижных! — и вернулся в рубку.

На экране Солнце было очень яркой звездочкой, драгоценным камнем на темном бархате неба, роскошным сверкающим бриллиантом.

Альфа Центавра светила ярче: лучистое сияние на фоне черноты. По-прежнему нельзя было различить Альфу и Проксиму по отдельности, но их общее свечение производило грандиозное впечатление.

Я был взволнован, только сейчас поняв значение этого события: впервые человек совершает полет к далекому Центавру, впервые осмеливается коснуться звезд.

Даже мысль о том, что на Земле после нашего отлета сменились уже семь, а может, и восемь поколений, что девушка, подарившая мне грезу о своих сладких алых губах, вспоминается своими потомками как прапрапрапрабабка, если о ней вообще помнят, — даже эта мысль не затмила моего восторга.

Минувшее время было огромно, невообразимо, а потому не могло вызывать эмоций.

Я выполнил все текущие операции, принял новую дозу эликсира, лег в постель и заснул, так ничего и не придумав относительно Ренфри.

Когда я снова проснулся, завывала сирена тревоги.

Я продолжал лежать, поскольку не мог сделать ничего другого. Шевельнувшись, я просто потерял бы сознание. Я хорошо знал: какой бы страшной ни была грозившая кораблю опасность, скорейший путь к ее ликвидации лежит через выполнение процедур во всех деталях и с точностью до секунды.

Все-таки мне это удалось. Сирена пронзительно выла, но я не шевелился, пока не пришло время встать. Когда я проходил через рубку, шум стоял невыносимый, но я выдержал это и потом сидел еще полчаса и цедил суп.

Я был почти уверен, что, если этот содом продлится чуть дольше, Блейк и Ренфри проснутся.

В конце концов я решил, что пора познакомиться с опасностью, и, глубоко вздохнув, занял место за пультом управления. Утихомирив сверлящую мозг сирену, я включил экраны.

Кормовой экран вспыхнул огнем. Это был мощный столб белого пламени, удлиненный, заполняющий почти четверть неба. Мне в голову пришла чудовищная мысль: может, мы находимся в нескольких миллионах километров от какого-то огромного солнца, недавно вспыхнувшего в этой области пространства.

Я самозабвенно манипулировал дальномерами, потом некоторое время тупо вглядывался в ответ, с металлическим щелчком появившийся на экране.

Семь километров. Всего семь километров! Странная штука человеческий разум: минуту назад, считая, что это некая аномальная звезда, я не видел ничего, кроме раскаленной массы. Теперь же вдруг заметил отчетливые контуры и легко узнаваемый силуэт.

Ошеломленный, вскочил я на ноги, ведь это был…

Это был космический корабль! Огромный, дли-

ной километра в полтора. Точнее — тут я вновь рухнул в кресло, потрясенный катастрофой, свидетелем которой невольно оказался, — это были пылающие останки космического корабля. Никто не мог уцелеть в этом аду, разве что экипаж успел катапультироваться на спасательных шлюпках.

Словно безумный обыскивал я небо в поисках блеска металла, который указал бы на присутствие уцелевших.

Но не было ничего, кроме темноты, и звезд, и пылающих останков.

Через некоторое время я заметил, что корабль удаляется. Если его двигатели до сих пор уравнивали скорость с нашей, то теперь и они поддались ярости огня, пожиравшего корабль.

Я начал фотографировать, кстати, с полным правом пользуясь резервом кислорода. Когда расстояние между нами стало увеличиваться, эта миниатюрная новая, бывшая до сих пор космическим крейсером, стала постепенно менять цвет, теряя свою ослепительную белизну. Последний взгляд явил мне удлиненное зарево, похожее на туманность вишневого цвета, видимую с ребра, — этакий отблеск света в темноте над далеким горизонтом.

Я сделал все, что было возможно, вновь вклю-

чил аварийные системы и вернулся в постель.

Ожидая, пока начнет действовать эликсир, я думал, что звездная система Альфы Центавра должна иметь населенные планеты. Если я не ошибаюсь в своих расчетах, мы находимся всего в 1,6 светового года от главной группы солнц Альфы, чуть ближе к красной Проксиме.

Это может означать, что во Вселенной есть по крайней мере еще одна высокоразвитая цивилизация. Удивительный, невообразимый мир открывался перед нами. Я снова ощутил дрожь восторга.

Буквально в последнюю минуту, когда сон уже одолевал меня, я вспомнил, что совсем позабыл о наших проблемах с Ренфри.

Однако беспокойства не было. Ренфри, оказавшись лицом к лицу с чужой цивилизацией, наверняка обретет жизненную энергию.

Наши неприятности закончились.

Видимо, мое возбуждение продержалось все сто пятьдесят лет, потому что, едва проснувшись, я подумал: «Мы на месте! Наконец-то кончилась эта долгая ночь и наше фантастическое путешествие. Теперь мы будем вместе, будем видеть друг друга и узнаем здешнюю цивилизацию, увидим солнца далекого Центавра».

Странное дело: пока я лежал, переполненный радостью, меня удивило, что прошедшее время казалось мне таким долгим. Фактически… я просыпался всего три раза, и лишь один раз — на целый день.

Я видел — в буквальном значении этого слова — Блейка, Ренфри и Пелхэма всего полтора дня назад. Период моего бодрствования длился всего тридцать шесть часов с того момента, когда мягкие губы коснулись моих и прильнули к ним в сладчайшем за всю мою жизнь поцелуе.

Откуда же взялось ощущение, что прошли целые столетия, секунда за секундой? Откуда это невероятное, ничем не оправданное сознание путешествия сквозь бесконечную непроницаемую ночь?

Неужели человеческий разум так легко обмануть?

Наконец мне показалось, что я нашел ответ: мой организм жил все эти пятьсот лет, все мои клетки и органы функционировали, поэтому не исключено, что некоторые участки мозга сохраняли сознание все это время.

Конечно, играл роль и психологический фактор: ведь теперь я знал, что прошло пятьсот лет и…

Я вздрогнул, заметив, что с момента пробуждения прошло уже десять минут, и осторожно включил аппарат для массажа.

Мягкие руки автомата массировали меня, когда дверь открылась, щелкнул выключатель и я увидел Блейка.

Слишком резкий поворот головы в его сторону привел к тому, что перед глазами у меня затанцевали огоньки. Закрыв глаза, я слушал его шаги, пока он шел ко мне.

Через минуту я уже мог взглянуть снова, на этот раз я видел его четко. Он нес миску с супом и остановился, угрюмо глядя на меня. Почему угрюмо?

Наконец его длинное худое лицо расплылось в бледной улыбке.

— Привет, Билл, — сказал он. — Тсс! Не пытайся говорить. Я буду кормить тебя супом, а ты лежи спокойно. Чем скорее встанешь на ноги, тем лучше. Я на ногах уже две недели.

Он сел на край постели и зачерпнул ложку супа. В воцарившейся тишине был слышен только шум массажера. Силы постепенно возвращались ко мне, и я все отчетливей видел подавленность Блейка.

— Что с Ренфри? — сумел наконец выдавить

я. — Он проснулся?

Блейк поколебался, потом кивнул. Лицо его помрачнело, и он нахмурился.

— Он безумен, Билл, — просто сказал он. — Теперь это законченный псих! Мне пришлось его связать. Сейчас он в своей каюте, уже несколько успокоился, а до тех пор бормотал что-то, как маньяк.

— Сдурел ты, что ли? — прошептал я. — Ренфри никогда не был настолько впечатлителен. Угрюмый и унылый — это я могу понять, но одно осознание того, что прошло столько лет и никого из друзей уже нет в живых, не могло повергнуть его в безумие.

Блейк покачал головой.

— Дело не только в этом, Билл.

Он помолчал, потом продолжал:

— Билл, приготовься к шоку, какого еще никогда не переживал.

Я вопросительно уставился на него, чувствуя пустоту в голове.

— Что ты имеешь в виду?

— Я знаю, что ты это вынесешь, — говорил он со странной гримасой на лице. — В общем, не пугайся. Мы с тобой были парой подопытных мышей. Для таких толстокожих типов, как мы,

должно быть все равно — приземлимся мы в миллионном году нашей эры или до нее. Мы бы осмотрелись по сторонам и сказали бы: «Как поживаешь, старый дурень?», или же: «Кто был тот птеродактиль, которого я видел с тобой вчера вечером?», или что-нибудь вроде этого.

— Говори сразу, в чем дело? — прошептал я.

Блейк встал.

— Билл, когда я прочел твои сообщения о том, что случилось, и посмотрел фотографии горящего корабля, мне кое-что пришло в голову. Две недели назад солнца Альфы были очень близко друг к другу, всего в шести месяцах от нас при нашей средней скорости восемьсот километров в секунду. «Посмотрим, — подумал я, — удастся ли поймать какую-нибудь их станцию». Так вот, — он заставил себя улыбнуться, — в течение нескольких минут я поймал сотни передач. Они шли на всех семи каналах, отчетливо, как колокольный звон на Рождество.

Он помолчал, глядя на меня со слабой улыбкой на губах.

— Билл, — простонал он, — мы величайшие кретины под Солнцем! Когда я сказал обо всем Ренфри, он увял, как проколотый шарик.

Он снова замолчал. Мои напряженные нервы

не выдержали этого молчания.

— Ради бога, дружище… — начал я и замолчал.

Я лежал неподвижно, и меня вдруг осенило. Кровь застыла у меня в жилах, но наконец я сумел произнести:

— Значит, ты говоришь, что…

Блейк кивнул.

— Да, именно так. Они обнаружили нас своими локаторными лучами и энергетическими экранами. Нам навстречу уже отправлен корабль. Надеюсь, — мрачно закончил он, — они смогут что-нибудь сделать для Джима.

Часом позже, сидя за пультом управления, я заметил вспышку, и через минуту могучий космический корабль в километре позади нас уравнял с нами свою скорость.

Мы с Блейком переглянулись.

— Я не ослышался? — спросил я дрожащим голосом. — Этот корабль стартовал из ангара десять минут назад?

Блейк кивнул.

— Дорогу от Земли до Центавра он проходит за три часа.

Этого я еще не слышал и почувствовал, что в голове у меня все идет кругом.

— Что?! — воскликнул я. — А у нас это заняло

пятьсот… — я помолчал. — Три часа… Как мы могли забыть о техническом прогрессе?

Молча смотрели мы, как в монолитной стене напротив нас появляется отверстие. В эту пещеру я и направил наш корабль.

На кормовом экране было видно, как закрывается люк. Перед нами вспыхнул свет и сошелся лучом на какой-то двери. Когда я опустил корабль на металлический пол, на экране связи появилось чье-то лицо.

— Касселлахат! — прошептал мне на ухо Блейк. — Тот, что поддерживал со мною контакт.

Касселлахат — у него было умное красивое лицо — улыбнулся нам и сказал:

— Вы можете покинуть свой корабль и войти через эту дверь.

Когда мы осторожно выходили наружу, в просторный приемный зал, мне показалось, что нас окружает пустое пространство.

«Это похоже на ангар межпланетного корабля, — подумал я. — Только какого-то чужого…»

«Нервы!» — тут же одернул я себя, но по лицу Блейка понял, что тот испытывает похожие чувства. Через дверь мы вошли в коридор, который привел нас в огромное роскошное помещение.

Это мог быть тронный зал или апартаменты

кинозвезды. Все стены покрывали великолепные драпировки — то есть сначала мне показалось, что это драпировки, но потом я понял, что это не так. Это было… я никак не мог понять…

Я уже видывал дорогую мебель в доме Ренфри, но эти диваны, стулья и столы фосфоресцировали, словно были сделаны из подобранных по оттенкам разноцветных огней. Нет, не так. Они не фосфоресцировали, а…

И снова я не пришел ни к какому определенному выводу.

Времени на детальный осмотр уже не было. Мужчина, одетый так же, как и мы, поднялся нам навстречу. Я узнал Касселлахата.

Он шел к нам, улыбаясь, потом вдруг замедлил шаги, потянул носом. Мгновением позже он торопливо пожал нам руки, резко отступил к креслу и сел.

Это было на удивление невежливо, но я обрадовался, когда он отошел, поскольку, как ни коротко было наше рукопожатие, успел почувствовать слабый запах духов. Это был незнакомый, но явно неприятный запах. Да и вообще — мужчина, злоупотребляющий духами!

Я вздрогнул. Неужели за эти столетия род людской стал таким изнеженным?

Жестом он пригласил нас сесть.

«Неужели это и есть приветствие?» — подумал я, усаживаясь.

— Должен предупредить вас насчет вашего друга, — начал Касселлахат. — Это явный шизофреник, и наши психологи могут поправить его здоровье лишь ненадолго. Полный курс лечения потребует большого времени и вашего сотрудничества. Вы должны соглашаться на все его проекты, конечно, если они не будут представлять опасности... А теперь, — он одарил нас улыбкой, — позвольте приветствовать вас на четырех планетах Альфы Центавра. Это великий день в моей жизни. С раннего детства меня готовили для этой цели — быть вашим учителем и гидом. И разумеется, я восхищен, что наступила минута, когда мои знания в области вашего языка и американских обычаев среднего периода могут найти практическое применение.

Он выглядел далеко не восхищенным: смешно морщил нос, и выражение лица у него было какое-то болезненное. Но его слова шокировали меня.

— Что вы имеете в виду, — спросил я, — говоря об «изучении американского языка»? Неужели общенародный язык уже вышел из употребле-

ния?

— Нет, разумеется, нет, — улыбнулся он, — но он так изменился, что, честно говоря, вы не поняли бы даже такого простого слова, как «ихм».

— Ихм? — повторил Блейк.

— Что означает «да».

— Вот оно что…

Мы посидели молча. Блейк грыз нижнюю губу. Наконец он сказал:

— А каковы здешние планеты? По радио вы что-то говорили о популяционных центрах, которые вновь превращаются в городские метрополии.

— Я буду счастлив показать вам столько наших метрополий, сколько вы захотите осмотреть, — сказал Касселлахат. — Вы — наши гости, и несколько миллионов кредитов положены на счет каждого из вас. Они к вашим услугам.

— О боже! — вырвалось у Блейка.

— Однако должен дать вам один совет, — продолжал Касселлахат. — Мы не можем допустить, чтобы наши граждане почувствовали себя обманутыми, поэтому вам нельзя будет ходить по городу или смешиваться с толпой. Они смогут увидеть вас только в хронике или в закрытой машине, а услышать — лишь по радио. Если у вас есть какие-то матримониальные планы, можете

раз и навсегда распрощаться с ними.

— Не понимаю, — сказал удивленный Блейк.

Я тоже ничего не понимал.

— Речь идет о том, — решившись, закончил Касселлахат, — чтобы никто не почувствовал вашего неприятного запаха. Это могло бы ухудшить и ваше материальное положение… А сейчас, — он встал, — я на время покину вас. Надеюсь, вы не обидитесь, если впредь я буду в вашем присутствии надевать маску. Всего наилучшего, господа, и…

Он замолчал, глядя на что-то позади нас.

— Ага, ваш друг тоже здесь, — произнес он.

Я резко повернулся. Блейк вытаращил глаза.

— Эй, друзья! — весело сказал от дверей Ренфри. — Какими же болванами мы были! — добавил он с гримасой.

Не зная, что ответить, я подбежал к нему, схватил за руку, и мы обнялись. Блейк последовал моему примеру.

Когда мы наконец выпустили Ренфри из своих объятий и оглянулись, Касселлахата уже не было. Он исчез как раз вовремя, потому что я уже хотел дать ему в морду за его последнее замечание.

— Итак, внимание! — сказал Ренфри. — Мы начинаем.

Он посмотрел на нас с Блейком, оскалил зубы, радостно потер руки и добавил:

— Целую неделю я оглядывал тут все и обдумывал вопросы для этой старой квочки, а здесь…

Он подошел к Касселлахату.

— Что обусловливает постоянство скорости света? — начал он.

Касселлахат даже не моргнул.

— Скорость равна корню кубическому из *gd*, — ответил он, — где *d* означает глубину континуума пространства-времени, *g* — всеобщую толерантность или гравитацию, как сказали бы вы, всей материи этого континуума.

— Каким образом возникли эти планеты?

— Каждое солнце, чтобы удержаться в своем пространстве, выбрасывает материю, как корабль в море бросает якорь. Это весьма поверхностное описание. Я мог бы дать вам математическое выражение, но его пришлось бы записывать. В конце концов, я не ученый. Просто эти факты известны мне с детства.

— Минуточку, — прервал его Ренфри, — Солнце выбрасывает эту материю без всякого принуждения… лишь для того, чтобы остаться в равновесии?

Касселлахат посмотрел на него.

— Разумеется, нет. Принуждение очень сильно, уверяю вас. Без такого равновесия солнце выпало бы из своего пространства. Только несколько звезд-отшельниц могут поддерживать равновесие без планет.

— Несколько чего? — спросил Ренфри. Он был потрясен настолько, что забыл о вопросах, которыми собирался засыпать Касселлахата.

Мысли мои прервал голос Касселлахата.

— Солнце-отшельник, — услышал я, — это очень древняя холодная звезда класса М. Самые горячие из них, как известно, имеют температуру поверхности около девяноста градусов Цельсия, самые холодные — минус десять. Это отшельник в буквальном смысле слова, одичавший с возрастом. Главная черта такой звезды в том, что она не допускает существования рядом с собой материи, планет или даже газов.

Ренфри молчал, задумавшись, и я воспользовался случаем, чтобы продолжить дискуссию.

— Меня интересует, — сказал я, — всеобщее знание всех этих деталей, даже если человек не является ученым. Например, когда мы покидали Землю, каждый ребенок знал принципы действия атомного двигателя буквально с пеленок. Восьми- и десятилетние мальчики ездили на

специально сконструированных машинах-игрушках, разбирали их на части и собирали снова. Эти принципы были у них в крови, а каждое новое достижение в этой области было для них настоящим лакомством… Так вот, я хотел бы узнать, что сейчас соответствует тогдашнему положению?

— Аделедиктандер, — ответил Касселлахат. — Я уже пытался объяснить это мистеру Ренфри, но его мозг, похоже, не усваивает некоторые простейшие понятия.

Вырванный из задумчивости Ренфри скривился:

— Он хочет убедить меня в том, что электроны могут мыслить, а я этого не могу принять.

Касселлахат покачал головой.

— Не мыслить: думать они не умеют. Но зато у них есть психика.

— Электронная психика! — воскликнул я.

— Просто аделедиктандерная, — ответил Касселлахат. — Каждый ребенок…

— Знаю, — простонал Ренфри. — Каждый шестилетка скажет мне это.

Он повернулся к нам.

— Потому я и подготовил вопросы, подумав, что, если мы получим образование на уровне

среднеразвитых, то сможем понять этот аделедиктандерный паштет, хотя бы как местные дети.

Он повернулся к Касселлахату.

— Следующий вопрос. Что?..

Касселлахат посмотрел на часы.

— Мне кажется, мистер Ренфри, — прервал он его, — если мы собираемся на планету Пелхэм, то сейчас самое время. Вы сможете задать мне вопросы по дороге.

— В чем дело? — вмешался я.

— Он свозит меня в крупные конструкторские лаборатории в Европейских горах на Пелхэме, — объяснил Ренфри. — Хотите поехать со мной?

— Нет, — ответил я.

Блейк пожал плечами.

— Я не хочу лишний раз надевать этот комбинезон, который хоть и не пропускает нашего запаха, но не защищает нас от их вони. Мы с Биллом, — закончил он, — останемся здесь и поиграем в покер на те пять миллионов кредитов, которые лежат у нас в государственном банке.

Касселлахат повернулся в дверях. Лицо его под маской, которую он теперь носил, постоянно выражало явное неодобрение.

— Вы очень легкомысленно относитесь к дару

нашего правительства.

— Ихм! — подтвердил Блейк.

— Значит, мы воняем! — сказал Блейк.

Прошло уже девять дней с тех пор, как Касселлахат забрал Ренфри на Пелхэм. Контакт с ним был возможен лишь с помощью радиотелефона: третьего дня Ренфри позвонил и сказал, чтобы мы ни о чем не беспокоились.

Блейк стоял у окна нашей квартиры на вершине небоскреба в городе Нью-Америка, а я лежал навзничь на диване, с головой, полной мыслей о безумии Ренфри и воспоминаний пятисотлетней давности.

Наконец я прервал свои раздумья.

— Перестань, — сказал я. — Мы столкнулись с изменениями в метаболизме человеческого организма; вероятно, это вызвано новыми пищевыми продуктами с далеких звезд. Видимо, они пахнут лучше нас, если для Касселлахата быть рядом с нами — настоящая каторга, тогда как нам его соседство просто неприятно. Нас всего трое, а их — миллиарды. Честно говоря, я не вижу решения проблемы, так что придется нам смириться.

Ответа я не получил и вернулся к своим мыслям. Мой первый рапорт был принят на Земле, и, после изобретения межзвездного двигателя

в 2320 году, то есть спустя сто сорок лет после нашего отлета, люди решили, что надо делать.

Четыре пригодные для заселения планеты Альфы Центавра были названы в нашу честь: Ренфри, Блейк, Пелхэм и Эндикотт. С 2320 года их население увеличилось до девятнадцати миллиардов человек. Это не считая миграции на планеты более удаленных звезд.

Пылавший космический крейсер, который я видел в 2511 году, был единственным потерянным кораблем на линии Земля — Центавр. Он мчался с максимальной скоростью, когда его энергетические экраны среагировали на наш корабль. Автоматика немедленно включила торможение, но невозможно было сразу погасить такую скорость, и все его двигатели взорвались.

Подобная катастрофа не могла больше повториться. Прогресс в области аделедиктандеристики был так велик, что ныне даже самые огромные корабли могли мгновенно остановиться на полной скорости.

Нам было сказано, что мы не должны испытывать чувства вины из-за этого случая, поскольку результатом теоретического анализа этой катастрофы явились важнейшие достижения в области аделедиктандернской электронной пси-

хологии.

Блейк опустился в ближайшее кресло.

— Эх, парень, парень, — сказал он, — ну и влипли же мы. Единственное, что нам осталось, это прожить еще лет пятьдесят в качестве паразитов чужой цивилизации, где мы не можем понять, как действуют простейшие технические устройства.

Я беспокойно зашевелился: меня мучили те же мысли. Однако я молчал, и Блейк продолжал:

— Признаться, когда я понял, что планеты Альфы Центавра колонизированы, то вообразил, что смогу завладеть сердцем какой-нибудь здешней дамы и жениться на ней.

Невольно я вновь вспомнил девичьи губы, касающиеся моих губ.

— Интересно, — сказал я, — как все это переносит Ренфри? Он…

Знакомый голос, донесшийся от двери, оборвал меня на полуслове:

— Ренфри переносит это великолепно: первый шок сменился смирением, а оно — стремлением к намеченной цели.

Мы повернулись к двери и оказались лицом к лицу с Ренфри. Он шел к нам медленно, улыбаясь, а я смотрел на него, гадая, хорошо ли его

вылечили.

Он был в отличной форме. Его темные волнистые волосы были старательно уложены, бездонные голубые глаза оживляли лицо. Он производил впечатление прирожденного физического совершенства: в обычных условиях все и всегда у него было кричаще ярким, как у актера в костюмированном фильме.

И сейчас он был таким же — кричаще ярким.

— Я купил космический корабль, парни, — сказал он, — выложил все свои деньги и часть ваших. Но я знал, что вы одобрите мою идею. Верно?

— Конечно, — согласились мы.

— Что ты хочешь сделать? — спросил Блейк.

— Я знаю, — вставил я. — Мы облетим всю Вселенную, посвятив остаток жизни открыванию новых неизведанных миров. Джим, это была неплохая мысль, мы тут с Блейком едва не организовали клуб самоубийц.

Ренфри улыбнулся.

— Во всяком случае, скоро нам будет некогда скучать.

Касселлахат не возражал против проекта Ренфри, и спустя два дня мы снова оказались в космическом пространстве.

Три последующих месяца были необыкно-

венны. Поначалу я испытывал страх перед бесконечностью космоса. Молчаливые планеты проплывали по нашим экранам и исчезали вдали, оставляя после себя лишь воспоминания о диких, продуваемых ветрами лесах и равнинах, пустых волнующихся морях и безымянных солнцах.

Пейзажи и воспоминания вызывали у нас болезненное чувство одиночества: постепенно мы понимали, что это путешествие не поможет нам избавиться от бремени отчуждения, давившего на нас с момента прибытия на Альфу Центавра.

Мы не нашли тут никакой духовной ниши для наших сердец, — ничего, что дало бы нам удовлетворение хотя бы на год, а что уж говорить о пятидесяти!

Я видел, что такие же мысли тяготят и Блейка, и ждал какого-нибудь сигнала, который говорил бы о том, что и Ренфри испытывает то же самое. Но ничего подобного не было. Это меня беспокоило, поскольку я заметил еще одно: Ренфри наблюдал за нами, и во всем его поведении был намек на некое тайное знание, на какую-то скрытую цель.

Мое беспокойство усиливалось, и неизменное душевное равновесие Ренфри нисколько не помогало. Однажды, в конце третьего месяца, я как

раз лежал на койке, погруженный в невеселые мысли о нашем положении, когда дверь открылась и вошел Ренфри.

В руках у него были парализатор и веревка. Направив оружие на меня, он сказал:

— Мне очень жаль, Билл, но Касселлахат советовал мне не рисковать. Лежи спокойно, пока я тебя свяжу.

— Блейк! — заорал я.

Ренфри покачал головой.

— Бесполезно, — сказал он. — Я уже побывал у него.

Рука, в которой он держал парализатор, нисколько не дрожала, глаза его были холодны, как сталь. Единственное, что я мог сделать, это напрячь мускулы, когда он меня связывал, и помнить, что по крайней мере в два раза сильнее его.

«Он наверняка не сможет связать меня слишком крепко», — подумал я.

Наконец он закончил.

— Не сердись, Билл, — сказал он. — Мне неприятно это говорить, но оба вы слишком разгорячились, прибыв на Центавр. Это лечение, рекомендованное психологами, с которыми консультировался Касселлахат. Предположительно,

это вызовет у вас шок, такой же сильный, как и прежде.

Поначалу я не обратил внимания на его слова о Касселлахате, но потом меня осенило: невероятно, но Ренфри убедил Касселлахата, что мы с Блейком спятили! Все месяцы нашего общего путешествия он держался молодцом, чувствуя ответственность за нас. Это была тонкая уловка. Вопрос лишь в том, что должно стать причиной шока?

— Это не затянется надолго, — услышал я голос Ренфри. — Мы как раз выходим на орбиту звезды-отшельницы.

— Звезда-отшельница! — воскликнул я.

Он не ответил. Когда дверь за ним закрылась, я начал возиться со своими путами, не переставая рассуждать.

«Что там говорил Касселлахат? Что звезды-отшельницы держатся в пространстве благодаря неустойчивому равновесию. В этом пространстве».

Пот стекал по моему лицу: я представил, что нас отбросит в другую плоскость пространственно-временного континуума. Когда я освободил наконец руки, то почти почувствовал, как корабль падает вниз.

Я был связан не настолько долго, чтобы путы успели затормозить кровообращение, поэтому сразу направился в каюту Блейка. Две минуты спустя мы уже шли к рубке.

Ренфри мы застали врасплох. Блейк схватил его парализатор, а я одним мощным рывком выдернул его из кресла и швырнул на пол.

Он лежал неподвижно, вовсе не сопротивляясь и скалясь в усмешке.

— Слишком поздно, — сказал он. — Мы приближаемся к первой ступени нетерпимости, и ничего нельзя сделать, разве что подготовиться к шоку.

Я почти не слышал его. Тяжело опустившись в кресло у пульта управления, я уставился на экраны. Ничего не было видно, и это меня поразило. Я взглянул на регистраторы: они яростно дрожали, отмечая небесное тело БЕСКОНЕЧНЫХ РАЗМЕРОВ.

Довольно долго смотрел я на эти невероятные данные, потом передвинул рукоять деселератора. Под напором полной тяги аделедиктандера корабль замер. Зримо представив себе две силы, противостоящие друг другу, я выжал рукоять до упора.

Падение продолжалось.

— Орбита, — услышал я голос Блейка. — Выве-

ди нас на орбиту.

Дрожащими пальцами я постукивал по клавиатуре, вводя новые данные размера, гравитации и массы светила.

Отшельница не оставила нам ни одного шанса.

Я попытался рассчитать другую орбиту, третью, четвертую… Наконец я вычислил орбиту, которая увела бы нас даже от мощного Антареса, но жуткое падение продолжалось.

Экраны были по-прежнему пусты — ни следа материи. На секунду мне показалось, что я смутно вижу пятно большей черноты на фоне мрака космического пространства, но уверенности у меня не было.

Наконец в порыве отчаяния я присел возле Ренфри, который даже не пытался подняться.

— Слушай, Джим, — умоляюще сказал я, — зачем ты это сделал? Что теперь с нами будет?

Он беззаботно улыбнулся.

— Подумай, — сказал он, — о старом, заскорузлом отшельнике-человеке. Он поддерживает связи со своими приятелями, которые так же слабы, как у звезды-отшельницы с другими звездами в галактике. Вот-вот мы должны наткнуться на первый уровень нетерпимости. Это проявляется

в прыжках типа квантового каждые четыреста девяносто восемь лет семь месяцев восемь дней и несколько часов.

Это звучало сущим бредом.

— Но что будет с нами? — напирал я. — Ради бога, Джим!

Он посмотрел на меня с иронией, и я вдруг понял, что он совершенно здоров психически. Прежний рассудительный Ренфри даже стал как-то лучше и сильнее.

— Нас отбросит с этого уровня нетерпимости, и тем самым мы вернемся…

УДАР!

Резкий перекос. Я поскользнулся, с грохотом рухнул на пол, и тут чьи-то руки — это был Ренфри — схватили меня. И все кончилось.

Я поднялся, чувствуя, что мы уже не падаем. Посмотрел на пульт. Все огоньки погасли, все стрелки стояли на нулях. Повернувшись, я взглянул на Ренфри, потом на Блейка, мрачно поднимавшегося с пола.

— Пусти меня к пульту, Билл, — требовательно сказал Ренфри. — Я хочу рассчитать курс на Землю.

Целую минуту я таращился на него во все глаза, потом медленно отодвинулся. Пока он настраи-

вал приборы и нажимал ручку акселератора, я стоял рядом. Наконец он взглянул на меня.

— Мы будем на Земле через восемь часов, — сказал он, — и примерно через полтора года после того, как покинули ее пятьсот лет назад.

Я чувствовал, как трещит мой череп, и только через какое-то время понял, что это — из-за внезапного озарения.

Так значит, звезда-отшельница, освобождая от нас свое поле нетерпимости, просто стряхнула нас в другое время. Ренфри говорил, что это бывает каждые… четыреста девяносто восемь лет семь месяцев и…

— Но что будет с кораблем? Разве можно перенести в двадцать второй век аделедиктандер двадцать седьмого века и тем самым изменить ход истории? — бормотал я себе под нос.

Ренфри покачал головой.

— А что мы в нем понимаем? Разве мы осмелимся когда-нибудь залезть в его двигатель? Наверняка нет. Мы оставим корабль для своих собственных нужд.

— Н-но… — начал я, однако Ренфри прервал меня.

— Послушай, Билл, — сказал он. — Представь себе такую картину: через пятьдесят лет девушка,

которая тебя поцеловала, — я видел, как это тебя потрясло, — будет сидеть рядом с тобой, когда твой голос из космоса сообщит на Землю, что ты только что проснулся и съел первую порцию супа во время первого межзвездного полета к Альфе Центавра.

Именно так все и оказалось.

Чудовище

На высоте четверти мили над городом повис огромный звездолет. Внизу все носило следы космического опустошения. Медленно снижаясь в энергетической гондолосфере, Инэш заметил, что здания уже разваливаются от времени.

— Никаких следов военных действий. Никаких следов… — ежеминутно повторял бесплотный механический голос.

Инэш перевел настройку.

Достигнув поверхности, он отключил поле своей гондолы и оказался на окруженном стенами заросшем участке. Несколько скелетов лежало в высокой траве перед зданием с обтекаемыми стремительными линиями. Это были скелеты длинных двуруких и двуногих созданий; череп каждого держался на верхнем конце тонкого спинного хребта. Все костяки явно принадлежали взрослым особям и казались прекрасно сохранившимися, но, когда Инэш нагнулся и тронул один из них, целый сустав рассыпался в прах. Выпрямившись, он увидел, как Йоал приземляется поблизости. Подождав, пока историк выберется

из своей энергетической сферы, Инэш спросил:

— Как по-вашему, стоит попробовать наш метод оживления?

Йоал казался озабоченным.

— Я расспрашивал всех, кто уже спускался сюда в звездолете, — ответил он, — Что-то здесь не так. На этой планете не осталось живых существ, не осталось даже насекомых. Прежде чем начинать какую-либо колонизацию, мы должны выяснить, что здесь произошло.

Инэш промолчал. Подул слабый ветерок, зашелестел листвой в кронах рощицы неподалеку от них. Инэш взглянул на деревья. Йоал кивнул.

— Да, растительность не пострадала, однако растения, как правило, реагируют совсем иначе, чем активные формы жизни.

Их прервали. Из приемника прозвучал голос:

— Примерно в центре города обнаружен музей. На его крыше — красный маяк.

— Я пойду с вами, Йоал, — сказал Инэш. — Там, возможно, сохранились скелеты животных и разумных существ на различных стадиях эволюции. Кстати, вы не ответили мне. Собираетесь ли вы оживлять эти существа?

— Я представлю вопрос на обсуждение Совета, — медленно проговорил Йоал, — но, мне

кажется, ответ не вызывает сомнений. Мы обязаны знать причину этой катастрофы. — Он описал неопределенный полукруг одним из своих щупалец и как бы про себя добавил: — Разумеется, действовать надо осторожно, начиная с самых ранних ступеней эволюции. Отсутствие детских скелетов указывает, что эти существа, по-видимому, достигли индивидуального бессмертия.

Совет собрался для осмотра экспонатов. Инэш знал: это пустая формальность. Решение принято: они будут оживлять. Помимо всего прочего, они были заинтригованы. Вселенная безгранична, полеты сквозь космос долги и тоскливы, поэтому, спускаясь на неведомые планеты, они всегда с волнением ожидали встречи с новыми формами жизни, которые можно увидеть своими глазами, изучить.

Музей походил на все музеи. Высокие сводчатые потолки, обширные залы. Пластмассовые фигуры странных зверей, множество предметов — их было слишком много, чтобы все осмотреть и понять за столь короткое время. Эволюция неведомой расы была представлена последовательными группами реликвий. Инэш вместе со всеми прошел по залам. Он облегченно вздохнул, когда они наконец добрались до ряда скелетов и

мумий. Укрывшись за силовым экраном, наблюдал, как специалисты-биологи извлекают мумию из каменного саркофага. Тело мумии было перебинтовано полосами материи в несколько слоев, но биологи не стали разворачивать истлевшую ткань. Раздвинув пелены, они, как обычно делалось в таких случаях, взяли пинцетом только обломок черепной коробки. Для оживления годится любая часть скелета, однако лучшие результаты, наиболее совершенную реконструкцию дают некоторые участки черепа.

Главный биолог Хамар объяснил, почему они выбрали именно эту мумию:

— Для сохранения тела они применили химические вещества, которые свидетельствуют о зачаточном состоянии химии. Резьба же на саркофаге говорит о примитивной цивилизации, незнакомой с машинами. На этой стадии потенциальные возможности нервной системы вряд ли были особенно развитыми. Наши специалисты по языкам проанализировали записи говорящих машин, установленных во всех разделах музея, и, хотя языков оказалось очень много — здесь есть запись разговорной речи даже той эпохи, когда это существо было живо, — они без труда расшифровали все понятия. Сейчас

универсальный переводчик настроен ими так, что переведет любой наш вопрос на язык оживленного существа. То же самое, разумеется, и с обратным переводом. Но, простите, я вижу, первое тело уже подготовлено!

Инэш вместе с остальными членами совета пристально следил за биологами: те закрепили зажимами крышку воскресителя, и процесс пластического восстановления начался. Он почувствовал, как все внутри него напряглось. Он знал, что сейчас произойдет. Знал наверняка. Пройдет несколько минут, и древний обитатель этой планеты поднимется из воскресителя и встанет перед ними лицом к лицу. Научный метод воскрешения прост и безотказен.

Жизнь возникает из тьмы бесконечно малых величин, на грани, где все начинается и все кончается, на грани жизни и не жизни, в той сумеречной области, где вибрирующая материя легко переходит из старого состояния в новое, из органической в неорганическую и обратно. Электроны не бывают живыми или неживыми, атомы ничего не знают об одушевленности или неодушевленности. Но когда последние соединяются в молекулы, на этой стадии достаточно одного шага, ничтожно малого шага к жизни,

если только жизни суждено зародиться. Один шаг, а за ним темнота. Или жизнь.

Камень или живая клетка. Крупица золота или травинка. Морской песок или столь же бесчисленные крохотные живые существа, населяющие бездонные глубины рыбьего царства. Разница между ними возникает в сумеречной области зарождения материи. Там каждая живая клетка обретает присущую ей форму. Если у краба оторвать ногу, вместо нее вырастет такая же новая. Червь вытягивается и вскоре разделяется на двух червей, на две одинаковые желудочные системы, такие же прожорливые, совершенные и ничуть не поврежденные этим разделением. Каждая клетка может превратиться в целое существо. Каждая клетка «помнит» это целое в таких мельчайших и сложных подробностях, что для их описания просто не хватит сил.

Но вот что парадоксально — нельзя считать память органической! Обыкновенный восковой валик запоминает звуки. Магнитная лента легко воспроизводит голоса, умолкшие столетия назад. Память — это филологический отпечаток, следы, оставленные на материи, изменившие строение молекул; и, если ее пробудить, молекулы воспроизведут те же образы, в том же ритме.

Квадрильоны и квинтильоны пробужденных образов-форм устремились из черепа мумии в воскреситель. Память, как всегда, не подвела.

Ресницы воскрешенного дрогнули, и он открыл глаза.

— Значит, это правда, — сказал он громко, и машина сразу же перевела его слова на язык гэнейцев. — Значит, смерть — только переход в иной мир. Но где же все мои приближенные?

Последнюю фразу он произнес растерянным, жалобным тоном.

Воскрешенный сел, потом выбрался из аппарата, крышка которого автоматически поднялась, когда он ожил. Увидев гэнейцев, он задрожал, но это длилось какой-то миг. Воскрешенный был горд и обладал своеобразным высокомерным мужеством, которое сейчас ему пригодилось. Неохотно опустился он на колени, простерся ниц, но тут сомнения одолели его.

— Вы боги Египта? — спросил он и снова встал. — Что за уроды! Я не поклоняюсь неведомым демонам.

— Убейте его! — сказал капитан Горсид.

Двуногое чудовище судорожно дернулось и растаяло в пламени лучевого ружья.

Второй воскрешенный поднялся, дрожа и блед-

нея от ужаса.

— Господи, чтобы я еще когда-нибудь прикоснулся к проклятому зелью! Подумать только, допился до розовых слонов…

— Это что за «зелье», о котором ты упомянул, воскрешенный? — с любопытством спросил Йоал.

— Первач, сивуха, отрава во фляжке из заднего кармана, молоко от бешеной коровки, — чем только не поят в этом притоне, о господи боже мой!

Капитан Горсид вопросительно посмотрел на Йоала.

— Стоит ли продолжать?

Йоал, помедлив, ответил:

— Подождите, это любопытно.

Потом снова обратился к воскрешенному:

— Как бы ты реагировал, если бы я тебе сказал, что мы прилетели с другой звезды?

Человек уставился на него. Он был явно заинтересован, но страх оказался сильнее.

— Послушайте, — сказал он. — Я ехал по своим делам. Положим, я опрокинул пару лишних рюмок, но во всем виновата эта пакость, которой сейчас торгуют. Клянусь, я не видел другой машины, и, если это новый способ наказывать тех,

кто пьет за рулем, я сдаюсь. Ваша взяла. Клянусь, до конца своих дней больше не выпью ни капли, только отпустите меня.

— Он водит «машину», но он о ней совершенно не думает, — проговорил Йоал. — Никаких таких «машин» мы не видели. Они не позаботились сохранить их в своем музее.

Инэш заметил, что все ждут, когда кто-нибудь еще задаст вопрос. Почувствовав, что, если он сам не заговорит, круг молчания замкнется, Инэш сказал:

— Попросите его описать «машину». Как она действует?

— Вот это другое дело! — обрадовался человек. — Скажите, куда вы клоните, и я отвечу на любой вопрос. Я могу накачаться так, что в глазах задвоится, но все равно машину поведу. Как она действует? Просто. Включаешь стартер и ногой даешь газ…

— Газ, — вмешался техник-лейтенант Виид. — Мотор внутреннего сгорания. Все ясно.

Капитан Горсид подал знак стражу с лучевым ружьем.

Третий человек сел и некоторое время внимательно смотрел на них.

— Со звезд? — наконец спросил он. — У вас

есть система или вы попали к нам по чистой случайности?

Гэнейские советники, собравшиеся под куполом зала, неловко заерзали в своих гнутых креслах. Инэш встретился глазами с Йоалом. Историк был потрясен, и это встревожило метеоролога. Он подумал: «Двуногое чудовище обладает ненормально быстрой приспособляемостью к новым условиям и слишком острым чувством действительности. Ни один гэнеец не может сравниться с ним по быстроте реакций».

— Быстрота мысли не всегда является признаком превосходства, — проговорил главный биолог Хамар. — Существа с медленным, обстоятельным мышлением занимают в ряду мыслящих особей почетные места.

«Дело не в скорости, — невольно подумал Инэш, — а в правильности и точности мысли». Он попробовал представить себя на месте воскрешенного. Сумел бы он вот так же сразу понять, что вокруг него чужие существа с далеких звезд? Вряд ли.

Все это мгновенно вылетело у него из головы, когда человек встал. Инэш и остальные советники не спускали с него глаз. Человек быстро подошел к окну, выглянул наружу. Один корот-

кий взгляд, и он повернулся к ним.

— Везде то же самое?

Снова гэнейцев поразила быстрота, с которой он все понял.

Наконец Йоал решился ответить:

— Да. Опустошение. Смерть. Развалины. Вы знаете, что здесь произошло?

Человек подошел и остановился перед силовым экраном, за которым сидели гэнейцы.

— Могу я осмотреть музей? Я должен прикинуть, в какой я эпохе. Когда я был жив, мы обладали некоторыми средствами разрушения. Какое из них было применено — зависит от количества истекшего времени.

Советники смотрели на капитана Горсида. Тот замялся, потом приказал стражу с лучевым ружьем:

— Следи за ним!

Потом взглянул человеку в глаза.

— Нам ясны ваши намерения. Вам хочется воспользоваться положением и обеспечить свою безопасность. Хочу вас предупредить: ни одного лишнего движения, и тогда все кончится для вас хорошо.

Неизвестно, поверил человек в эту ложь или нет. Ни единым взглядом, ни единым жестом не

показал он, что заметил оплавленный пол там, где лучевое ружье сожгло и обратило в ничто двух его предшественников. С любопытством приблизился он к ближайшей двери, внимательно взглянул на следившего за ним второго стража и быстро направился дальше. Следом прошел страж, за ним двинулся силовой экран и наконец все советники один за другим.

Инэш переступил порог третьим. В этом зале были выставлены модели животных. Следующий представлял эпоху, которую Инэш для простоты назвал про себя «цивилизованной». Здесь хранилось множество аппаратов одного периода.

Все они говорили о довольно высоком уровне развития. Когда гэнейцы проходили тут в первый раз, Инэш подумал: «Атомная энергия». Это же поняли и другие. Капитан Горсид из-за его спины обратился к человеку:

— Ничего не трогать. Один ложный шаг — и страж сожжет вас.

Человек спокойно остановился посреди зала. Несмотря на чувство тревожного любопытства, Инэш залюбовался его самообладанием. Он должен был понимать, какая судьба его ожидает, и все-таки он стоит перед ними, о чем-то глубоко задумавшись. Наконец человек уверенно заго-

ворил:

— Дальше идти незачем. Может быть, вам удастся определить точней, какой промежуток времени лежит между днем моего рождения и вот этими машинами. Вот аппарат, который, если судить по таблице, считает взрывающиеся атомы. Когда их число достигает предела, автоматически выделяется определенное количество энергии. Периоды рассчитаны так, чтобы предотвратить цепную реакцию. В мое время существовали тысячи грубых приспособлений для замедления атомной реакции, но для того, чтобы создать такой аппарат, понадобилось две тысячи лет с начала атомной эры. Вы можете сделать сравнительный расчет?

Советники выжидательно смотрели на Виида. Инженер был в растерянности. Наконец он решился и заговорил:

— Девять тысяч лет назад мы знали множество способов предотвращать атомные взрывы. Но, — прибавил он уже медленнее, — я никогда не слышал о приборе, который отсчитывает для этого атомы.

— И все же они погибли, — пробормотал чуть слышно астроном Шюри.

Воцарилось молчание. Его прервал капитан

Горсид:

— Убей чудовище! — приказал он ближайшему стражу.

В то же мгновение объятый пламенем страж рухнул на пол. И не страж, а стражи! Все одновременно были сметены и поглощены голубым вихрем. Пламя лизнуло силовой экран, отпрянуло, рванулось еще яростней и снова отпрянуло, разгораясь все ярче. Сквозь огненную завесу Инэш увидел, как человек отступил к дальней двери. Аппарат, считающий атомы, светился от напряжения, окутанный синими молниями.

— Закрыть все выходы! — пролаял в микрофон капитан Горсид. — Поставить охрану с лучевыми ружьями! Подвести боевые ракеты ближе и расстрелять чудовище из тяжелых орудий!

Кто-то сказал:

— Мысленный контроль. Какая-то система управления мыслью на расстоянии. Зачем только мы в это впутались!

Они отступали. Синее пламя полыхало до потолка, пытаясь пробиться сквозь силовой экран. Инэш последний раз взглянул на аппарат. Должно быть, он все еще продолжал отсчитывать атомы, потому что вокруг него клубились адские синие вихри.

Вместе с остальными советниками Инэш добрался до зала, где стоял воскреситель. Здесь их укрыл второй силовой экран. С облегчением спрятались они в индивидуальные гондолы, вылетели наружу и поспешно поднялись в звездолет. Когда огромный корабль взмыл ввысь, от него отделилась атомная бомба. Огненная бездна разверзлась внизу над музеем и над всем городом.

— А ведь мы так и не узнали, отчего погибла раса этих существ, — прошептал Йоал на ухо Инэшу, когда раскаты взрыва замерли в отдалении.

Бледно-желтое солнце поднялось над горизонтом на третье утро после взрыва бомбы. Пошел восьмой день их пребывания на этой планете. Инэш вместе с остальными спустился в новый город. Он решил воспротивиться любой попытке производить воскрешения.

— Как метеоролог, — сказал он, — я объявляю, что эта планета вполне безопасна и пригодна для гэнейской колонизации. Не вижу никакой необходимости еще раз подвергаться риску. Эти существа проникли в тайны своей нервной системы, и мы не можем допустить…

Его прервали. Биолог Хамар насмешливо сказал:

— Если они знали так много, почему же не переселились на другую звездную систему и не спаслись?

— Полагаю, — ответил Инэш, — они не открыли наш метод определения звезд с планетами.

Он обвел хмурым взглядом круг друзей.

— Мы все знаем, что это было уникальное, случайное открытие. Дело тут не в мудрости — нам просто повезло.

По выражению лиц он понял: они мысленно отвергают его довод. Инэш чувствовал свое бессилие предотвратить неизбежную катастрофу. Он представил себе, как эта великая раса встретила смерть. Должно быть, смерть наступила быстро, но не столь быстро, чтобы они не успели понять. Слишком много скелетов лежало на открытых местах, в садах великолепных домов. Казалось, мужья вышли с женами наружу, чтобы встретить гибель своего народа под открытым небом. Инэш пытался описать советникам их последний день много-много лет назад, когда эти существа спокойно глядели в лицо смерти. Однако вызванные им зрительные образы не достигли сознания его соплеменников. Советники нетерпеливо задвигались в креслах за несколькими рядами защитных силовых экранов, а капитан Горсид спросил:

— Объясните, Инэш, что именно вызвало у вас такую эмоциональную реакцию?

Вопрос заставил Инэша умолкнуть. Он не думал, что это была эмоция. Он не отдавал себе отчета в природе наваждения — так незаметно оно овладевало им. И только теперь он вдруг понял.

— Что именно? — медленно проговорил он. — Знаю. Это был третий воскрешенный. Я видел его сквозь завесу энергетического пламени. Он стоял там, у дальней двери, и смотрел на нас, пока мы не обратились в бегство. Смотрел с любопытством. Его мужество, спокойствие, ловкость, с которой он нас одурачил, — в этом все дело…

— И все это привело его к гибели, — сказал Хамар.

Все захохотали.

— Послушайте, Инэш! — добродушно обратился к нему Мэйард, помощник капитана. — Не станете же вы утверждать, что эти существа храбрее нас с вами или что даже теперь, приняв все меры предосторожности, мы все должны опасаться одного воскрешенного нами чудовища?

Инэш промолчал. Он чувствовал себя глупо. Его совершенно убило открытие, что у него могут быть эмоции. К тому же не хотелось выглядеть

упрямцем. Тем не менее он сделал последнюю попытку.

— Я хочу сказать только одно, — сердито пробурчал он. — Стремление выяснить, что случилось с погибшей расой, кажется мне не таким уж обязательным.

Капитан Горсид подал знак биологу.

— Приступайте к оживлению! — приказал он.

И, обращаясь к Инэшу, проговорил:

— Разве мы можем вот так, не закончив всего, вернуться на Гэйну и посоветовать массовое переселение? Представьте себе, что мы чего-то не выяснили здесь до конца. Нет, мой друг, это невозможно.

Довод был старый, но сейчас Инэш почему-то с ним сразу согласился. Он хотел что-то добавить, но забыл обо всем, ибо четвертый человек поднялся в воскресителе.

Он сел и исчез.

Наступила мертвая тишина, полная ужаса и изумления. Капитан Горсид хрипло проговорил:

— Он не мог отсюда уйти. Мы это знаем. Он где-то здесь.

Гэнейцы, привстав с кресел, всматривались в пустоту под энергетическим колпаком. Стражи стояли, безвольно опустив щупальца с лучевыми

ружьями. Боковым зрением Инэш увидел, как один из техников, обслуживавших защитные экраны, что-то шепнул Вииду, который сразу последовал за ним. Вернулся он, заметно помрачнев.

— Мне сказали, — проговорил Виид, — что, когда воскрешенный исчез, стрелки приборов прыгнули на десять делений. Это уровень внутриядерных процессов.

— Во имя первого гэнейца! — прошептал Шюри. — Это то, чего мы всегда боялись.

— Уничтожить все локаторы на звездолете! — кричал капитан Горсид в микрофон. — Уничтожить все, вы слышите?

Он повернулся, сверкая глазами, к астроному.

— Шюри, они, кажется, меня не поняли. Прикажите своим подчиненным действовать! Все локаторы и воскресители должны быть немедленно уничтожены.

— Скорее, скорее! — жалобно подтвердил Шюри.

Когда это было сделано, они перевели дух. На лицах появились угрюмые усмешки. Все чувствовали мрачное удовлетворение. Помощник капитана Мэйард проговорил:

— Во всяком случае, теперь он не найдет нашу

Гэйну. Великая система определения звезд с планетами останется нашей тайной. Мы можем не опасаться возмездия…

Он остановился и уже медленно закончил:

— О чем это я говорю?.. Мы ничего не сделали. Разве мы виноваты в том, что случилось с жителями этой планеты?

Но Инэш знал, о чем он подумал. Чувство вины всегда возникало у них в подобные моменты. Призраки всех истребленных гэнейцами рас; беспощадная воля, которая вдохновляла их, когда они впервые приземлялись; решимость уничтожить здесь все, что им помешает; темные бездны безмолвного ужаса и ненависти, разверзающиеся за ними повсюду; дни Страшного суда, когда они безжалостно облучали ничего не подозревавших обитателей мирных планет смертоносной радиацией, — вот что скрывалось за словами Мэйарда.

— Я все же не верю, что он мог сбежать, — заговорил капитан Горсид, — Он здесь, в здании, он ждет, когда мы снимем защитные экраны, и тогда он сумеет уйти. Пусть ждет. Мы этого не сделаем.

Снова воцарилось молчание. Они выжидательно смотрели на пустой купол энергетической защиты. Только сверкающий воскреситель стоял там на своих металлических подставках. Кроме

этого аппарата, там не было ничего — ни одного постороннего блика, ни одной тени. Желтые солнечные лучи проникали всюду, освещая площадку с такой яркостью, что укрыться на ней было просто немыслимо.

— Стража! — приказал капитан Горсид. — Уничтожьте воскреситель. Я думаю, он вернется, чтобы его осмотреть, поэтому не следует рисковать.

Аппарат исчез в волнах белого пламени. Вместе с ним исчезла и последняя надежда Инэша, который все еще верил, что смертоносная энергия заставит двуногое чудовище появиться. Надеяться больше было не на что.

— Но куда он мог деться? — спросил Йоал.

Инэш повернулся к историку, собираясь обсудить с ним этот вопрос. Уже заканчивая полуоборот, он увидел — чудовище стоит чуть поодаль под деревом и внимательно их разглядывает. Должно быть, оно появилось именно в этот миг, потому что все советники одновременно открыли рты и отпрянули. Один из техников, проявляя величайшую находчивость, мгновенно установил между гэнейцами и чудовищем силовой экран. Существо медленно приблизилось. Оно было хрупким и несло голову, слегка откинув

назад. Глаза его сияли, будто освещенные внутренним огнем.

Подойдя к экрану, человек вытянул руку и коснулся его пальцами. Экран ослепительно вспыхнул, потом затуманился переливами красок. Волна красок перешла на человека: цвета стали ярче и в мгновение разлились по всему его телу, с головы до ног. Радужный туман рассеялся. Очертания стали незримы. Еще миг — и человек прошел сквозь экран.

Он засмеялся — звук был странно мягким — и сразу посерьезнел.

— Когда я пробудился, ситуация меня позабавила, — сказал он. — Я подумал: «Что мне теперь с вами делать?»

Для Инэша его слова прозвучали в утреннем воздухе мертвой планеты приговором судьбы. Молчание нарушил голос, настолько сдавленный и неестественный, что Инэшу понадобилось время, чтобы узнать голос капитана Горсида.

— Убейте его!

Когда взрывы пламени опали обессиленные, неуязвимое существо по-прежнему стояло перед ними. Оно медленно двинулось вперед и остановилось шагах в шести от ближайшего гэнейца. Инэш оказался позади всех. Человек неторопливо

заговорил:

— Напрашиваются два решения: одно — основанное на благодарности за мое воскрешение, второе — на действительном положении вещей. Я знаю, кто вы и что вам нужно. Да, я вас знаю — в этом ваше несчастье. Тут трудно быть милосердным. Но попробую. Предположим, — продолжал он, — вы откроете тайну локатора. Теперь, поскольку система существует, мы больше никогда не попадемся так глупо, как в тот раз.

Инэш весь напрягся. Его мозг работал так лихорадочно, пытаясь охватить возможные последствия катастрофы, что казалось, в нем не осталось места ни для чего другого. И тем не менее какая-то часть сознания была отвлечена.

— Что же произошло? — спросил он.

Человек потемнел. Воспоминания о том далеком дне сделали его голос хриплым.

— Атомная буря, — проговорил он. — Она пришла из иного звездного мира, захватив весь этот край нашей Галактики. Атомный циклон достигал в диаметре около девяноста световых лет, гораздо больше того, что нам было доступно. Спасения не было. Мы не нуждались до этого в звездолетах и ничего не успели построить. К тому же Кастор, единственная известная нам звезда с

планетами, тоже был задет бурей.

Он умолк. Затем вернулся к прерванной мысли.

— Итак, секрет локатора… В чем он?

Советники вокруг Инэша вздохнули с облегчением. Теперь они не боялись, что их раса будет уничтожена. Инэш с гордостью отметил, что, когда самое страшное осталось позади, никто из гэнейцев даже не подумал о себе.

— Значит, вы не знаете тайны? — вкрадчиво проговорил Йоал. — Вы достигли очень высокого развития, однако завоевать Галактику сможем только мы.

С заговорщицкой улыбкой он обвел глазами всех остальных и добавил:

— Господа, мы можем по праву гордиться великими открытиями гэнейцев. Предлагаю вернуться на звездолет. На этой планете нам больше нечего делать.

Еще какой-то момент, пока они не скрылись в своих сферических гондолах, Инэш с тревогой думал, что двуногое существо попытается их задержать. Но, оглянувшись, увидел, что человек повернулся к ним спиной и неторопливо идет вдоль улицы.

Этот образ остался в памяти Инэша, когда звез-

долет начал набирать высоту. И еще одно он запомнил: атомные бомбы, сброшенные на город одна за другой, не взорвались.

— Так просто мы не откажемся от этой планеты, — сказал капитан Горсид. — Я предлагаю еще раз переговорить с чудовищем.

Они решили снова спуститься в город — Инэш, Йоал, Виид и командир корабля. Голос капитана Горсида прозвучал в их приемниках:

— Мне кажется... — Взгляд Инэша улавливал сквозь утренний туман блеск прозрачных гондол, которые опускались вокруг него. — Мне кажется, мы принимаем это создание совсем не за то, что оно собой представляет в действительности. Вспомните, например: оно пробудилось и сразу исчезло. А почему? Потому что испугалось. Ну конечно же! Оно не было хозяином положения. Оно само не считает себя всесильным.

Это звучало убедительно. Инэшу доводы капитана пришлись по душе. И ему вдруг показалось непонятным, чего это он так легко поддался панике! Теперь опасность предстала перед ним в ином свете. На всей планете всего один человек. Если они действительно решатся, можно будет начать переселение колонистов, словно его вообще нет. Он вспомнил, так уже делалось в прошлом

неоднократно. На многих планетах небольшие группки исконных обитателей избежали действия смертоносной радиации и укрылись в отдаленных областях. Почти всюду колонисты постепенно выловили их и уничтожили. Однако в двух случаях, насколько он помнит, туземцы еще удерживали за собой небольшие части своих планет. В обоих случаях было решено не истреблять их радиацией — это могло повредить самим гэнейцам. Там колонисты примирились с уцелевшими автохтонами. А тут и подавно — всего один обитатель, он не займет много места!

Когда они его отыскали, человек деловито подметал нижний этаж небольшого особняка. Он отложил веник и вышел к ним на террасу. На нем были теперь сандалии и свободная развевающаяся туника из какой-то ослепительно сверкающей материи. Он лениво посмотрел на них и не сказал ни слова.

Переговоры начал капитан Горсид. Инэш только диву давался, слушая, что тот говорит механическому переводчику.

Командир звездолета был предельно откровенен: так решили заранее. Он подчеркнул, что гэнейцы не собираются оживлять других мертвецов этой планеты. Подобный альтруизм был бы

противоестествен, ибо все возрастающие орды гэнейцев постоянно нуждаются в новых мирах. И каждое новое значительное увеличение населения выдвигало одну и ту же проблему, которую можно разрешить только одним путем. Но в данном случае колонисты добровольно обязуются не посягать на права единственного уцелевшего обитателя планеты.

В этом месте человек прервал капитана Горсида:

— Какова же была цель такой бесконечной экспансии?

Казалось, он был искренне заинтересован.

— Предположим, вы заселите все планеты нашей Галактики. А что дальше?

Капитан Горсид обменялся недоуменным взглядом с Йоалом, затем с Инэшем и Виидом. Инэш отрицательно покачал туловищем из стороны в сторону. Он почувствовал жалость к этому созданию. Человек не понимал и, наверно, никогда не поймет. Старая история! Две расы, жизнеспособная и угасающая, держались противоположных точек зрения: одна стремилась к звездам, а другая склонялась перед неотвратимостью судьбы.

— Почему бы вам не установить контроль над своими инкубаторами? — настаивал человек.

— И вызвать падение правительства? — сыронизировал Йоал.

Он проговорил это снисходительно, и Инэш увидел, как все остальные тоже улыбаются наивности человека. Он почувствовал, как интеллектуальная пропасть между ними становится все шире. Это существо не понимало природы жизненных сил, управляющих миром.

— Хорошо, — снова заговорил человек. — Если вы не способны ограничить свое размножение, это сделаем за вас мы.

Наступило молчание.

Гэнейцы начали окостеневать от ярости. Инэш чувствовал это сам и видел те же признаки у других. Его взгляд переходил с лица на лицо и возвращался к двуногому созданию, по-прежнему стоявшему в дверях. Уже не в первый раз Инэш подумал, что их противник выглядит совершенно беззащитным.

«Сейчас, — подумал он, — я могу обхватить его щупальцами и раздавить!»

Умственный контроль над внутриядерными процессами и гравитационными полями, сочетается ли он со способностью отражать чисто механическое, макрокосмическое нападение? Инэш думал, что сочетается. Сила, проявление

которой они видели два часа назад, конечно, должна была иметь какие-то пределы. Но они этих пределов не знали. И тем не менее все это теперь не имело значения. Сильнее они или слабее — неважно. Роковые слова были произнесены: «Если вы не способны ограничить, это сделаем за вас мы!»

Эти слова еще звучали в ушах Инэша, и по мере того, как их смысл все глубже проникал в его сознание, он чувствовал себя все менее изолированным и отчужденным. До сих пор он считал себя только зрителем. Даже протестуя против дальнейших воскрешений, Инэш действовал как незаинтересованное лицо, наблюдающее за драмой со стороны, но не участвующее в ней.

Только сейчас он с предельной ясностью понял, почему он всегда уступал и в конечном счете соглашался с другими. Возвращаясь в прошлое, к самым отдаленным дням, теперь он видел, что никогда по-настоящему не считал себя участником захвата новых планет и уничтожения чуждых рас. Он просто присутствовал при сем, размышлял, рассуждал о жизни, не имевшей для него значения.

Теперь это понятие конкретизировалось. Он больше не мог, не хотел противиться могучей

волне страстей, которые его захлестнули. Сейчас он мыслил и чувствовал заодно с необъятной массой гэнейцев. Все силы и все желания расы бушевали в его крови.

— Слушай, двуногий! — прорычал он. — Если ты надеешься оживить свое мертвое племя — оставь эту надежду!

Человек посмотрел на него, но промолчал.

— Если бы ты мог нас всех уничтожить, — продолжал Инэш, — то давно уничтожил бы. Но все дело в том, что у тебя не хватит сил. Наш корабль построен так, что на нем невозможна никакая цепная реакция. Любой частице потенциально активной материи противостоит античастица, не допускающая образования критических масс. Ты можешь произвести взрывы в наших двигателях, но эти взрывы останутся тоже изолированными, а их энергия будет обращена на то, для чего двигатели предназначены, — превратится в движение.

Инэш почувствовал прикосновение Йоала.

— Поостерегись! — шепнул историк. — В запальчивости ты можешь выболтать один из наших секретов.

Инэш стряхнул его щупальце и сердито огрызнулся:

— Хватит наивничать! Этому чудовищу достаточно было взглянуть на наши тела, чтобы разгадать почти все тайны нашей расы. Нужно быть дураком, чтобы воображать, будто оно еще не взвесило свои и наши возможности в данной ситуации.

— Инэш! — рявкнул капитан Горсид.

Услышав металлические нотки в его голосе, Инэш отступил и ответил:

— Слушаюсь.

Его ярость остыла так же быстро, как вспыхнула.

— Мне кажется, — продолжал капитан Горсид, — я догадываюсь, что вы намеревались сказать. Я целиком с вами согласен, но в качестве высшего представителя властей Гэйны считаю своим долгом предъявить ультиматум.

Он повернулся. Его рогатое тело нависло над человеком.

— Ты осмелился произнести слова, которым нет прощения. Ты сказал, что вы попытаетесь ограничить движение великого духа Гэйны.

— Не духа, — прервал его человек. Он тихонько рассмеялся. — Вовсе не духа!

Капитан Горсид пренебрег его словами.

— Поэтому, — продолжал он, — у нас нет вы-

бора. Мы полагаем, что со временем, собрав необходимые материалы и изготовив соответствующие инструменты, ты сумеешь построить воскреситель. По нашим расчетам, на это понадобится самое меньшее два года, даже *если ты знаешь все.* Это необычайно сложный аппарат, и собрать его единственному представителю расы, которая отказалась от машин за тысячелетие до того, как была уничтожена, будет очень и очень непросто. Ты не успеешь построить звездолет. И мы не дадим тебе времени собрать воскреситель. Возможно, ты сумеешь предотвратить взрывы на каком-то расстоянии вокруг себя. Тогда мы полетим к другим материкам. Если ты помешаешь и там, значит, нам понадобится помощь. Через шесть месяцев полета с наивысшим ускорением мы достигнем точки, откуда ближайшие колонизированные гэнейцами планеты услышат наш призыв. Они пошлют огромный флот: ему не смогут противостоять все твои силы. Сбрасывая по сотне или по тысяче бомб в минуту, мы уничтожим все города, так что от скелетов твоего народа не останется даже праха. Таков наш план. И так оно и будет. А теперь делай с нами что хочешь — мы в твоей власти.

Человек покачал головой.

— Пока я ничего не стану делать, — сказал он и подчеркнул: — Пока ничего.

Помолчав, добавил задумчиво:

— Вы рассуждаете логично. Очень. Разумеется, я не всемогущ, но, мне кажется, вы забыли одну маленькую деталь. Какую, не скажу. А теперь прощайте. Возвращайтесь на свой корабль и летите, куда хотите. У меня еще много дел.

Инэш стоял неподвижно, чувствуя, как ярость снова разгорается в нем. Потом, зашипев, он прыгнул, растопырив щупальца. Они уже почти касались нежного тела, как вдруг что-то отшвырнуло его…

Очнулся Инэш на звездолете.

Он не помнил, как очутился в нем, он не был ранен, не испытывал никакого потрясения. Он беспокоился только о капитане Горсиде, Виидe, Йоале, но все трое стояли рядом с ним, такие же изумленные. Инэш лежал неподвижно и думал о том, что сказал человек: «Вы забыли одну маленькую деталь…» Забыли? Значит, они ее знали! Что же это такое? Он все еще раздумывал над этим, когда Йоал сказал:

— Глупо надеяться, что наши бомбы хоть что-нибудь сделают!

Он оказался прав.

Когда звездолет удалился от Земли на сорок световых лет, Инэша вызвали в зал совета. Вместо приветствия Йоал уныло сказал:

— Чудовище на корабле.

Его слова как громом поразили Инэша, но вместе с их раскатами на него снизошло внезапное озарение.

— Так вот мы о чем забыли! — удивленно и громко проговорил он наконец. — Мы забыли, что он при желании может передвигаться в космическом пространстве в пределах… — как это он сказал? — в пределах девяноста световых лет.

Инэш понял. Гэнейцы, которым приходилось пользоваться звездолетами, разумеется, не вспомнили о такой возможности. И удивляться тут было нечему. Постепенно действительность начала утрачивать для него значение. Теперь, когда все свершилось, он снова почувствовал себя измученным и старым, он снова был отчаянно одинок.

Для того чтобы ввести его в курс дела, понадобилось всего несколько минут. Один из физиков-ассистентов по дороге в кладовую заметил человека в нижнем коридоре. Странно только, что никто из многочисленной команды звездолета не обнаружил чудовища раньше.

«Но мы ведь, в конце концов, не собираемся спускаться или приближаться к нашим планетам, — подумал Инэш. — Таким образом, он сможет нами воспользоваться, только если мы включим видео?..»

Инэш остановился. Ну конечно, в этом все дело! Им придется включить направленный видеолуч, и, едва контакт будет установлен, человек сможет определить нужное направление.

Решение Инэш прочел в глазах своих соплеменников — единственное возможное в данных условиях решение. И все же ему казалось, что они что-то упустили, что-то очень важное. Он медленно подошел к большому видеоэкрану, установленному в конце зала. Картина, изображенная на нем, была так ярка, так величественна и прекрасна, что непривычный разум содрогался перед ней, как от вспышки молнии. Даже Инэша, хотя он видел это неоднократно, охватывало оцепенение перед немыслимой, невообразимой бездной космоса. Это было изображение части Млечного Пути. Четыреста миллионов звезд сияли, словно в окуляре гигантского телескопа, способного улавливать даже мерцание красных карликов, удаленных на расстояние в тридцать тысяч световых лет. Видеоэкран был диаметром

в двадцать пять ярдов — таких телескопов просто не существовало нигде, и к тому же в других галактиках не было стольких звезд.

И лишь одна из каждых двухсот тысяч сияющих звезд имела пригодные для заселения планеты.

Именно этот факт колоссального значения заставил их принять роковое решение. Инэш устало обвел всех глазами. Когда он заговорил, голос его был спокоен:

— Чудовище рассчитало прекрасно. Если мы полетим дальше, оно полетит вместе с нами, овладеет воскресителем и вернется доступным ему способом на свою планету. Если мы воспользуемся направленным лучом, оно устремится вдоль луча, захватит воскреситель и тоже вернется к себе раньше нас. В любом случае, прежде чем наши корабли долетят до планеты, двуногий успеет оживить достаточное количество своих соплеменников, и тогда мы будем бессильны.

Он содрогнулся всем телом. Рассуждал он правильно, и все же ему казалось, что где-то в его мыслях есть пробел. Инэш медленно продолжал:

— Сейчас у нас только одно преимущество. Какое бы решение мы ни приняли, без машины-переводчика он его не узнает. Мы можем выработать план, который останется для него

тайной. Он знает, что ни мы, ни он не можем взорвать корабль. Нам остается единственный выход. Единственный.

Капитан Горсид прервал наступившую тишину:

— Итак, я вижу, вы знаете все. Мы включим двигатели, взорвем приборы управления и погибнем вместе с чудовищем.

Они обменялись взглядами, и в глазах у всех была гордость за свою расу. Инэш по очереди коснулся щупальцами каждого.

Час спустя, когда температура в звездолете ощутимо поднялась, Инэшу пришла в голову мысль, которая заставила его устремиться к микрофону и вызвать астронома Шюри.

— Шюри! — крикнул он. — Вспомни, Шюри, когда чудовище пробудилось и исчезло… Ты помнишь? Капитан Горсид не мог сразу заставить твоих помощников уничтожить локаторы. Мы так и не спросили их, почему они медлили. Спроси их! Спроси сейчас!..

Последовало молчание, потом голос Шюри слабо донесся сквозь фохот помех:

— Они… не могли… проникнуть… отсек… Дверь… была заперта.

Инэш мешком осел на пол. Вот оно! Значит,

они упустили не только одну деталь! Человек очнулся, все понял, стал невидимым и сразу устремился на звездолет. Он открыл тайну локатора и тайну воскресителя, если только не осмотрел его в первую очередь. Когда он появился снова, он уже взял от них все, что хотел. А все остальное понадобилось чудовищу только для того, чтобы толкнуть их на этот акт отчаяния, на самоубийство.

Сейчас, через несколько мгновений он покинет корабль в твердой уверенности, что вскоре ни одно чужое существо не будет знать о его планете, и в такой же твердой уверенности, что его раса возродится, будет жить снова и отныне уже никогда не погибнет.

Потрясенный, Инэш зашатался, цепляясь за рычащий приемник, и начал выкрикивать в микрофон последнее, что он понял. Ответа не было. Все заглушал рев невероятной, уже неуправляемой энергии. Жар начал размягчать его бронированный панцирь, когда Инэш, запинаясь, попробовал дотащиться до силового регулятора. Навстречу ему рванулось багровое пламя. Визжа и всхлипывая, он бросился обратно к передатчику.

Несколько минут спустя он все еще что-то

пищал в микрофон, когда могучий звездолет нырнул в чудовищное горнило бело-синего солнца.

Пробуждение

Остров был стар, очень стар. Даже Иилах, который лежал у входа во внутреннюю лагуну миллионы миллионов лет, не понимал, пока был еще жив, что это гребень первородного материка, восставшего над водами в первые дни творения. Остров был длиной примерно в три мили и шириной в полторы мили в самом широком месте. Он судорожно изогнулся вокруг синей лагуны, подобно гигантскому человеку, пытающемуся дотянуться руками до пальцев ног. Сквозь оставшийся просвет в лагуну врывалось море. Волнам было тесно в узком канале. С бесконечным упорством они пытались разрушить каменные стены, и рев прибоя был здесь особенно хриплым и яростным — символ вечной битвы между осажденной сушей и штурмующим ее океаном. На самом стрежне под грохочущими волнами лежал Иилах, забытый временем и Вселенной.

В начале 1941 года к острову пришли японские корабли и проникли через бурную стремнину канала в тихую лагуну. С палубы одного из кораблей пара любопытных глаз заметила странный

предмет в русле неспокойных вод. Но обладатель этих глаз был на службе у правительства, которое строго пресекало всякую деятельность своих подданных, если она не имела прямого отношения к войне. Поэтому инженер Таку Онило ограничился тем, что отметил в своем отчете:

> *«В устье канала на дне находится массивное образование из блестящей, похожей на гранит породы, длиной около четырехсот футов при ширине в девяносто футов».*

Маленькие желтокожие люди построили подземные резервуары для бензина и нефти и покинули остров.

Океан наступал и отступал, снова наступал и снова отступал. Так проходили дни и годы, а десница времени тяжела. Дождливые сезоны приходили в положенный срок, и вскоре ливни смыли все следы, оставленные человеком. Там, где машины обнажили землю, поднялись зеленые заросли. Окончилась война. Подземные резервуары слегка осели в своих каменных гнездах, и в главных нефтепроводах появились многочисленные трещины. Нефть медленно просачивалась наружу, и воды лагуны годами

покрывала радужная пленка.

В сотнях миль от острова вблизи атолла Бикини произвели один взрыв, затем другой, и перепутанные течения понесли радиоактивные воды неведомыми путями. Первая волна потенциальной энергии достигла острова ранней осенью 1946 года.

Еще несколько лет спустя терпеливый чиновник, разбирая в Токио архив императорского военно-морского флота Японии, обнаружил документ о существовании тайного нефтехранилища. По прошествии должного срока, в 19… году, эскадренный миноносец «Коулсон» отправился в обычное для таких случаев инспекционное плавание.

Час апокалипсиса пробил.

Капитан-лейтенант Кент Мейнард угрюмо рассматривал остров в бинокль. Он был готов к неприятным неожиданностям, однако не ждал ничего сверхъестественного.

— Обычный подлесок, — пробормотал он, — Цепь холмов, хребет острова, деревья…

И тут он умолк.

На обращенном к ним склоне пальмовый лес прорезала широкая просека. Деревья на ней были глубоко вдавлены в гигантскую борозду, уже по-

росшую травой и молодым кустарником. Борозда шириной примерно в сотню футов тянулась от берега вверх по склону и обрывалась у длинного плоского утеса, лежавшего близ вершины холма.

Ничего не понимая, Мейнард уставился на фотографии острова, сделанные еще японцами. Машинально он обратился к своему заместителю лейтенанту Джерсону.

— Черт побери! — сказал он, — Как очутился здесь этот утес? Его нет ни на одной фотографии.

Едва успев закрыть рот, он уже пожалел о сказанном.

Джерсон взглянул на него с чуть прикрытой иронией и пожал плечами.

— Наверное, мы попали не на тот остров.

Мейнард счел за лучшее промолчать. Этот Джерсон был странным типом. На языке у него всегда вертелись какие-нибудь колкости.

— Пожалуй, эта штука весит миллиона два тонн, — продолжал лейтенант, — Может, японцы нарочно притащили ее сюда, чтобы сбить нас с толку?

Последние слова Джерсона еще больше уязвили его: как раз в это мгновение, глядя на утес, он и в самом деле подумал о японцах. Однако вес утеса, определенный лейтенантом довольно

точно, заставил его отказаться от столь диких предположений. Если бы японцы могли сдвинуть с места утес, весящий два миллиона тонн, они бы выиграли войну.

Они вошли в лагуну без всяких происшествий. Проход оказался шире и глубже, чем предполагал Мейнард, судя по японской карте, и это облегчило задачу. Обедали они уже в лагуне под прикрытием береговой гряды. Мейнард заметил на воде нефтяные пятна и тотчас приказал следить, чтобы кто-нибудь не бросил за борт спичку. Посовещавшись с офицерами, он решил поджечь эту нефть, когда работа будет закончена и эсминец выйдет из лагуны.

Примерно в половине второго шлюпки были спущены на воду и быстро добрались до берега. Еще через час с помощью калек, снятых с японских планов, удалось отыскать все четыре замаскированных нефтехранилища. Понадобилось немного больше времени, чтобы определить их размеры и выяснить, что три из них пусты. Только четвертое, самое маленькое, оказалось совершенно целым и полным высокооктанового бензина примерно на семнадцать тысяч долларов. Это была слишком маленькая добыча для крупных танкеров, которые все еще выкачивали

остатки горючего из американских и японских нефтехранилищ на островах. Мейнард подумал, что сюда надо было бы прислать за бензином лихтер, но это уже его не касалось.

Несмотря на то, что все было закончено довольно быстро, Мейнард с трудом поднялся на борт.

— Что, сэр, совсем выдохлись? — спросил Джерсон излишне громко.

Мейнард ощетинился и решил обследовать утес в тот же вечер. Сразу после ужина он вызвал добровольцев. Было уже совсем темно, когда Мейнард с командой из семи матросов и боцманом Юэллом высадились на песчаный пляж, окаймленный высоченными пальмами. Не теряя времени, они двинулись в глубь острова.

Луны не было, и лишь звезды мерцали среди разорванных облаков — последних примет только что закончившегося дождливого сезона. Они шли по дну гигантской борозды, инкрустированному поваленными деревьями. При слабом свете фонариков эти бесчисленные стволы, обугленные, впрессованные в землю какой-то сверхъестественной силой, производили тягостное впечатление.

Мейнард услышал, как один из матросов пробормотал:

— Ну и тайфун же здесь был… Натворить такое!

«Не тайфун, — подумал Мейнард. — Всесокрушающий ураган, такой страшный, такой чудовищный, что…»

И тут мысль его словно споткнулась. Он не мог себе представить ураган, способный протащить двухмиллионотонную глыбу четверть мили, да еще вверх по склону, на высоту четырехсот футов над уровнем моря.

Вблизи поверхность утеса выглядела как обыкновенный гранит. В лучах фонариков он переливался бесчисленными розовыми искрами. Мейнард вел свою команду вдоль поверженного великана, подавленный его размерами: в длину он насчитал четыреста шагов, и эта глыба нависала над людьми как гигантская мерцающая стена. Даже верхний конец утеса, глубоко зарывшийся в землю, возвышался над их головами футов на пятьдесят.

Ночь становилась все более жаркой, удушающе жаркой.

Мейнард обливался потом. Лишь мысль о том, что он выполняет свой долг в столь тяжелых условиях, приносила ему удовлетворение. Он постоял в нерешительности, мрачно наслаждаясь

напряженным безмолвием первозданной ночи, потом наконец сказал:

— Отколите вот здесь и вот там несколько образцов. Эти розовые прожилки довольно любопытны.

Несколько секунд спустя нечеловеческий вопль разорвал ночную тишину. Вспыхнули фонарики. Они осветили матроса Хикса, который бился в корчах на земле рядом с утесом. В скрещении лучей все увидели его руку: запястье казалось тлеющим черным початком кукурузы. Он прикоснулся к Иилаху.

Мейнард сделал обезумевшему от боли матросу укол морфия и поспешил доставить его на корабль. Тотчас связались с базой. Дежурный хирург шаг за шагом давал по радио указания, как вести операцию. Было решено, что за пострадавшим прилетит санитарный самолет. В штабе, видимо, недоумевали, как могло все это случиться, потому что оттуда запросили «более подробные сведения» относительно «горячего» утеса. К утру там уже окрестили его метеоритом. Мейнард, который обычно никогда не спорил с начальством, на сей раз, услышав такое определение, насупился и позволил себе заметить, что этот «метеорит» весит два миллиона тонн и

лежит на поверхности острова.

— Я пошлю второго механика измерить температуру, — сказал он.

Судовой термометр показал, что температура поверхности утеса достигает почти восьмисот градусов по Фаренгейту. И тогда Мейнарду задали вопрос, от которого он побелел.

— Да, сделали, — ответил он. — Радиоактивность воды чуть выше нормы. Есть! Мы немедленно уйдем из лагуны и будем ждать корабль с учеными на внешнем рейде.

Он поспешил закончить разговор. Девять человек побывали всего в нескольких ярдах от утеса, в зоне смертоносного излучения. Да и эсминец, стоявший в полумиле от берега, тоже должен был получить опасную дозу радиации. Однако золотые лепестки электроскопа не шевелились, а опущенный в воду счетчик Гейгера-Мюллера лишь слабо потрескивал, да и то с большими интервалами. Немного успокоившись, Мейнард спустился вниз навестить матроса Хикса. Пострадавший забылся беспокойным сном, но, как видно, не собирался умирать, что было уже неплохим признаком.

Когда прилетел санитарный самолет, прибывший на нем врач перевязал Хикса и взял на

анализ кровь у всего экипажа. Поднявшись на мостик, этот симпатичный молодой человек доложил Мейнарду:

— Ну что ж, могу сказать, что подозрения не оправдались. На корабле все в полном порядке, даже Хикс, если не считать его руки. Для восьмисот по Фаренгейту она сгорела чертовски быстро. Не понимаю.

Пять минут спустя, когда они все еще стояли на мостике, пронзительные дикие крики с нижней палубы взорвали тишину уединенного островка.

Что-то дрогнуло в глубине Иилаха, шевельнулось. Смутное воспоминание о себе самом, о том, что он должен был сделать. В сущности, сознание впервые вернулось к нему в конце 1946 года, когда он ощутил прилив энергии извне. Внешний приток ослабел и постепенно исчез. Его энергия была ничтожно слаба. Кора планеты, той, которую он знал раньше, трепетала от приливов и отливов потенциальных сил еще не остывшего юного мира, только что вышедшего из звездной стадии. И лишь долгое время спустя Иилах до конца понял, в какое катастрофическое положение он попал. Сначала же, пока жизнь в нем еле теплилась, он был слишком сосредоточен в себе самом, чтобы обращать внимание на

окружающее.

Усилием воли он заставил себя проанализировать и оценить обстановку. Напрягая радарное зрение, он обозрел свой новый странный мир. Иилах лежал на невысоком плато близ вершины горы. Более безжизненного зрелища не хранилось в ячейках его памяти. Здесь не было ни искры атомного огня, не было кипящей лавы, всплесков энергии, выбрасываемой к небесам силой могучих подземных взрывов.

Гора, которую он видел, не представлялась ему островом среди бескрайнего океана. Он воспринимал предметы под водой точно так же, как над поверхностью. Его зрение, основанное на сверхультракоротких волнах, не позволяло ему видеть воду. Он понял, что находится на старой, умирающей планете, где жизнь давным-давно угасла. Он был одинок и тоже обречен на смерть, если только ему не удастся отыскать источник, который вернет ему силы.

Простой логический процесс заставил его двинуться вниз по склону навстречу потоку атомной энергии. Но неизвестно почему он очутился ниже несущего радиацию уровня, и ему пришлось отползти назад. Поскольку он уже двигался вверх по склону, Иилах начал тяжело взбираться на

ближайшую вершину, чтобы выяснить, что находится позади нее. Когда он выбрался из невидимой и неощутимой воды лагуны, произошло сразу два взаимоисключающих события.

Иилах оказался отрезанным от несомой течениями атомной энергии. И одновременно вода перестала угнетать нейтронную и дейтронную деятельность его собственного организма. Жизнь его тела сразу стала интенсивнее. Период медленного угасания миновал. Он опять превратился в гигантскую самозаряжающуюся батарею, способную черпать нормальные дозы радиоактивной жизни из составляющих его элементов. И хотя дозы эти по-прежнему оставались совершенно недостаточными, Иилах снова подумал: «Я что-то должен сделать. Но что?»

Иилах напрягся. Все усиливающийся поток электронов ринулся в огромные ячейки его памяти. Но память молчала, и поток ослаб.

Постепенное пробуждение жизненной активности позволило ему составить более ясное, более точное представление об окружающем. Он начал посылать волну за волной ощупывающие радарные сигналы к Луне, к Марсу, ко всем планетам Солнечной системы; и по мере того, как отраженные сигналы возвращались к нему,

Иилах с возрастающей тревогой убеждался, что все это тоже мертвые тела.

Он был в плену мертвой системы, обреченный на неотвратимую гибель. Когда его внутренняя энергия иссякнет, он станет частицей безжизненной массы планеты, на которую его забросили. И тогда он осознал, что уже был мертв. Каким образом это произошло, он не мог понять, помнил только, что разрушительная, парализующая субстанция внезапно обрушилась на него, окружила и подавила все жизненные процессы. Со временем распад химических элементов превратил эту субстанцию в безобидную массу, не способную более изолировать его от мира.

Теперь он снова жил, но такой слабой, еле теплящейся жизнью, что ему оставалось только ждать конца.

И он ждал.

В 19… году он увидел эсминец, плывущий к нему по небу. Задолго до того, как корабль замедлил ход и остановился прямо под ним, Иилах уже понял, что эта форма жизни не имеет с ним ничего общего. Внутри был слабенький источник искусственного тепла, сквозь внешние стенки Иилах улавливал мерцание тусклых огней.

Весь этот первый день Иилах ждал, что суще-

ство обратит на него внимание. Но от корабля не исходило никаких волн. Он был мертв, и тем не менее он парил в небе над плато. Этого немыслимого явления Иилах не мог объяснить. Он не ощущал воды, не мог себе даже представить воздух, и его ультракороткие излучения проходили сквозь людей, как если бы их вообще не было. Поэтому сейчас он понимал лишь одно: перед ним чужая форма жизни, сумевшая приспособиться к условиям мертвого для него мира.

Но постепенно Иилах начал волноваться. Существо могло свободно передвигаться над поверхностью планеты. Возможно, оно знает, не сохранился ли где-нибудь источник атомной энергии. Но как установить контакт?

На следующий день, когда солнце стояло в зените, Иилах направил на крейсер луч вопрошающей мысли. Он нацелился прямо на тусклые огни машинного отделения, где, по его представлению, должен был находиться разум чуждого существа.

Тридцать четыре человека, погибшие в машинном отделении, были похоронены на самом берегу. Оставшиеся в живых матросы и офицеры перебрались на полмили в глубь острова. Сначала они решили разбить здесь лагерь и ждать,

пока покинутый всеми «Коулсон» не перестанет испускать смертоносную радиацию. Но на седьмой день, когда транспортные самолеты уже начали доставлять научных работников со всем их оборудованием, трое матросов заболели, и анализ крови показал, что у них катастрофически падает количество красных кровяных телец. Поэтому Мейнард, не дожидаясь указаний свыше, приказал переправить всю команду на Гавайские острова.

Офицерам он предоставил право выбора, однако предупредил второго механика, первого артиллерийского офицера и тех мичманов, которые помогали выносить трупы на палубу, чтобы они, не надеясь на судьбу, тотчас улетели с первым же самолетом. Хотя приказ об эвакуации касался всех матросов, многие попросили разрешения остаться. И около десятка из них это разрешение получили после того, как были тщательно опрошены Джерсоном и сумели доказать, что и близко не подходили к опасной зоне.

Мейнард предпочел бы, чтобы Джерсон убрался с острова одним из первых, но эта его надежда не сбылась. Джерсон остался вместе с лейтенантами-артиллеристами Лаусоном и Хори и мичманами Макпелти, Манчиевым и Робертсом.

Среди матросов старшими по званию оказались главный стюард-казначей Дженкинс и старший боцман Юэлл.

Военных моряков на острове словно не замечали, разве что иногда просили убраться со своими палатками куда-нибудь подальше. Наконец, когда стало ясно, что их не оставят в покое, Мейнард скрепя сердце приказал перенести лагерь на самую дальнюю косу, туда, где пальмы расступались, окружая травянистую поляну. Неделя проходила за неделей, но никаких распоряжений относительно его команды не поступало; Мейнард сначала удивлялся, а потом впал в мрачность. Но вот в одном из номеров официальной газетенки, которая появилась на острове вслед за учеными, бульдозерами и бетономешалками, во «внутреннем обзоре» Мейнард вычитал кое-что, приоткрывшее перед ним завесу. Если верить автору статьи, между флотским начальством и важными шишками из Комиссии по атомной энергии разгорелся скандал. В результате морякам приказали «не вмешиваться».

Мейнард читал обзор со смешанным чувством, в нем крепло убеждение, что он остался единственным уполномоченным военно-морского флота на острове. Эта мысль вызывала в его во-

ображении головокружительные картины — он видел себя в роли адмирала, если только ему удастся найти правильное решение. Но никакого иного решения, кроме как сидеть здесь и следить в оба глаза за всем происходящим, он так и не мог придумать.

Мейнард потерял сон. Целыми днями как можно незаметнее ходил он по острову и осматривал наиболее интересные установки и палаточные городки, в которых разместилась целая армия ученых и их помощников. А по ночам он перебирался из одного тайного укрытия в другое, наблюдая за ярко освещенным берегом лагуны.

Остров казался сказочным, сверкающим оазисом под куполом черной тихоокеанской ночи. Гирлянды огней тянулись над шелестящими волнами на целую милю вдоль берега. На фоне этого зарева вырисовывалось тяжелое сооружение, длинная коробка из массивных железобетонных стен, протянувшихся параллельно друг другу от подножия до самой вершины холма. Внутри открытой сверху коробки лежал утес, и защитные стены подступали к нему почти вплотную, чтобы отрезать его от всего остального мира. На стенах тоже горели фонари. Только к полуночи рычание бульдозеров замолкало, бетономешалки,

вывалив последние порции смеси, спускались по временной дороге на пляж, и наступала тишина. Вся громоздкая организация людей и механизмов погружалась в тревожный сон.

Мейнард ждал этого момента с горькой терпеливостью человека, делающего гораздо больше, чем от него требуется. Его терпеливость принесла плоды. Он оказался единственным человеком, который собственными глазами увидел, как утес вполз на вершину холма.

Это было потрясающее зрелище. До часу ночи оставалось минут пятнадцать, и Мейнард уже считал этот день пропащим, когда вдруг раздался непонятный звук. Похоже было, что самосвал высыпал целый кузов щебенки. В первое мгновение Мейнард испугался только за свой секретный наблюдательный пункт: сейчас его обнаружат и все узнают о его ночной деятельности. Но уже в следующее мгновение он увидел при свете фонарей надвигающийся утес.

Железобетонные стены с грохотом рушились и крошились под неудержимым натиском. Пятьдесят, шестьдесят, наконец все девяносто футов чудовища вздыбились над холмом, тяжело ухнули на вершину, и здесь утес снова замер.

Два месяца Иилах наблюдал за судами, которые

заходили в лагуну. Его заинтересовало, почему все они следуют одним и тем же путем. Может быть, способности их ограничены и потому они держатся на одном и том же уровне? Но еще интереснее был тот факт, что неведомые существа каждый день огибали остров и куда-то исчезали, скрываясь за высоким выступом на восточном берегу. И каждый раз по прошествии нескольких дней они снова появлялись в его поле зрения, тем же путем заходили в лагуну и повисали там над поверхностью планеты.

В течение этих месяцев Иилах с удивлением замечал несколько раз другие маленькие, но гораздо более мощные крылатые корабли, которые стремительно падали с большой высоты и тоже исчезали где-то на востоке. Всегда на востоке. Любопытство мучило его, но он боялся тратить свои запасы энергии. Наконец он заметил зарево огней, освещавших по ночам восточную часть неба. Он освободил часть мощной взрывной энергии на нижней поверхности своего тела, что придало ему поступательное движение, и преодолел последние семьдесят-восемьдесят футов, отделявшие его от вершины холма. И сразу же пожалел об этом.

Недалеко от берега на рейде стоял один ко-

рабль. Зарево огней над восточным склоном холма, по-видимому, не имело своего источника энергии. Пока он осматривался, десяток грузовиков и бульдозеров суетились вокруг него, причем некоторые приближались к нему почти вплотную. Что именно они делали и чего хотели, он не мог понять. Он посылал в различных направлениях вопрошающие излучения, но ни на одно не получил ответа. Потом он бросил это безнадежное дело.

На следующее утро утес все еще лежал на вершине холма, и теперь обе части острова были беззащитны перед обжигающими зарядами энергии, которые он ночью беспорядочно излучал во все стороны.

Первый рапорт о причиненном ущербе Мейнард услышал от стюарда-казначея Дженкинса. Семь шоферов грузовиков и два бульдозериста погибли, с десяток человек получили тяжелые ожоги, и вся двухмесячная работа пошла прахом.

Видимо, ученые посовещались и приняли какое-то решение, потому что вскоре после полудня бульдозеры и грузовики, нагруженные всяким оборудованием, двинулись куда-то мимо лагеря моряков. Отправленный следом за ними матрос вернулся и доложил, что ученые перебираются

на мыс в дальнем нижнем конце острова.

Незадолго до сумерек произошло важное событие. На освещенную площадку перед палатками пришел сам начальник экспедиции со своими четырьмя учеными помощниками и сказал, что хочет видеть Мейнарда. Гости улыбались, держались дружелюбно, со всеми здоровались за руку. Мейнард представил им Джерсона, который, как на грех (по мнению Мейнарда), оказался в это время в лагере. И тут делегация ученых перешла к делу.

— Как вы знаете, — сказал их начальник, — «Коулсон» радиоактивен лишь отчасти. Кормовая орудийная башня совсем не пострадала, а потому мы просим, чтобы вы в порядке сотрудничества обстреляли этот утес и разбили его на куски.

Прошло какое-то время, прежде чем Мейнард опомнился от удивления и сообразил, как ему следует ответить. В течение нескольких следующих дней он только спрашивал ученых, уверены ли они, что утес можно разбить и тем самым обезопасить. Но в их просьбе отказал сразу. Лишь на третий день он нашел для этого вескую причину.

— Все ваши предосторожности, джентльмены, недостаточны, — сказал он, — Вы переместили

свой лагерь, но я считаю, что с точки зрения безопасности этого мало, если утес действительно взорвется. Но, разумеется, если я получу приказ от моего командования исполнить вашу просьбу, в таком случае…

Он оставил фразу незаконченной, поняв по их разочарованным лицам, что они уже имели по этому поводу не один горячий разговор по радио со своим собственным начальством. Прибывшая на четвертый день газетенка сообщила, что один из «высших» морских офицеров в Вашингтоне сделал заявление, согласно которому «любое решение подобного рода может быть принято только представителем военно-морского флота на острове». Кроме того, в статье говорилось, что военно-морское ведомство готово выслать на место своего специалиста-атомщика, если к ним обратятся с такой просьбой по соответствующим официальным каналам.

Мейнарду стало ясно, что он действует именно так, как этого хотелось бы его начальству. К сожалению, как раз тогда, когда он дочитывал статью, тишину разорвал безошибочно узнанный им грохот пятидюймовых орудий эсминца, самый резкий из всего артиллерийского оркестра.

Мейнард, шатаясь, вскочил на ноги. Он бросил-

ся бежать к ближайшей высоте. Прежде чем он достиг ее, с той стороны лагуны снова донесся резкий удар, а затем последовал оглушительный взрыв возле самого утеса. Мейнард добежал до своего наблюдательного пункта и увидел сквозь призмы бинокля с десяток человек, которые суетились на корме позади орудийной башни. Ярость и возмущение с новой силой охватили коменданта острова. Он решил немедленно арестовать всех, кто пробрался на эсминец, за опасное и злостное нарушение приказа. У него мелькнула смутная мысль, что настали поистине печальные времена, если из-за внутриведомственных склок люди решаются открыто попирать авторитет армии и флота, словно для них нет ничего святого. Но эта мысль исчезла так же быстро, как и появилась.

Он дождался третьего залпа, затем устремился вниз к своему лагерю. Мейнард послал восемь моряков на пляж, чтобы перехватить тех, кто попытается вернуться на остров. С остальными своими людьми он поспешил к ближайшей шлюпке. Им пришлось огибать мыс кружным путем, так что, когда Мейнард добрался до опустевшего и снова безмолвного «Коулсона», он заметил вдалеке лишь моторную лодку, уходив-

шую за выступ берега.

Мейнард колебался. Что делать? Пуститься в погоню? В бинокль было хорошо видно, что утес почти не пострадал. Неудача этих штатских крыс развеселила его и в то же время обеспокоила. Когда начальство узнает, что он не принял необходимых мер и позволил посторонним проникнуть на корабль, его не похвалят.

Он все еще раздумывал об этом, когда Иилах двинулся вниз по холму прямо на эсминец.

Иилах заметил первую яркую вспышку орудийного залпа. В следующее мгновение он увидел мчащиеся на него маленькие предметы. В давным-давно забытые старые времена он научился защищаться от метательных снарядов. И теперь автоматически сжался, чтобы отразить удар. Но эти предметы, вместо того чтобы просто ударить, взорвались. Сила взрыва ошеломила его. Защитная кора треснула. Сотрясение прервало и замкнуло поток энергии между электронными ячейками в его огромном теле. Автоматические стабилизирующие пластины мгновенно послали восстанавливающие импульсы. Раскаленная полужидкая материя, составляющая большую часть его массы, стала еще горячее, еще подвижнее. Слабость соединений, вызванная страшным

потрясением, усилила приток жидкой материи к поврежденным местам, где жидкость сразу же затвердела под огромным давлением. Память восстановилась.

Иилах старался понять, что это было. Попытка установить контакт? Такая возможность взволновала его. Вместо того чтобы закрыть зияющую брешь в своей внешней броне, он лишь укрепил следующий за ней защитный слой, чтобы приостановить утечку радиоактивной энергии. И стал ждать.

Еще один метательный снаряд и страшный взрывной удар при столкновении… После дюжины таких ударов, которые разрушали его защитный панцирь, Иилахом овладело сомнение. Если это и были сигналы, он не мог их принять или понять. Он ускорил химическую реакцию, которая должна была укрепить внешний панцирь. Но взрывающиеся предметы разбивали его защиту быстрее, чем он успевал затягивать пробоины.

Однако он все еще не мог поверить, что это было нападение. За все его предыдущее существование никто не нападал на него таким способом. Каким именно способом действовали против него раньше, Иилах тоже не мог вспомнить. Но, во всяком случае, не на таком примитивном,

чисто молекулярном уровне.

Когда наконец он все же убедился, что это нападение, Иилах не почувствовал гнева. Защитные рефлексы его были логическими, а не эмоциональными. Он рассмотрел эсминец и решил, что его следует удалить от себя. И впредь надо будет удалять любое подобное создание, если оно попытается приблизиться. И все движущиеся предметы, которые он видел с вершины холма, — от всего этого надо избавиться.

Он двинулся вниз по склону холма. Существо, неподвижно паривше над плато, перестало изрыгать пламя. Когда Иилах приблизился, единственным признаком жизни был удлиненный предмет гораздо меньшего размера, который быстро плыл вдоль борта.

В этот момент Иилах погрузился в воду. Он ощутил что-то вроде шока. Он почти забыл, что на этой пустынной горе был определенный уровень, ниже которого все его жизненные силы ослабевали.

Иилах заколебался.

Затем медленно двинулся дальше вниз, в угнетающую среду, чувствуя, что теперь он достаточно силен, чтобы противостоять такому чисто негативному давлению.

Эсминец снова открыл по нему огонь. Снаряды, выпущенные почти в упор, вырывали глубокие воронки в девяностофутовом утесе, каким Иилах представлялся врагу. Когда эта каменная громада коснулась эсминца, стрельба прекратилась. Мейнард, защищавший корабль до последней возможности, бросился со своими людьми в шлюпку у противоположного борта и теперь уходил на предельной скорости.

Иилах толкнул эсминец. Боль от титанических ударов была подобна боли, которую испытывает любое живое существо при частичном разрушении его тела. Медленно, с трудом, он восстанавливал самого себя. А потом с яростью, гневом и уже со страхом толкнул еще раз. Через несколько минут он отбросил это странное неуклюжее существо на скалы у самого края платформы. Дальше этих скал гора уходила вниз крутым обрывом.

И тут случилось неожиданное. Попав на скалы, нелепое существо начало содрогаться и раскачиваться, словно внутри него пробудились какие-то разрушительные силы. Оно упало на один бок, словно раненый зверь, еще раз вздрогнуло и начало разваливаться на части.

Это было удивительное зрелище. Иилах выполз

из воды, поднялся на гору и снова начал спускаться по другому склону к лагуне, куда только что зашел грузовой корабль. Однако грузовоз успел обогнуть мыс, войти в канал и убраться из лагуны. Проплыв над мрачной, глубокой долиной, начинавшейся за внешними рифами, он удалился на несколько миль, замедлил ход и стал на якорь.

Иилаху хотелось отогнать его подальше, но он был ограничен в своих движениях. Поэтому, едва грузовоз остановился, Иилах развернулся и пополз к мысу, где собрались в кучу маленькие предметы. Он не замечал людей, которые спасались на отмелях недалеко от берега и оттуда в относительной безопасности следили за разгромом своего лагеря. Иилах, распаленный гневом, обрушился на машины.

Редкие шоферы, пытавшиеся их спасти, превратились в кровавую кашу среди сплющенного металла. В тот день многие пострадали от собственной фантастической глупости или паники. Иилах двигался со скоростью около восьми миль в час. И все же триста семнадцать человек попались в индивидуальные ловушки и были раздавлены чудовищем, которое даже не подозревало об их существовании. Очевидно, каждому

казалось, что Иилах гонится именно за ним. Наконец Иилах взобрался на ближайшую высоту и оглядел небо в поисках новых противников. Но увидел только грузовоз милях в четырех от берега — этого нечего было опасаться.

Темнота медленно опускалась на остров. Мейнард осторожно шел по траве, освещая прямо перед собой крутой спуск лучом фонарика. Каждые несколько шагов он спрашивал:

— Есть здесь кто-нибудь?

Так продолжалось уже несколько часов. В сгущавшихся сумерках моряки разыскивали уцелевших, сажали их в шлюпку и отвозили через лагуну по каналу на рейд, где стоял грузовой корабль. По радио был передан приказ. За сорок восемь часов они должны были закончить эвакуацию. После этого автоматически управляемый самолет сбросит бомбу.

Мейнард представил себе, что он остался один на этом погруженном во мрак острове, обители чудовища. И содрогнулся от почти чувственной радости. Он был бледен, его била лихорадка от ужаса и восторга. Все было, как в те далекие времена, когда его корабль шел в строю армады, обстреливающей японское побережье. Тогда он тоже скучал, пока не представил себя там, на

берегу, в самой гуще разрывов.

Стон отвлек его от этих мыслей. При свете фонарика Мейнард различил знакомое лицо. Человек был придавлен упавшим деревом. Джерсон приблизился и сделал ему укол морфия. Мейнард нагнулся над раненым. Это был один из всемирно известных физиков, прибывших на остров. Сразу же после катастрофы о нем без конца запрашивали по радио. Без его согласия ни один ученый совет не решался одобрить план бомбардировки, выдвинутый военно-морским штабом.

— Сэр, — начал Мейнард, — что вы думаете относительно…

Он поперхнулся и мысленно сделал шаг назад. На какой-то миг он забыл, что его флотское начальство, получив от правительства разрешение действовать по своему усмотрению, уже отдало приказ использовать атомную бомбу.

Ученый вздрогнул.

— Мейнард! — прохрипел он. — С этой штукой что-то нечисто. Не позволяй им делать ничего…

Глаза расширились от боли. Голос прервался.

Нужно было спросить его. Немедленно! Через несколько секунд великий ученый погрузится в наркотический сон и очнется не скоро. Через мгновение будет уже слишком поздно!

Это мгновение пролетело.

Лейтенант Джерсон поднялся на ноги.

— Ну вот, думаю, все будет в порядке, капитан, — сказал он. Потом повернулся к морякам с носилками: — Двое из вас отнесут этого человека в шлюпку. Осторожно! Я его усыпил.

Мейнард последовал за носилками, не говоря ни слова. Он чувствовал, что так и не успел принять самостоятельное решение.

Ночь тянулась бесконечно. Наконец наступил серенький рассвет. Вскоре после восхода солнца тропический ливень прошел над островом и унесся дальше, на восток. Небо стало удивительно синим, а море таким спокойным, что вода вокруг острова казалась неподвижным зеркалом. Из синей дали, отбрасывая быструю тень на неподвижный океан, появился самолет с автопилотом.

Еще не видя его, Иилах почувствовал, какой груз он несет. Дрожь пробежала по всему его телу. Огромные электронные ячейки раскрылись и замерли в жадном нетерпении, и на миг ему показалось, что это приближается кто-то из его породы. Он послал навстречу ему предупреждающий мыслесигнал. Многие самолеты, которым он направлял свои мысленные волны, выходили

из-под контроля, нелепо кувыркались и падали. Но этот не изменил курса.

Когда он был почти над центром острова, громоздкий, тяжелый предмет отделился от него, лениво перевернулся несколько раз в воздухе и устремился прямо на Иилаха. Он должен был взорваться примерно в ста футах над целью. Механизм сработал безупречно, взрыв был титанический.

Когда потрясающее действие огромной массы новой энергии миновало, Иилах, полный жизни и сил, подумал с удивительной ясностью: «Ну конечно, как я мог забыть! Именно это я и должен сделать».

Ему было странно, что он так долго не мог вспомнить. Он был послан сюда во время межгалактической войны, которая, по-видимому, все еще продолжалась. С огромными трудностями его опустили на поверхность планеты, и здесь вражеские лазутчики сразу вывели его из строя. Но теперь он был готов выполнить задание.

Он произвел контрольные расчеты по Солнцу и далеким планетам, до которых доходили сигналы его радаров. Затем приступил к решающей операции, чтобы растворить все защитные поля внутри своего тела. Он собрал все силы внутрен-

него давления, и все его жизненные элементы в точно рассчитанное мгновение сжались разом для последнего решающего прыжка.

Взрыв, который чуть не вышиб Землю с ее орбиты, был зарегистрирован всеми сейсмографами планеты. А некоторое время спустя астрономы рассчитали, что еще немного, и Земля начала бы падать на Солнце. И ни один человек не увидел бы, как Солнце, превратившись в ослепительную сверхновую звезду, сожгло бы всю Солнечную систему, прежде чем потускнеть и сжаться до своих прежних объемов.

Если бы даже Иилах знал, что война, бушевавшая десять тысяч миллионов веков назад, давно кончилась, он поступил бы точно так же.

У него не было выбора.

Атомные бомбы-роботы не рассуждают.

Зачарованная деревня

«Открыватели новых горизонтов» — так их называли перед отлетом.

Теперь Дженнер время от времени злобно повторял эти слова, пытаясь перекричать не стихавшую ни на минуту песчаную марсианскую бурю. Но с каждой пройденной милей его ярость убывала, а острая тоска по погибшим друзьям переходила в тупую боль.

Дни сменяли друг друга, бесчисленные, как раскаленные, красные, чужие песчинки, которые обжигали тело сквозь разодранную в клочья одежду. К тому времени, когда Дженнер дотащился до подножья горы, запасы еды давно кончились. Из четырех фляг с водой осталась одна, да и в той воды было так мало, что космонавт лишь время от времени смачивал потрескавшиеся губы и распухший язык.

Только поднявшись довольно высоко, он сообразил, что идет не просто по песчаной дюне, что перед ним гора. На мгновение он ощутил всю безнадежность этой безумной гонки в никуда, но все-таки поднялся на вершину. И тут перед ним

открылась долина, со всех сторон отгороженная от пустыни холмами — такими же, как тот, на котором он стоял, или еще выше.

В долине ютилась деревня. Он увидел деревья и выложенный мраморными плитами дворик. Десятка два домов вокруг чего-то вроде центральной площади. Дома приземистые, кроме четырех стройных башен, возносившихся к небу. До Дженнера донесся тонкий пронзительный свист. Он вздымался, падал, вовсе затухал, потом начинался снова, все такой же жуткий, неестественный, режущий слух. Со всех сторон дома окружала растительность — красновато-зеленый кустарник и желто-зеленые деревья, увешанные пурпурными и красными плодами.

Дженнер жадно бросился к ближайшему дереву. Оно оказалось сухим и ломким. Но большой красный плод, который он сорвал с самой нижней ветки, был на ощупь мягким и сочным. Перед полетом их предупреждали, что на Марсе ничего нельзя есть без предварительного химического анализа. Но какой толк от этого совета человеку, чей единственный химический прибор — он сам?

Он робко надкусил плод — и тотчас же сплюнул, почувствовав страшную горечь. Во рту жгло,

закружилась голова, он пошатнулся. Мышцы начали судорожно подергиваться, и он лег на мраморные плиты, чтобы не упасть.

Казалось, прошли многие часы, прежде чем отвратительная дрожь унялась. Космонавт с омерзением поглядел на дерево. Ласковый ветерок шевельнул сухие листья. Соседние деревья подхватили этот тихий шепот. Никаких других звуков слышно не было. Раздражающий визг прекратился. Может быть, это был сигнал тревоги, предупреждавший жителей о его приближении?

Дженнер поспешно вскочил и потянулся за пистолетом. Ощущение неминуемой беды охватило его. Пистолета не было. Потом ему смутно припомнилось, что он впервые хватился оружия еще неделю назад. Он тревожно огляделся, но не заметил вокруг никаких признаков жизни и взял себя в руки. Уходить из деревни нельзя — просто некуда. Космонавт решил: если нужно, драться до последнего, только чтобы остаться здесь.

Дженнер осторожно глотнул из фляги и направился между двумя рядами деревьев к ближайшему дому. Низкая широкая арка вела внутрь. Сквозь нее было видно, как поблескивает гладкий мраморный пол. Дженнер обходил один дом за другим. Он дошел до края выложенной мрамором

платформы, на которой стояла деревня, и решительно повернул назад. Настала пора заглянуть внутрь. Он выбрал одно из четырех зданий с башнями. Подойдя поближе, он понял, что придется низко нагнуться, чтобы пройти в дом.

Совершенно голая комната. От одной из мраморных стен отходило несколько низких мраморных перегородок — получалось что-то вроде четырех широких и низких стойл. У стены в каждом из стойл был сделан открытый лоток. Во второй комнате четыре наклонные мраморные плиты сходились к плоскому возвышению. Всего внизу оказалось четыре комнаты. Спиральный пандус в одной из них вел, очевидно, в башню. Дженнер не стал подниматься наверх. Страх встретить чуждую форму жизни отступал перед беспощадной уверенностью в ее отсутствии. Отсутствие жизни означало отсутствие еды.

В порыве отчаяния он метался от дома к дому, заглядывая в молчаливые комнаты, порою останавливаясь и хрипло крича. Когда до него дошло, что поиски окончены, он находился в четвертой, самой маленькой комнате одного из домов с башнями. Здесь из стены выступало одно-единственное стойло. Дженнер устало прилег в него. И, наверное, тотчас же погрузился в сон.

Проснувшись, он обнаружил — одну за другой — две перемены. В первой он удостоверился, не успев раскрыть глаза: свист появился вновь; резкий и пронзительный, он звучал на самом пороге слышимости. Во-вторых, с потолка летели мелкие брызги какой-то жидкости. Дженнеру с его инженерным опытом достаточно было вдохнуть ее запах всего один раз. Он стремглав вылетел из комнаты, плача и кашляя, с обожженным лицом.

В деревне все было по-прежнему. Легкий ветерок шелестел листвой. Солнце висело над вершиной горы. По его положению Дженнер догадался, что вновь наступило утро — он проспал не меньше двенадцати часов. Яркий белый свет заливал долину. Дома, наполовину скрытые деревьями и кустарником, поблескивали и переливались в горячем воздухе. Казалось, он очутился в оазисе посреди пустыни.

«Это и правда оазис, — мрачно подумал Дженнер, — но только не для человека. Для человека этот оазис с его отравленными плодами — лишь дразнящий мираж».

Он вернулся в дом и осторожно заглянул в комнату, где провел ночь. Душ прекратился, от запаха не осталось и следа: воздух был чист и

свеж. Космонавт переступил порог, размышляя, не попробовать ли еще раз. Ему представилось давно вымершее марсианское существо, с наслаждением раскинувшееся в стойле, в то время как его тело орошает целебный душ.

Как только Дженнер шагнул в стойло, из сплошного потолка ударила струя желтоватых брызг. Дженнер быстро отступил назад. Душ кончился так же внезапно, как и начался. Распухшие от жажды губы Дженнера приоткрылись от удивления. Если здесь есть автомат, то он вряд ли один.

Переведя дух, Дженнер перешел в другую комнату. Там он снова осторожно начал входить в одно из стойл. Как только ноги оказались внутри, лоток у стены заполнился дымящейся жижей. Как зачарованный, Дженнер уставился на жирную массу — ведь это и еда и питье! Ему вспомнились ядовитые фрукты, к горлу подступила тошнота, но он заставил себя обмакнуть палец в горячую жидкую массу. Потом вынул его и, роняя на пол капли, поднес к губам. Липкая распаренная мочалка… На глаза у него навернулись слезы, а губы судорожно дернулись. Когда Дженнер наконец выбрался наружу, его охватила слабость и невыразимая апатия.

И опять этот пронзительный свист! Дженнер

попытался вообразить, зачем могли понадобиться такие душераздирающие звуки — хотя марсианам они, возможно, казались приятными… Он остановился и щелкнул пальцами — ему пришла в голову дикая, но вполне правдоподобная мысль. Может быть, это музыка?

Свист преследовал его повсюду.

Он знал, что его ждет смерть, если он не сумеет переналадить автоматы для приготовления пищи, которые, наверное, спрятаны где-то в стенах или под полом зданий. В древности остатки марсианской цивилизации нашли свое пристанище здесь, в этой деревне. Ее население давно вымерло, но деревня продолжала жить, сопротивляясь песчаным заносам, готовая предоставить кров любому марсианину, который сюда забредет.

Но марсиан больше нет. Есть только Билл Дженнер, пилот первого корабля, приземлившегося на Марсе. Он должен заставить деревню изготовлять еду и питье, пригодные для него. Не имея никаких инструментов, кроме рук, ничего не смысля в химии, он должен заставить деревню изменить свои привычки.

Дженнер склонился над невысоким кустом, покрепче ухватился за него — и дернул. Куст вырвался легко, вместе с куском мрамора. Дженнер

уставился на куст: он ошибся, предполагая, что ствол проходил сквозь отверстие в мраморе. Куст был просто-напросто прикреплен к его поверхности. Потом Дженнер заметил еще кое-что: у куста не было корней. Почти машинально Дженнер взглянул на то место, откуда вырвал кусок мрамора. Под мрамором был песок.

Он отбросил куст, опустился на колени и разгреб песок. Тот свободно струился сквозь пальцы. Он принялся рыть глубже, собрав все силы: песок, ничего, кроме песка.

Он встал и вцепился еще в один куст. И этот куст вырвался легко, вместе с куском мрамора. У него тоже не было корней, а под ним не оказалось ничего, кроме песка.

Не веря своим глазам, Дженнер кинулся к плодовому дереву и принялся его раскачивать. После недолгого сопротивления мраморная плита, на которой оно стояло, треснула и медленно приподнялась. Дерево с шумом и треском упало, его сухие ветви и листья разлетались на тысячи частей. Под деревом был песок.

Всюду песок. Город на песке. Марс, планета песка. Конечно, это не совсем точно. Вокруг полярных ледяных шапок была замечена сезонная растительность. Но почти вся она, за исключе-

нием самой стойкой, погибала с приходом лета. Возле одного из окруженных такой растительностью мелких морен должна была приземлиться ракета. Потеряв управление, корабль не только погиб сам. Он отнял надежду выжить у единственного уцелевшего члена экспедиции.

Дженнер медленно приходил в себя. У него появилась новая идея. Он поднял один из вырванных им кустов, наступил ногой на кусок мрамора, к которому куст был прикреплен, и потянул, сперва слегка, а потом посильнее. Куст наконец оторвался от мрамора, но было ясно: они представляли одно целое. Куст рос из мрамора.

Из мрамора? Дженнер встал на колени возле одного из отверстий в камне и вгляделся в излом. Да, это был пористый камень, вероятно известковый, очень похожий на мрамор, но вовсе не мрамор. Дженнер протянул руку, собираясь отломить кусок, и вдруг цвет камня изменился. Дженнер в изумлении отшатнулся. Вокруг отверстия камень стал яркого оранжево-желтого цвета. Дженнер растерянно поглядел на камень, а потом осторожно дотронулся до него, ощутил острую, едкую, обжигающую боль, вскрикнул и отдернул руку. Кожа на пальце слезла, вздулись кровавые волдыри.

Неожиданно почувствовав усталость, Дженнер отполз в тень дерева. Из всего случившегося можно было сделать только один вывод, но он совершенно противоречил здравому смыслу. Эта одинокая деревня была живой.

Лежа под деревом, Дженнер старался представить себе огромную массу живого вещества, растущего в форме домов, приспосабливающегося к нуждам другой жизненной формы, служащего ей в самом широком смысле слова. Но если деревня могла служить одной расе, то почему не другой? Она приспособилась к марсианам. Почему бы ей не приспособиться к людям? Кислород для воды можно получить из воздуха, тысячи соединений можно изготовить из песка…

Стало совсем темно. Ветер стих. Он не мог разглядеть горы, окаймлявшие долину, но дома все еще были видны — черные тени в мире теней. Пробираясь ощупью к мраморному возвышению в одной из комнат, Дженнер думал о том, как дать знать живой деревне, что происходящие в ней процессы необходимо изменить. Как заставить ее понять, что нужна еда из иных химических соединений, чем та, какую она готовила прежде; что он любит музыку, но совершенно иную; наконец, что он не прочь каждое утро принимать

душ, но из воды, а не из концентрированной кислоты?

Долгие часы он метался в полузабытьи, окруженный мраком, одурманенный зноем. А когда занялось утро, он с некоторым удивлением сообразил, что еще жив и в силах выйти из дома.

Дул резкий холодный ветер, но он с радостью подставил ему свое горящее лицо. Через несколько минут его стало знобить. Он вернулся в дом и впервые заметил, что, хотя там нет дверей, ветер не проникает внутрь. В комнатах было холодно, но не сквозило. А откуда тогда идет этот ужасный жар, обдающий его тело? Шатаясь, он подошел к возвышению, на котором спал, и через секунду уже задыхался в пятидесятиградусной жаре.

Большую часть дня Дженнер провел в тени дерева. Он чувствовал полное изнеможение. Ближе к вечеру он вспомнил про кусты и деревья, которые вырвал вчера. Но он ничего не нашел. Не нашел даже отверстий в том месте, где были вырваны кусты. Живая деревня поглотила мертвую ткань и залатала повреждения в своем теле.

Дженнер приободрился. Он вновь принялся думать — о мутациях, о генетической приспосабливаемости, о жизненных формах, адаптирующихся в новых условиях. Об этом им читали лекции

перед отлетом — общие обзоры, рассчитанные на то, чтобы познакомить экипаж с проблемами, которые могут встать на чужой планете. Суть была крайне проста: или приспособление, или гибель. Деревня должна к нему приспособиться. Он не знал, может ли нанести ей серьезный ущерб, но он мог попробовать. Необходимость выжить требовала суровых, решительных действий.

Дженнер поспешно принялся шарить в карманах. Охотничий нож, складной металлический стакан, транзистор, крошечная супербатарейка, мощная электрическая зажигалка…

Дженнер присоединил к батарейке зажигалку и не спеша провел ее докрасна раскаленным концом по поверхности «мрамора». Реакция была мгновенной: вещество на этот раз стало зловеще-пурпурным. Когда целая плита изменила цвет, Дженнер направился к ближайшему стойлу с лотком и забрался в него.

Автомат сработал не сразу. Когда пища наконец заполнила лоток, стало очевидно, что живая деревня поняла его намерения. Пища была не темно-серая, как раньше, а бледно-кремового цвета. Дженнер сунул в нее палец, но тотчас с воплем отдернул его и принялся вытирать. Палец жгло еще несколько минут. Нарочно деревня

предложила еду, способную ему повредить, или же она старается угодить, не зная, что он может есть, а что — нет?

Он решил попробовать еще раз и зашел в соседнее стойло. На этот раз лоток заполнила зернистая масса желтого цвета. Она не жгла палец, но стоило Дженнеру ее отведать, как он тотчас сплюнул: ощущение было такое, будто его угостили жирной смесью глины с бензином. Терзавшая его жажда усилилась от неприятного привкуса во рту. В отчаянии он выбежал наружу и разбил флягу, надеясь отыскать внутри остатки влаги. В спешке он пролил несколько драгоценных капель, бросился на землю и начал их слизывать.

Спустя полминуты он все еще продолжал лизать камень, и там все еще была вода. Внезапно он понял, что произошло, поднялся и уставился на капельки воды, сверкавшие на гладком камне. Пока он смотрел, еще одна капля появилась на этой сплошной и твердой на вид поверхности.

Он опять лег и кончиком языка подобрал все капли. Еще долго он лежал, прижав губы к «мрамору» и высасывая скудные крохи воды, милостиво предложенные ему деревней. И вдруг поверхность каменной плиты, с которой он пил, куда-то провалилась. Дженнер удивленно при-

поднялся и в темноте осторожно ощупал плиту. Камень раскрошился. Очевидно, отдал всю воду, какая в нем была, и разрушился. Деревня убедительно продемонстрировала свое желание угодить ему. Но вместе с тем напрашивался другой, менее приятный вывод. Ведь если деревня вынуждена приносить часть себя в жертву, чтобы дать ему напиться, — значит, запасы воды ограниченны.

Новым утром к нему вернулась вся его железная решимость — та самая решимость, которая помогла ему пройти по меньшей мере пятьсот миль по незнакомой пустыне. Космонавт направился к ближайшему лотку. На этот раз автомат сработал лишь через минуту, а потом на дно лотка выплеснулось около наперстка воды. Дженнер насухо вылизал воду и подождал в надежде получить еще. Ничего не дождавшись, он мрачно подумал, что где-то в деревне разрушилась еще целая группа клеток, чтобы высвободить для него свою воду.

И тут ему пришло в голову, что только человек, с его способностью передвигаться, может найти новый источник воды для прикованной к месту деревни. Конечно, пока он будет искать этот источник, деревне придется поддерживать

его силы. Это значит, что ему прежде всего надо что-то есть.

Он принялся шарить по карманам. Там должны были остаться крошки мяса, хлеба, сала… Он осторожно нагнулся над соседним стойлом и положил в лоток эти остатки. Деревня может ему предложить лишь более или менее точную копию образца, который он ей покажет. Если после того, как он пролил на камень несколько капель воды, она поняла, что ему нужна вода, то, может быть, подобное жертвоприношение поможет ей догадаться, какой должна быть пригодная для него пища?

Дженнер подождал, потом зашел в стойло. В лоток вытекло около пинты густого, маслянистого вещества. Оно резко пахло плесенью, на вкус отдавало затхлым, было сухим, как мука, — и все же съедобным.

Дженнер медленно ел, понимая, что находится сейчас целиком во власти деревни. Вдруг пища содержала яд? Потом он поднялся по пандусу, который вел на верхний этаж. С верхушки башни, с высоты метров в двадцать, он мог заглянуть за холмы, окружавшие деревню. Надежда, которая привела его сюда, померкла. Со всех сторон, насколько хватал глаз, простиралась сухая пу-

стыня, а горизонт был скрыт тучами поднятого ветром песка. Если где-то поблизости и находилось марсианское море, то оно было вне пределов досягаемости.

Придуманный им план помочь деревне потерпел крушение. Дни тянулись за днями — сколько их прошло, он не имел ни малейшего представления. Каждый раз, когда он шел есть, ему доставалось все меньше воды. Дженнер снова и снова говорил себе, что это его последний обед. Трудно было ожидать, что деревня ради него пойдет на самоуничтожение. Еще хуже было то, что пища оказалась недоброкачественной. Он подсунул деревне несвежие, может быть, даже гнилые образцы. После еды у него часами кружилась голова, его бил озноб. Деревня делала все, что могла. Остальное должен был сделать он сам, а он не мог приспособиться даже к этой пище…

Два дня космонавт чувствовал себя так плохо, что не мог подползти к стойлу. Час шел за часом, а он бессильно лежал на полу. На вторую ночь боли так усилились, что он наконец решился.

«Если я заберусь на возвышение, — сказал он себе, — жар прикончит меня. Деревня поглотит мое тело и вернет себе часть истраченной на меня воды».

Целый час он взбирался по наклонной плите на ближайшее возвышение и, когда дополз до верха, долго лежал в полном изнеможении, не в силах даже заснуть. И все-таки заснул.

Его разбудили звуки скрипки. Грустная и нежная музыка рассказывала о величии и падении давно вымершей расы. Дженнера осенило. Это же было вместо свиста — деревня наконец приспособила к нему свою музыку! Он заметил и другое. Возвышение, на котором он лежал, было уютным и теплым, но — теплым, и только. Он чувствовал себя великолепно.

Дженнер поспешно опустился по наклонной плите и подполз к ближайшему стойлу. Лоток заполнила дымящаяся масса. Она аппетитно пахла, а вкусом напоминала густую мясную похлебку. Он погрузил в нее лицо и принялся жадно лакать. Когда он съел все, то впервые почувствовал, что не хочет пить.

«Я победил! — подумал Дженнер. — Деревня нашла способ меня прокормить!»

Затем осторожно, не сводя глаз с потолка, заполз в стойло-душ. На него полились струйки желтоватой жидкости, освежающей и приятной. Дженнер с наслаждением вильнул своим двухметровым хвостом и поднял вверх узкую морду,

чтобы струи жидкости смыли остатки пищи, прилипшие к его острым зубам. Потом, переваливаясь на четырех коротких лапах, выполз наружу и улегся на солнцепеке, чтобы послушать любимую музыку.

Банка краски

«Я снижался, совершая посадку на поверхность Венеры. Тормозные двигатели работали превосходно. Уж не снится ли мне все это? Но вот мой кораблик мягко опустился на дно неглубокой, сильно вытянутой лощины, поросшее ярко-зеленой травой. А минутой позже первый человек, достигший Венеры, вышел из ракеты и осторожно шагнул в сочное луговое пышнотравье».

Кэлгар сделал глубокий вдох — воздух пьянил, как вино. Кислорода, пожалуй, маловато, зато какие свежесть и сладость, какое ласковое тепло! Уж не попал ли он в рай? Кэлгар достал блокнот и записал впечатления. Ведь по возвращении на Землю каждое такое наблюдение пойдет на вес золота. А денег ему понадобится много…

Сделав запись, он спрятал блокнот — и тогда увидел куб. Тот лежал совсем рядом, чуть вдавившись в землю — так, словно упал с небольшой высоты. Этакий полупрозрачный кристалл с восьмидюймовым — на глаз — ребром; на одной из граней — нечто вроде ручки. Поверхность куба матово лучилась; так отражает свет полирован-

ная слоновая кость. Странная штуковина могла быть чем угодно.

У Кэлгара имелось при себе несколько анализаторов, и он поочередно дотрагивался концами проводов до разных мест «хрустального куба». Тот не излучал ни электрической, ни атомной энергии, не был радиоактивен, не реагировал на пробы кислотами, не пропускал электрического тока и отражал пучки электронов высоких энергий.

Астронавт натянул резиновые перчатки и прикоснулся к тому, что могло служить ручкой. Ничего не случилось. Тогда он осторожно, почти нежно, ощупал поверхность куба.

Снова ничего. Наконец крепко сжал ручку пальцами, подумал, потом дернул вверх.

Кристалл легко оторвался от земли. Весил он, как прикинул Кэлгар, фунта четыре. Он вновь опустил куб на траву, чуть отступил и принялся внимательно наблюдать за непонятным предметом со все большим интересом и волнением, постепенно сознавая, что именно находится перед ним. Несомненно, куб являлся плодом чьей-то технической деятельности. А раз так, выходит, на Венере существует высокоразвитая жизнь. Целый год провел Кэлгар в унылом одиночестве

космического пространства, мечтая о встрече с любым живым существом. И вот теперь выясняется, что Венера населена!

Напряженно раздумывая, Кэлгар направился к кораблю. Надо было найти какой-нибудь здешний город. О расходе горючего теперь беспокоиться нечего — несомненно, запас можно будет пополнить там. Напоследок Кэлгар снова бросил взгляд на куб. На какой-то миг энтузиазм его поугас. Что, спрашивается, делать с этой штуковиной? Оставлять здесь — не имеет смысла: покинув эту лощину, он уже вряд ли сумеет найти ее снова. Однако в отношении любого предмета, вносимого внутрь корабля, следовало проявлять предельную осторожность. А вдруг куб подброшен сюда нарочно? Само это предположение показалось Кэлгару столь фантастичным, что сомнения разом рассеялись. Или почти. Пожалуй, еще несколько проверок произвести все же стоило. Он снял перчатку и легонько прикоснулся к ручке голыми пальцами.

— Во мне краска! — произнес загадочный куб.

Ахнув от удивления, Кэлгар отскочил. Потом осмотрелся по сторонам: поблизости ровным счетом никого. Он снова притронулся к ручке хрустального куба.

— Во мне краска!

Мозг Кэлгара работал ясно и четко. Сомнений не оставалось: говорил сам загадочный предмет. Кэлгар медленно выпрямился и теперь стоял, ошеломленный открытием, загипнотизированно вглядываясь в артефакт венерианской цивилизации. Чтобы вообразить технические возможности и интеллектуальные способности расы, додумавшейся до столь фантастической упаковки для краски, понадобилось немало времени. Мысль его воспарила в заоблачные выси и упорно не хотела возвращаться на землю; Кэлгар пребывал в глубоком оцепенении. Ведь среди всех творений человеческого разума не было ничего подобного изделию, с которым он столкнулся. Хотя удивляться, в сущности, нечему: подумаешь, говорящая банка с краской! По всей видимости, она оснащена каким-нибудь простеньким думающим устройством.

Кэлгар улыбнулся, его довольно-таки заурядная физиономия пошла сетью морщинок, серо-зеленые глаза заблестели, губы раздвинулись, приоткрыв белые зубы. Он искренне веселился. Банка краски! Само собой, ее содержимое состоит из иных компонентов, нежели цинковые белила, льняное масло и какой-нибудь сиккатив. Но это

можно будет выяснить и потом. Пока же довольно самого факта обладания. И пусть Кэлгару не удастся сыскать на Венере ничего больше, его путешествие оправдано уже одной этой находкой. Ведь наибольшую ценность представляют как раз предметы повседневного обихода. Кэлгар наклонился и решительно схватился за ручку.

Но стоило поднять банку, как сверкающая прозрачная жидкость брызнула ему на грудь, тотчас разлившись по комбинезону, — липкая, словно клей, но клей чрезвычайно текучий. Поначалу белая, краска на глазах стала менять цвета, проходя через все оттенки спектра — от красного до фиолетового. И когда Кэлгар наконец выпрямился, его комбинезон сиял всеми цветами радуги. Сперва это не столько встревожило, сколько разозлило.

Он принялся раздеваться. Под комбинезоном на нем были лишь шорты да легкая рубашка — и то, и другое сияло как фейерверк. Кэлгар сбросил их наземь и почувствовал, как жидкость стекает по коже: с рубашки краска успела полностью перейти на тело; валявшиеся рядом шорты также оказались девственно чистыми. Сверкающая краска все шире растекалась по коже, Кэлгар с остервенением пытался стереть ее рубашкой

— тщетно; краска лишь пенилась, переливаясь мерцающими цветами, да прилипала к пальцам.

Пятно краски быстро расползалось по телу, не растекаясь ручейками и не оставляя потеков. Казалось, это перемещается кусок пестрой шали. За десять минут Кэлгару так и не удалось снять с себя ни капли.

Вернувшись на корабль, астронавт схватился за химический справочник.

«Удаление краски, — вычитал он, — производится при помощи скипидара».

По счастью, скипидар в складном отсеке нашелся, хотя и немного. Кэлгар плеснул в пригоршню пахучей жидкости, но та без толку пролилась на землю — краска не позволила ей даже прикоснуться к себе.

Однако Кэлгар не собирался сдаваться. Поочередно он пытался отмыться газолином, вином и даже драгоценным ракетным топливом… Но все тщетно: переливчатое цветное пятно не реагировало ни с одним из этих веществ. Тогда он забрался в душевую, однако вода орошала лишь свободные от краски участки кожи, только они ощущали тонизирующий массаж тонких и острых струй, тело под краской было словно анестезировано.

В конце концов Кэлгар наполнил складную походную ванну и по горло погрузился в воду. Пятно переползло на шею, подбородок, залепило рот и нос. Забраться внутрь оно, похоже, не могло, дышать становилось все труднее, однако Кэлгар крепился до тех пор, пока краска не стала закрывать глаза. Тут он не выдержал, выскочил из ванны и погрузил в воду голову. Краска медленно отступила к подбородку, но спускаться дальше не желала, хотя Кэлгар и окунал голову все глубже и старался удержать ее под водой как можно дольше.

Кэлгар раскинул на выдвижной койке надувной матрас и уселся, чтобы хорошенько обдумать сложившуюся ситуацию. В сущности, история вышла комическая. И стань кому-нибудь известны ее подробности, Кэлгар неминуемо оказался бы посмешищем в глазах всей Солнечной системы. Он стал жертвой венерианской банки с краской, то ли забытой здесь, то ли кем-то брошенной… Причем краска эта может представлять смертельную опасность для любых живых существ: ведь не отступи она в конце концов — и Кэлгар задохнулся бы, как пить дать.

По спине у него побежали мурашки. Он представил себе ослепшего, задыхающегося человека,

ощупью ищущего выход из штурманской рубки. И даже убедившись, что вполне мог бы проделать в слое краски отверстия, позволяющие дышать, он все еще не мог успокоиться.

Прошло немало времени, прежде чем улеглась бившая Кэлгара нервная дрожь. Он сидел в оцепенении, лихорадочно и напряженно размышляя.

Плеснувшая на него из банки краска и не думала высыхать. Впрочем, она и не была жидкостью в обычном понимании, поскольку не впитывалась в одежду, не подчинялась закону всемирного тяготения, растекалась не только вниз, но и вверх, а также отталкивала любые другие жидкости. Кэлгар попытался разобраться, почему она обладает всеми этими свойствами. Водоотталкивающая — понятно, в идеале краска и должна быть такой. Но остальное…

Он вскочил и принялся расхаживать по рубке. На протяжении четверти века — с тех пор, как первые сверхракеты достигли Луны, а затем и полумертвого Марса — Венера являла собой наиболее заманчивую цель для всех космопроходцев. Однако любые экспедиции в этом направлении были запрещены — вплоть до появления кораблей, способных избежать опасности падения на Солнце, участи, уже постигшей два космолета.

Неизбежность подобных катастроф была доказана математически: существующие ракеты могли без риска достичь Венеры лишь при строго определенном ее положении в пространстве относительно Солнца, Земли и Юпитера.

Однако возникновения таких благоприятных условий в ближайшие два десятка лет не ожидалось. И лишь за полгода до полета Кэлгара известный астроном установил, что необходимое взаиморасположение планет произойдет в этом году. Его статья породила бурные дебаты в профессиональной среде. Разумеется, правительство не могло полагаться на особое мнение одного — пусть даже весьма авторитетного — ученого. Однако до Кэлгара дошло высказывание некоего высокопоставленного чиновника Космической патрульной службы: мол, дело приняло бы совсем иной оборот, решись кто-либо отправиться на Венеру на собственный страх и риск, — в подобном случае у него, чиновника, сыскалось бы достаточно единомышленников, чтобы выполнить все необходимые предварительные исследования и расчеты. В результате, когда Кэлгар на своем маленьком корабле стартовал к Венере, с размахом велась подготовка сразу нескольких экспедиций… на Марс.

От Венеры ждали сенсаций — но не столь значительных, как эта. Ибо раса, способная создать идеальную с любой точки зрения краску, уже одним только этим заслуживает более близкого знакомства.

Размышления Кэлгара были прерваны новым невероятным открытием, заставившим его встревоженно вскочить. Сверкая неисчислимыми оттенками, краска продолжала распространяться: если поначалу она покрывала не больше четверти поверхности тела, то теперь занимала уже добрую треть. Если так пойдет и дальше, рано или поздно она покроет Кэлгара с ног до головы, залепит ему глаза, рот, нос, уши — словом, все. Надо было срочно придумать способ избавиться от этой переливчатой пленки.

«Идеальная краска, — записал Кэлгар в своем блокноте, — должна обладать красивым цветом, быть нечувствительной к любым внешним воздействиям и — обязательно — легко удаляться».

Он мрачно перечитал последние слова, отложил карандаш и посмотрелся в зеркало.

— Ну, дела, — пробормотал он, обращаясь к собственному отражению, — это ж не я! Пестр, что твой цыган…

Всматриваясь в представшее его взгляду ко-

лористическое буйство, Кэлгар отметил, что сама краска, собственно, оставалась невидимой, поскольку испускала яркий, отбрасывающий резкие тени свет. Она являла собой не цветное покрытие, а как бы жидкий свет, в переливах которого слились воедино все мыслимые оттенки. Причем ни яркость, ни пестрота отнюдь не оскорбляли вкуса, даже самого изысканного. Кэлгар развеселился, осознав, что не может глаз оторвать от этого невероятного явления. Однако в конце концов он все же отвернулся от зеркала.

«Если бы удалось зачерпнуть хоть немного краски и перелить ее в реторту, — подумал он, — можно было бы произвести анализ».

Кэлгар предпринял несколько попыток, но краска, охотно вливаясь в ложку, тут же стекала обратно, стоило оторвать ложку от кожи. Он попробовал удержать краску в ложке с помощью ножа, но безуспешно: та выскальзывала из-под лезвия, текучая, словно масло. Кэлгару явно не хватало силы и ловкости, чтобы достаточно плотно прижать лезвие ножа к ложке. Он попробовал было воспользоваться предназначенным для отбора проб черпачком с резьбовой крышкой, но тот оказался слишком круглым и маленьким; к тому же завинчивание крышки занимало чуть

ли не минуту.

Кэлгар без сил опустился в кресло. Он чувствовал, что заболевает. Мысли путались. Лишь некоторое время спустя он вновь обрел способность рассуждать трезво.

Ему все-таки удалось набрать в черпачок немного краски — что-то около чайной ложки. По логике вещей, теперь следовало тем же способом очистить и всю поверхность тела. Однако краски на нем, судя по всему, не меньше пятисот таких доз. На снятие каждой из них уходит больше двух минут. Итого тысяча минут — почти семнадцать часов!

Кэлгар жалко улыбнулся. Семнадцать часов! Вдобавок за этот срок ему хоть пару раз да понадобится поесть — вот тебе еще час… И тут он ощутил голод — пожалуй, самое время подкрепиться.

За завтраком он обдумывал случившееся со спокойствием человека, нашедшего одно из решений проблемы и теперь имеющего право позволить себе поразмыслить над другими вариантами.

Семнадцать часов — это слишком много. Теперь, когда ему удалось заключить немного краски в черпачок, ее можно исследовать; возможно, откроется дюжина более радикальных

способов избавиться от загадочной напасти.

Возможно, в лучше оборудованной лаборатории это и оказалось бы Кэлгару по силам, но корабельная была слишком убога. Удалось лишь установить, что краска абсолютно инертна — ни с чем не смешивается механически и не реагирует химически; не поддавалась она и термическому воздействию — не горела и не замерзала.

— Естественно, — со злостью признал в конце концов Кэлгар. — Если это идеальная краска, то именно так и должно быть!

Он взялся за дело и постепенно настолько навострился, что некоторое время спустя соскабливание краски с кожи в черпачок и завинчивание крышки стало занимать от силы секунд сорок пять. Он так углубился в это занятие, от результатов которого зависело слишком многое, что успел уже наполовину заполнить краской колбу, прежде чем заметил нечто потрясшее его до глубины души: краски на теле оставалось столько же, сколько и в начале процедуры.

Кэлгар оцепенел. Дрожащими руками он замерил количество краски в колбе. Он собрал все или почти все, что плеснуло из венерианской банки, в этом можно не сомневаться. Но и количество краски на теле от этого не уменьшилось. Похоже,

она ко всему обладала еще способностью восстанавливать пострадавшую от чего-либо часть покрытия.

Кэлгар пополнил столь ценным наблюдением список свойств венерианской краски.

И к этому времени заметил, что не может свободно потеть: капельки влаги проступали на коже лишь в местах, не покрытых переливчатой дрянью. Интенсивная работа разогрела Кэлгара, а краска лишала организм возможности полноценной теплоотдачи. Астронавт чувствовал, как прямо-таки распаляется от внутреннего жара. Он ужаснулся.

«Надо любой ценой убраться отсюда, — подумал он, — отыскать ближайший венерианский город и раздобыть растворитель, способный совладать с этой психованной жижей».

Ему было уже наплевать, станут над ним смеяться или нет. Кэлгар кинулся в штурманскую рубку и уже схватился было за рычаги управления, но в последний миг что-то удержало его. Ведь чертов куб сам заявил: «Во мне краска». Значит, там могут быть заключены и сведения, необходимые для использования содержимого, в том числе и его удаления.

— Ну и дурак! — сказал себе Кэлгар, подни-

маясь с пилотского кресла. — Как же я сразу не сообразил!

Хрустальный куб валялся на траве в том самом месте, где Кэлгар оставил его. Стоило астронавту прикоснуться к кристаллу, как тот заговорил:

— Я полон краской на четверть.

Значит, на Кэлгара выплеснулось три четверти содержимого сосуда. Обстоятельство немаловажное.

— Инструкция: разместить банки с краской вокруг подлежащей покраске поверхности, после чего приступить к работе, — продолжал излагать куб. — Краска высохнет, как только поверхность будет покрыта ею полностью. Краска удаляется при помощи затемнителя, который следует приложить к окрашенной поверхности, плотно прижать и выдержать в таком положении в течение одного терарда.

Последнего слова Кэлгар не понял, но что какая-то мера времени — разумеется, ясно.

— Затемнитель, — продолжал между тем куб, и только теперь до Кэлгара дошло, что голос не звучит, а передается непосредственно в мозг, — можно приобрести в ближайшем магазине москательных товаров или скобяных изделий.

— Замечательно, — Кэлгар почувствовал при-

лив бешенства. — Остается только сбегать в лавку и купить затемнитель!

Впрочем, высказавшись, он заметно успокоился. Слава богу, он попал в практичный мир москательных лавок, а не восьминогих жукоглазых монстров, которыми люди давно уже пугают собственное воображение. Существа, изготовляющие идеальную краску и торгующие ею, наверняка не примутся сразу же пытать пришельца с Земли, — ясно, как божий день. Воображение Кэлгара тут же нарисовало картину упорядоченного, отлично организованного мира — скорее всего, не имевшую ничего общего с реальностью. Естественно, не все обитатели космоса полны априорной симпатии к представителям рода людского; впрочем, последние тоже умеют ненавидеть… Судя по краске и кубу, в который она упакована, приходится признать, что цивилизация Венеры стоит на более высоком уровне, чем земная. Если допустить, что венериане обнаружили корабль Кэлгара еще до посадки, то им могло прийти в голову предложить пришельцу некие тесты. И фантастическая краска, в которую он по уши вляпался, могла играть в этом тестировании не последнюю роль.

Однако все эти рассуждения, вне зависимо-

сти от их справедливости или ошибочности, не могли приостановить внутреннего разогрева организма, покрытого непроницаемым слоем краски. Нужно было попытаться постичь образ мышления венериан. Кэлгар осторожно поднял кристалл.

— Согласно государственному стандарту, — мысленно проинформировал его куб, — краска состоит из следующих компонентов:???? — семь процентов,???? — тринадцать процентов, сжиженный свет — восемьдесят процентов.

— Сжиженный — что? — опешил Кэлгар.

Куб продолжал, игнорируя вопрос:

— Внимание! Хранение краски поблизости от горючих материалов и летучих веществ категорически запрещено!

Вопреки ожиданиям Кэлгара никаких дополнительных разъяснений не последовало. Похоже, венериане привыкли подчиняться инструкциям без рассуждений. Но ведь Кэлгар уже пробовал соединять краску и с летучими веществами вроде эфира, и со скипидаром, и с газолином, и даже с ракетным топливом, однако ничего страшного не произошло. Вообще ничего не произошло. Либо инструкцию составлял перестраховщик, либо все это означает нечто совершенно иное.

Прихватив с собой куб, Кэлгар вернулся на корабль и сел за пульт управления. Он положил руку на гладкую головку пускового рычага и передвинул его вперед — щелкнув, тот зафиксировался в крайнем положении. Потом, в ожидании, пока автомат запустит двигатель, Кэлгар застегнул привязные ремни. Но двигатель молчал.

В этом молчании Кэлгару почудилось грозное предостережение. Предостережение исходило от некой живой и могучей силы, влияние которой астронавт, казалось, ощущал всем своим существом. Он оттянул пусковой рычаг на себя, потом снова перевел в рабочее положение. Зажигания так и не произошло.

Кэлгар тяжело дышал.

— Внимание! — ни с того ни с сего повторил лежащий на полу куб. — Хранение краски поблизости от горючих материалов и летучих веществ категорически запрещено!

Вот оно! Все наоборот: это инертное вещество, похоже, лишило восемнадцать тысяч галлонов топлива способности к воспламенению. И все потому, что Кэлгар из экономии слил обратно в бак те полпинты горючего, которыми пытался оттереть краску.

Кэлгар включил рацию. Еще находясь в нескольких миллионах миль от Венеры, он впервые попытался послать к цели своего полета радиосигнал. Однако ответа не дождался: в эфире царила не нарушаемая ни единым искусственным сигналом тишина. Но ведь высокоразвитая цивилизация не может не знать радио! Неужто они не отзовутся на призыв о помощи?

Добрых полчаса сигналы понапрасну уходили в эфир. Приемник безнадежно молчал. Ни в одном диапазоне не было слышно ни единого осмысленного звука. Он был совершенно один в этом Богом забытом углу — если не считать агрессивной, самовосстанавливающейся, переливающейся всеми цветами, сводящей с ума краски.

Жидкий свет… Затемнитель… Черт возьми! Может, она сияет не собственным, а отраженным светом? И если свет погасить… Кэлгар еще держал палец на выключателе, когда вдруг заметил, что снаружи царит полнейшая тьма. Входной люк был открыт, Кэлгар высунулся из него и посмотрел на черное, беззвездное небо. Ночь и облака, столь характерные для Венеры, породили поистине кромешный мрак. Днем из-за близости планеты к светилу облака лишь слегка приглушали сияющий солнечный свет, но сейчас все

обстояло иначе. Разумеется, какая-то толика света сюда все равно доходила — никакая планета, столь близкая к центральному светилу, не может быть полностью лишена света и энергии. Селеновый фотометр еще на подлете регистрировал их возрастание с точностью до одной стотысячной.

Оторвавшись от созерцания небосвода, Кэлгар обнаружил, что пол штурманской рубки сияет — источником этого света служила все та же краска. Выходит, она не только отражает свет? Неприятно удивленный, он выбрался наружу и отошел от ракеты настолько, чтобы на него не попадал свет, падавший из открытого люка. Во тьме тело Кэлгара мерцало и переливалось феерической пляской огня, на влажной от росы траве играли многоцветные блики. Похоже, его труп будет являть собой великолепное зрелище…

Кэлгар представил себе, как тело его, с ног до головы покрытое краской, лежит на полу рубки. Или здесь, на траве. Возможно, со временем венериане натолкнутся на мертвого пришельца и примутся гадать, кто он такой и откуда.

Судя по всему, венериане не пользуются радиосвязью. Или все-таки пользуются, но сознательно избегают контактов с людьми?

Кэлгар лихорадочно пытался сосредоточиться

на поиске решения, но тщетно. Он вернулся в ракету. Его мучила какая-то неоформившаяся мысль, скорее даже ощущение. Он должен был что-то сделать. Но что? Ах да, радио! Он быстро настроил приемник. И вдруг подскочил, потрясенный — из динамика раздался странный, нечеловеческий голос:

— Пришелец с планеты, именуемой Земля! Пришелец с планеты, именуемой Земля! Ты слушаешь?

Кэлгар приник к динамику, одновременно включив передатчик.

— Да! — ликующе крикнул он. — Да! Я слушаю! Но я попал в ужасное положение! Приходите скорее!

— Мы знаем о твоем положении, — ответил бесцветный механический голос. — Но отнюдь не собираемся помогать.

Кэлгар в отчаянии ахнул.

— Банку с краской, — продолжал голос, — сбросил перед самым люком твоей ракеты корабль-невидимка — всего через несколько секунд после твоей посадки. Вот уже несколько тысячелетий мы, которых вы именуете венерианами, с растущим беспокойством наблюдаем за развитием цивилизации на третьей планете

Солнечной системы. Наше общество не знает тяги к приключениям, а истории Венеры не ведомо само понятие войн. Это не значит, что нам неизвестны трудности и борьба за существование. Наши организмы отличаются чрезвычайно медленным темпом обмена веществ, и уже в далеком прошлом наши психологи установили неспособность венериан к космическим полетам. Поэтому мы сконцентрировали силы на выработке собственного, венерианского образа жизни — и преуспели в этом. С момента появления твоего корабля в атмосфере планеты перед нами встал вопрос: на каких условиях можно вступить в контакт с людьми. Мы решили оставить банку с краской в таком месте, где ты сразу же должен был на нее наткнуться. А если нет, мы отыскали бы другой способ провести тебя через тест. Твоя догадка верна: ты был и остаешься подопытным объектом. Результат пока неутешителен: разумные существа с подобным твоему и даже несколько более высоким уровнем интеллекта должны удаляться с Венеры. Разработка системы тестов для принципиально отличающихся от нас обитателей Вселенной представляла исключительно трудную задачу, но мы с ней справились. Твое же мнение о нашем тесте не имеет ни малей-

шего значения, поскольку тебе суждено умереть. Лишь в этом случае другие земляне, те, что придут вслед за тобой, окажутся в полном неведении и могут быть успешно подвергнуты этому или подобному испытанию. Мы же вступим в контакт лишь с разумным существом, вышедшим из предложенной ситуации победителем. Тогда мы дополнительно исследуем его уже с помощью приборов, чтобы на основании результатов тестирования и обследования решить, как строить свои отношения с расой, прислав шей его к нам. Все мыслящие существа с интеллектом, равным или превосходящим первого, успешно прошедшего тестирование, смогут свободно посещать нашу планету. Решение это окончательное и изменению не подлежит. Исследуемый субъект должен суметь самостоятельно покинуть Венеру. Если это ему удастся — в дальнейшем между нашими расами возможно сотрудничество, например, в усовершенствовании космических кораблей. Мы говорим с тобой при помощи специальной машины, поскольку сами не пользуемся звуковой речью. Те несложные мысленные сообщения, которые передавала тебе банка краски, выполненная в форме хрустального куба, — результат деятельности куда более сложного устройства,

поскольку осуществление мысленного контакта с венерианским мозгом невероятно трудно. А теперь — прощай! И как ни странно это звучит, желаем удачи!

В динамике послышался характерный треск, потом все смолкло; Кэлгар лихорадочно крутил ручки настройки, но не смог извлечь из приемника ни единого звука.

Выключив рацию, он сел ждать смерти.

Но в то же время все его существо переполняла жажда жизни.

«Затемнитель, — вспомнил он. — Что же это такое?»

Кэлгар и раньше ломал над этим голову, но теперь заново пересмотрел все свои записи и результаты анализов; на это ушел битый час.

Идеальная краска, на восемьдесят процентов состоящая из жидкого света! Что ж, свет есть свет, он и в сжиженном виде должен подчиняться тем же законам природы. Впрочем, должен ли? Идеальная краска, способная... Хватит! Сознание Кэлгара пасовало перед новым и новым перебором одних и тех же данных. Он чувствовал себя разбитым и с трудом подавлял тошноту.

Внутренний жар сжигал его, как при горячке. Кэлгар окунул ноги в таз с холодной водой — мо-

жет, если охлаждать организм таким образом, кровь все-таки не закипит?

Правда, опасность неограниченного возрастания температуры ему не угрожала — это он сознавал. Ведь помимо всего прочего существует и верхний предел температуры человеческих и вообще любых живых организмов. Важно лишь не подпитывать организм дополнительной энергией; придется отказаться от обычной пищи, ограничившись лишь витаминными таблетками, чтобы не подкидывать в топку лишних калорий. Главная опасность заключалась в ином: кожа Кэлгара практически лишилась возможности дышать, поскольку большую часть тела покрыла непроницаемая пленка. Как быстро это может его убить, Кэлгар точно не знал.

Подобная неопределенность отнюдь не способствовала душевному равновесию. Но вот что странно: именно сейчас, когда он уже почти смирился со своей участью, смерть отнюдь не спешила.

И вдруг его как током ударило — не спешила! Он вскочил, включил свет и кинулся к зеркалу.

Внимательное изучение собственного отражения убедило, что за последний час покрытая краской площадь не увеличилась. Это был как раз

тот час, что Кэлгар провел в темноте, рассеиваемой лишь сиянием, излучаемым его собственным телом. Отпадать краска, разумеется, и не думала — конечно же, ведь она должна быть рассчитана на мрак венерианской ночи. Но площадь покрытия не увеличилась. А если попробовать полную тьму? Например, забраться в пустой топливный танк?

Он провел там полчаса. И хотя очевидного результата опыт не дал, у Кэлгара созрел окончательный вывод: именно полная темнота является единственным средством решения проблемы. И единственным путем спасения.

Но ведь тогда горючее во тьме танков уже освободилось бы от убийственного воздействия попавшей в него краски. А может, так оно и есть?

Кэлгар включил зажигание. Тишина — двигатели по-прежнему молчали. Значит, в рассуждение вкралась ошибка.

«Вся проблема, — подумал Кэлгар, — сводится к удалению из состава краски этих самых восьмидесяти процентов жидкого света — при помощи полной темноты или каким-либо иным способом».

Однако более абсолютной тьмы, чем в пустом

топливном танке, куда не проникает ни единого фотона, ему не получить, это в принципе невозможно. Где же кроется эта проклятая ошибка?

И тут его осенило: конечно! Свет снаружи не может проникнуть в бак. Но его не может и покинуть свет, излучаемый краской! Ее сияние отражается от стен и возвращается к краске, вновь впитывающей его лучи. Но нельзя же убрать стены…

Радость Кэлгара погасла. Получается заколдованный круг: либо краску подпитывает свет извне, либо она не может избавиться от собственного. Нет, все-таки придется еще поломать голову… Тем более что во тьме краска не распространяется по телу, тем самым предоставляя необходимую отсрочку.

Так проходили часы. И вдруг решение явилось — само собой и совершенно неожиданно.

Месяцем позже, уже направляясь к Земле, Кэлгар поймал радиосигнал встречного космического корабля. Когда связь стала устойчивой, Кэлгар рассказал обо всем, что приключилось на Венере.

— …Так что не ждите никаких осложнений после посадки, — закончил он. — Венериане сами поднесут вам ключи от своих разноцветных

городов.

— Погоди, погоди, — с сомнением в голосе отозвался пилот встречной ракеты. — Если я правильно понял, они допустят к себе людей с интеллектом не менее высоким, чем у того, кто успешно прошел тест. Если тебе это удалось, значит, ты обладаешь очень развитыми способностями. Но мы-то самые заурядные люди, так на что же нам рассчитывать?

— Я никогда не мог похвастаться высоким айкью — как и большинство профессиональных астронавтов, и единственные мои дарования — это энергичность и любовь к приключениям, — скромно ответил Кэлгар. — И раз уж вышло так, что именно я являюсь для вас эталоном пропуска на Венеру, то должен откровенно признать: по самым скромным оценкам, девяносто девять процентов обитателей нашей планеты соответствуют венерианским требованиям.

— Да, но…

— Только не спрашивай, — перебил Кэлгар, — почему их тесты столь примитивны. Может, сам поймешь, когда встретишься с ними. Причем, — тут он нахмурился, вспоминая, — ты отнюдь не придешь от них в восторг, дружище. Зато первый же взгляд на их многоногие и многорукие

тела объяснит тебе, почему создание тестов для совершенно отличных от них существ стоило венерианам такого труда. Могу я быть еще чем-нибудь полезен?

— Да! Как ты, собственно, избавился от этой краски?

— Селеновые фотоэлементы и соли бария. Я забрался в топливный танк, захватив с собой селеновый фотоэлементный преобразователь и латунный сосуд с барием. В конце концов они поглотили содержащийся в краске свет. И тогда от нее остался лишь бронзовый порошок, сам собою осыпавшийся на пол. Тем же способом я вернул энергию горючему — и стал свободным человеком. Ну, пока! — Кэлгар радостно рассмеялся. — До встречи! Я спешу — у меня на борту груз, который надо побыстрее распродать.

— Груз? Какой?

— Краска! Тысячи хрустальных кубических банок с краской — самой великолепной в мире. Земля станет воистину прекрасной! К тому же я получил право исключительного представительства…

Два космических корабля разминулись во мраке межпланетного пространства, направляясь в противоположные стороны — каждый к своей

цели.

Защита

Внутри мертвой планеты шевельнулся старый усталый механизм. Замигали бледные электронные лампы, медленно заскрипел переключатель, меняя состояние с нейтрального на положительное.

Послышались шипение и треск плавящегося металла, когда медный предохранитель сдался наконец под напором могучей энергии. Металл напрягся, как мышца человека, под мощным электроимпульсом, потом предохранитель расплавился и с глухим стуком упал на пол.

Однако перед этим ему удалось повернуть колесо.

Древняя тишина помещения была нарушена. Колесо лениво вращалось на тонкой пленке масла, которое — хорошо защищенное — сохранилось за миллион лет. Три раза повернулось колесо, а потом его основание развалилось на куски. Бесформенная масса, в которую оно превратилось, ударилась в стену, рассыпавшись в пыль, не годную уже ни на что.

Однако колесо все же повернуло вал, открыв-

ший микроскопическое отверстие в днище уранового реактора. В канале под отверстием серебром блеснул уран.

В космическом напряжении два куска металла находились друг перед другом. Потом шевельнулись. Энергия, протекавшая между ними, мгновенно вызвала стремительную реакцию. То, что было твердым металлом, перешло в жидкое состояние, и верхний стек к нижнему.

Пылающая масса попала по каналу в специальную камеру, а там, образовав лужу, закипела, забулькала. Когда разогрелись холодные изолированные стенки, пошел ток. Импульсы его побежали по пещерам мертвого мира.

Во всех камерах объединенной системы подземных фортов послышались голоса. Мегафоны хриплыми голосами передавали сообщения на таком забытом языке, что даже эхо искажало их смысл. В тысячах помещений тишину нарушали голоса из невероятно далекого прошлого, ждали ответа и, не дождавшись его, равнодушно принимали молчание за одобрение.

И вот в тысячах помещений переключатели замкнули цепи, повернулись колеса и уран потек в специальные камеры. Последовала пауза, во время которой общий процесс близился к концу.

Электронные устройства задавали себе вопросы без ответов.

Указатель определил цель.

— Там? — требовательно спросила электронная лампа. — Оттуда?

Указатель не шевельнулся.

Выждав положенное время, лампа включила передатчик.

— Там, — сказала она тысячам ждущих электронных устройств. — Приближающийся объект, несомненно, прибывает оттуда.

Миллионы рецепторов хранили спокойствие.

— Готово? — спросили они.

В помещениях механизмов за камерами с кипящим ураном контрольные огни лаконично подтвердили готовность.

Ответом была короткая команда:

— Огонь!

В пятистах километрах над поверхностью бледный и напряженный Петерс повернулся к Грейсону.

— Что это было, черт побери? — спросил он.

— А что такое? Я смотрел в другую сторону.

— Я бы поклялся, что видел там вспышки, их было трудно сосчитать. А потом мне показалось, будто что-то пролетело мимо нас.

Грейсон сочувственно покачал головой.

— И ты не избежал этого, дружище. Не можешь вынести напряжения первой посадки на Луну. Расслабься, парень, мы уже почти на месте.

— Но я готов поклясться…

— Ерунда!

В трехстах восьмидесяти тысячах километров за ними Земля содрогнулась, когда тысяча суператомных бомб взорвалась одновременно, взметнув вверх грибообразные облака.

Мгла мгновенно заволокла всю стратосферу, скрыв от звезд подробности катастрофы.

Правители

Люди, которых пригласили на званый ужин в один из вашингтонских особняков, не представляли собой ничего особенного: в большинстве своём это были политические деятели второй и даже третьей руки. Правда, попадались среди них персоны и поважнее. Сейчас все они с вежливым вниманием прислушивались к разговору, что завязался неподалёку от того места, где сидела хозяйка.

— Наука движется вперёд семимильными шагами, — заявил дородный мужчина, — и я не боюсь утверждать, что вскоре искусственное восторжествует над естественным.

Темноволосый человек с насмешливым взглядом покачал головой.

— Если вы окажетесь правы, значит, мы ещё ленивее, чем я думал, — сказал он. — Я согласен, что без пластмасс, как и без много другого, нам сегодня не обойтись. Но когда речь заходит о человеческом организме — тут вы меня извините. Взять, к примеру, витаминизированную пищу: в ней содержится лишь добавочное количество

витаминов, а минеральный состав естественных продуктов гораздо сложнее. И потом, я готов разделить вашу точку зрения, если вы назовёте мне хотя бы грубый аналог человеческого мозга.

— Охотно, — отозвался толстяк. — Доводилось ли вам слышать о препарате «эйч»? Он так глубоко воздействует на психику, что можно в известном смысле говорить о механизации мозга.

Хозяйка встрепенулась.

— Препарат «эйч»? — переспросила она. — Механический мозг? Я знаю, кто вам нужен. Доктор Лейтем, — обратилась она к высокому, худощавому мужчине с подвижным лицом, — не могли бы вы оставить на минутку свою прелестную супругу — вы не возражаете, Маргарет? — и помочь нам?

Доктор рассмеялся. Его карие глаза озорно блеснули.

— Каюсь, я подслушал, о чём вы говорили, — признался он.

— Ах вот как! — воскликнула его жена. — Выходит, ты только делал вид, что слушаешь меня?!

Он усмехнулся.

— Не притворяйся, ты вовсе не сердишься.

Она вздохнула.

— Нет, иметь мужем психиатра — сущее нака-

зание. Ведь он буквально читает мысли!

Лейтем пропустил реплику жены мимо ушей.

— Пожалуй, — проговорил он, — я расскажу вам об одном случае из своей практики. Год назад я получил правительственное задание…

К половине двенадцатого Лейтем окончательно уверился в том, что не ошибся. Следовало рассеять возможные подозрения. Извинившись перед провожатым, он подошёл к видеофону и набрал номер своего отеля.

На экране появилось лицо мисс Седжилл.

— Это вы, доктор, — обрадовалась девушка.

Глаза её заблестели, на щеках появились ямочки, рот слегка приоткрылся. Движения мышц в единый миг изменили выражение её лица: формальная вежливость уступила место доверчивой улыбке. Ещё Лейтем подметил явные признаки волнения — дрожание пальцев и губ, учащённое дыхание.

Он давно уже решил про себя, что со временем женится на своей секретарше. Приятно было сознавать, что её любовь к нему становится сильнее день ото дня. Но собственных чувств он старался не выказывать.

— Я закончу осмотр примерно через полчаса, мисс Седжилл, — сказал Лейтем. — Встретимся с

вами в ресторанчике, который видели вчера по дороге в отель. Вы помните его? Подходите туда в 12.15, и мы пообедаем вместе. Хорошо?

— Я буду там, — пообещала девушка. — Доктор…

Лейтем взглянул на неё. Выражение лица мисс Седжилл снова изменилось. Улыбка пропала. Пристальный взгляд, складка на переносице, нахмуренный лоб, едва приметный изгиб губ, лёгкая бледность кожи. Он ощущал её напряжение; она тревожилась за него и в то же время изнывала от любопытства — ей так хотелось узнать, что он обнаружил.

— Ничего серьёзного, мисс Седжилл, — сказал Лейтем. — Похоже, мне дали бессмысленное поручение.

Лишь выключив аппарат, он сообразил, что ответил на вопрос, которого она не задавала вслух. Лейтем с досадой прицокнул языком. Это никуда не годится. Его способность догадываться о мыслях людей по их наружности может сыграть с ним дурную шутку. Надо последить за собой.

Приняв такое решение, он повернулся к провожатому.

— Продолжим. Так сказать, последний штрих.

— Я бы посоветовал вам не ходить туда, — тихо

произнёс врач.

— Что? — Лейтем опешил. — Не понял. Я должен…

Он не докончил фразу. По спине его поползли мурашки. Резко повернувшись, он уставился на провожатого — и изумился: с человеком, который стоял перед ним, произошла разительная перемена.

Звали врача то ли Годред, то ли Кодред. До сих пор он хранил туповатое молчание, ограничиваясь короткими фразами вроде «Здесь лежат пациенты из Румынии» или «В этой операционной, сэр, работают австрийцы», причём лицевые мышцы его, казалось, атрофировались ещё в утробе. Теперь он язвительно улыбался, взгляд его приобрёл осмысленное выражение, а движения утратили вялость. Он выпрямился и стал заметно выше, в чертах лица проступила привычка повелевать. Саркастически усмехнувшись, он сказал:

— Мы выносили ваше присутствие, доктор, лишь потому, что нам было забавно наблюдать за вами. Но вы утомили нас. Убирайтесь; уносите подобру-поздорову ноги. И не ходите через ту дверь.

Решающее доказательство, подумал Лейтем.

Разумеется, в палату заглянуть просто необходимо. А потом… Ладно, не будем торопиться.

— Вы с ума сошли? — воскликнул он. — Разве вы забыли, что я представляю правительство Соединённых Штатов?

— Не ходите через ту дверь! — повторил врач.

Дверь ничем не отличалась от остальных: деревянная, многослойная, лишённая каких-либо следов краски или лака, обработанная снаружи наждачной бумагой. Ручка поддалась нажиму пальцев Лейтема. Доктор на мгновение застыл на пороге, внезапно отпрянул и бросился бежать. Врач-провожатый попытался схватить его, но Лейтем увернулся.

Прикинув на бегу расстояние до ближайшего выхода, он впервые ощутил страх. Надежда спастись таяла с каждым шагом.

Бегство по выложенным мрамором больничным коридорам напоминало сон, один из тех кошмаров, в которых за тобой гонятся заклятые враги. Лейтем не останавливался. К улице, в дальнем конце которой показалось такси, вела каменная эстакада. Вложив все силы в отчаянный рывок, Лейтем успел перехватить машину. Он вышел из неё пять минут спустя, подождал, пока она не скроется из вида, и взял другое такси,

которое доставило его в деловую часть города. Потолкавшись для надёжности среди покупателей в двух громадных универмагах, он выбрался наружу и сел в воздушный кар.

Он немного успокоился. Память услужливо подсказала ему, где он договаривался встретиться с мисс Седжилл — в ресторане, названия которого он не произносил вслух. Лейтем чувствовал себя приговорённым к смерти, которому вдруг заменили казнь тюрьмой: так поразила его мысль о том, что, говоря по видеофону, он не назвал ресторан. Они ни за что не догадаются! Им не найти ресторанчик «по дороге в отель»!

Однако мешкать нельзя. Перекусить на скорую руку, а потом на станцию воздушных такси — и в Вашингтон. Дорога каждая секунда.

— Не понимаю, — сказала мисс Седжилл, выслушав его. — Что вы там увидели?

— Двенадцать человек и пулемёт.

Серо-зелёные глаза девушки неотрывно следили за Лейтемом. Мисс Седжилл покачала головой, и её золотистые локоны заколыхались и засверкали в солнечных лучах, которые проникали внутрь сквозь специальные отверстия в крыше.

— Ешьте, — проговорил он. — Сейчас я вам всё объясню. Вам известно о распоряжении

правительства, согласно которому все клиники подлежат проверке федеральной комиссией? Это якобы необходимо для обеспечения единого порядка работы. Нетрудно догадаться, что причина — липовая.

Мисс Седжилл кивнула. Лейтем угрюмо продолжал:

— На деле же требовалось отыскать то самое место, где я сегодня побывал. Они знали, что не смогут от меня что-либо скрыть, и потому даже не пробовали. В клинике полным-полно различных контор и совершенно здоровых людей! Разумеется, в наличии двух-трёх контор, где могли бы работать выздоравливающие богачи, нет ничего странного, но когда их столько… После войны кое-кому из европейцев запретили приезжать в Соединённые Штаты, кроме как на лечение. Да и то они обязаны были сразу по прибытии направиться в клинику, которая согласилась их принять, а по окончании лечения — в ближайший международный аэропорт.

Известно было, что порой гости из Старого Света нарушают установленные правила. Правительство закрывало на это глаза, пока не выяснилось, что в одной из клиник творится нечто такое, что требует срочного вмешательства. Именно в эту

клинику, где палаты превращены в кабинеты, а пациенты — сплошь здоровые люди, мне и удалось попасть.

— Но что же вы всё-таки увидели в той палате?

Лейтем кивнул на девушку мрачный взгляд.

— Я увидел двенадцать из тринадцати членов Совета правителей мира. Тринадцатым, естественно, был мой провожатый, Кодред. Наверно, они хотели сначала допросить меня, а потом прикончить. Во всяком случае бегства моего они никак не ожидали; вот почему я сумел вырваться. Мне пришлось немало потрудиться, но теперь мой мозг оценивает обстановку за какие-то доли секунды. Прежде чем они успели пошевелиться и наставить на меня своё оружие, прежде чем они увидели меня, я уже хорошенько рассмотрел их и ретировался. Они могли перехватить меня у выхода, но…

Он замолчал и нахмурился. Глаза его сузились. Им ничего не стоило помешать ему, но они предпочли этого не делать. Неужели они так уверены в своих силах? Лейтем настороженно огляделся. Ресторанчик быстро заполнялся, и…

— Смотрите! — прошептал он. — Вон там!

Настенный телеэкран внезапно погас. Исчезли точёные фигурки балерин, смолкла музыка.

Затем на экране появились многократно увеличенные фотографии — мисс Седжилл и его, Лейтема. Раздался голос диктора:

— Дамы и господа, посмотрите вокруг. Быть может, эти люди обедают рядом с вами. Их имена — доктор Александр Лейтем и Маргарет Седжилл, оба из Вашингтона. Они чрезвычайно опасны. Полиции разрешено стрелять на поражение. Спасибо за внимание.

Снова зазвучала музыка, возобновили своё кружение балерины.

Их выручили наблюдательность Лейтема и его отменная реакция. Посетители ресторана только-только начали оборачиваться к экрану, а доктор уже рассмотрел собственное изображение и прошептал мисс Седжилл:

— Скорее… прикройте лицо салфеткой…

Не дожидаясь, пока девушка подчинится, он нагнулся и сделал вид, будто завязывает шнурки на ботинках. Так, в полусогнутом положении, прослушал он свой смертный приговор. Немыслимо! Полиция, как видно, куплена на корню.

А в Вашингтоне меня ни о чём не предупредили, подумалось ему. Ужасно было сознавать, что кто-то, совершенно незнакомый, поставил на нём крест.

Он всё ещё возился со шнурками, когда послышался шёпот мисс Седжилл:

— Мне кажется, нас никто не подозревает. Что нам делать?

— Видите кабинки у стены? — спросил вполголоса Лейтем. — Вообще-то мне приказано не выходить на связь самому, но в подобной ситуации… Я пойду первым, а вы — за мной.

Он выпрямился, встал и, вытирая салфеткой губы, направился к ближайшей кабинке. Пальцы его легли на щеколду, и тут ему в голову пришла новая мысль.

— Что случилось? — спросила мисс Седжилл.

— Давайте договоримся сразу: вы должны беспрекословно мне повиноваться. На карту поставлены наши жизни.

— А почему бы нам не обратиться в полицию? — мисс Седжилл побледнела, но в голосе её прозвучал вызов. — Разве мы не докажем этим свою невиновность?

— Именно к такому шагу нас и подталкивают, — объяснил Лейтем. — Однако мы не пойдём у них на поводу. Я попрошу сейчас истребителей сопровождения для воздушного такси, в котором мы полетим. Если мне не изменяет память, таксопарк расположен в квартале от ресторана.

— А как же счёт?

Лейтем сухо рассмеялся.

— Однако нам знать, видели кассирша или официантки наши лица на экране или нет? Когда мы будем проходить через зал, вы сморкайтесь в платок, а я надену шляпу. И куда подевался мой пистолет? — пробормотал он. — С ним в кармане я бы чувствовал себя увереннее.

Глядя в сторону, он прибавил:

— Ну да ладно. Идите в свою кабинку. Когда закончу разговор, постучу.

— Я притворюсь, будто ищу в справочнике номер, — проговорила мисс Седжилл.

Молодец, подумал Лейтем, хорошо держится — лучше, чем вёл бы себя на её месте он. Войдя в кабинку, он набрал код вашингтонской станции. Экран засветился. Теперь номер штаб-квартиры КРПД…

Экран мигнул — и сделался тёмным. Лейтем замер, не веря собственным глазам, но тут же отогнал подступивший было страх. Должно быть, полицейские штучки. Хотя — можно подкупить любого человека, но не полностью автоматизированную систему телесвязи города с миллионным населением… Покачав головой, он перенабрал номер. Экран загорелся вновь, и на нём просту-

пило изображение мужского лица.

— Срочно! — бросил Лейтем. — Запишите…

Он прервал себя на полуслове. С экрана на него смотрел Кодред, тот самый врач из клиники.

— Что же вы замолчали, доктор, — насмешливо сказал он, — продолжайте, пожалуйста. Ну, как хотите. Тогда позвольте мне сообщить вам следующее: мы намеренно дали вам уйти с тем, чтобы, оказавшись в безвыходном положении, вы в полной мере проявили присущую вам изобретательность — на наше благо, разумеется…

Тянет время, подумалось Лейтему. Они наверняка проследили, откуда был первый звонок. Он впервые ощутил панический ужас.

Лейтем вышел из кабинки. Мужество постепенно возвращалось к нему, и он даже нашёл в себе силы улыбнуться мисс Седжилл. Но улыбка, очевидно, получилась кривой. Глаза девушки испуганно расширились.

— Вы не дозвонились, — прошептала она.

Лейтему не хотелось лгать ей.

— Расскажу потом, — отмахнулся он. — Скорее в таксопарк!

Он снова с горечью вспомнил о пропавшем пистолете. Куда тот исчез из его спальни? Ведь ворам ни за что не проникнуть в номер психиат-

ра, как бы они ни старались. Может, он позабыл оружие дома?

Никто не пытался остановить их. Лейтем приободрился. Дорога до таксопарка показалась ему чудовищно долгой, но в то же время присутствие на улицах множества людей позволяло без труда сбить со следа возможную погоню.

В здании аэровокзала не было ничего примечательного: обычная конструкция из аэрогеля, отчасти прозрачная, отчасти матовая, а отчасти — белая как снег. Короткая взлётно-посадочная полоса протянулась по крышам соседних домов.

В нижнем ангаре стояло с десяток такси. Лейтем выбрал «Паккард» — модель, которой нередко пользовался. Водитель читал, но, завидев пассажиров, отложил книгу в сторону. Выражение лица его неуловимо изменилось, глаза блеснули, сильнее запульсировала жилка на шее. Улыбнувшись, он вежливо спросил:

— Куда вам?

— Миддл-Сити, — отозвался Лейтем.

Уже выходя из кабинки, он сообразил, что всякий, кому вздумается лететь прямиком в Вашингтон, рискует никогда туда не добраться. Правда, водителю как будто всё равно…

План Лейтема был прост. Водитель сначала

пропустит их в салон, а потом обойдёт машину и сядет в своё кресло. Вот тут он и вмешается: едва очутившись внутри, он запрёт все дверцы, возьмёт в руки штурвал, выведет такси на полосу — и вперёд. Он, Лейтем…

Однако замысел Лейтема не удался. Водитель первым занял своё место.

— Забирайтесь, — пригласил он с улыбкой.

На мгновение Лейтему стало нехорошо. Несомненно, водитель узнал их. Но он никак не ожидал от этого недалёкого на вид детины весом в добрых две сотни фунтов такого подвоха. И хуже всего было то, что он сам шагнул в расставленную ловушку.

Усилием воли Лейтем справился с сумятицей в мыслях. Теперь он видел то, чего не замечал прежде: каждое движение водителя выдавало в нём врага, сознательного врага, а не наспех проинструктированного человека с улицы.

Полиция, водители такси, телефонисты, связисты… Что там сказал Кодред? «Мы намеренно дали вам уйти…»

Такси тронулось. Несколько поворотов — и под колёсами взлётная полоса. Лейтем сидел как на иголках. Машина поднялась в воздух. Взревели ракетные дюзы.

Заработали глушители, и рёв двигателей перешёл в едва слышный рокот. Лейтем мельком глянул в иллюминатор. Далеко впереди маячила пятнадцатиэтажная громада Международной Клиники. При разрешённой в городе скорости — пять минут лёта.

Пять минут! Лейтем вздрогнул. Что он натворил! Сел в такси, которое пилотирует один из бандитов!

Напасть на водителя? Но с ним не так-то легко будет справиться. Ох уже эти психиатры, подумал Лейтем. Нет чтобы развивать мускулатуру…

В поисках какого-нибудь подходящего предмета он обшарил настенные кармашки. Пусто. Взгляд наружу… Осталось три минуты!

Делать нечего, придётся нападать с голыми руками. Он представил себе, как будет выглядеть после: затёкшие глаза, рассечённые брови, перебитый нос… Ему доводилось общаться с теми, кого, выражаясь юридическим языком, оскорбили действием, и он рад был, что воспоминание об этом не лишило его твёрдости духа.

Найти бы что-нибудь поувесистее кулаков! Взор Лейтема задержался на туго набитой сумочке мисс Седжилл.

— Что в ней? — прошептал он.

Собственный шёпот громом отдался в его ушах. Водитель наверняка услышал! Но нет, — лицо бандита, которое отражалось в зеркале заднего вида, оставалось спокойным, открытым и честным. Кто бы мог подумать, какое коварство скрывается под этой маской!

— Ничего особенного, — сказала мисс Седжилл. — Записная книжка и всякая всячина. А что? Я хотела спросить у вас…

Она ни о чём не догадывается! Впрочем, даже такой опытный физиономист, как он, едва не попал впросак.

Лейтем вырвал у девушки сумочку. Так, записная книжка, два кошелька, металлическая коробочка с румянами, губная помада и прочая косметика. На изготовление коробочки пошёл негорючий сплав магния, который на жаргоне торговцев лёгкими металлами назывался «Мечта Мэгги», а среди парфюмеров… Название упорно не желало вспоминаться. Ну и бог с ним. Гораздо важнее то, что в сумочке нет ни одного предмета тяжелее четырёх унций, а вся она целиком, вместе с содержимым и затейливыми застёжками, весит немногим более пяти фунтов.

Пять фунтов? Такси начало снижаться. Внизу показалась огромная, сверкающая на солнце кры-

ша. Нельзя терять ни секунды. Сжав сумочку в кулаке, Лейтем прыгнул на водителя. Он наносил бандиту удар за ударом, полуотчётливо сознавая, что от страха становится безжалостным.

Голова пилота моталась из стороны в сторону, тело его обмякло. Тупо поглядев на поверженного врага, Лейтем вернул мисс Седжилл её сумочку. Метнув на девушку взгляд исподлобья, он принялся вытаскивать водителя из кресла. Однако силы покинули его.

В иллюминатор видно было, что крыша клиники постепенно отдаляется. Перегнувшись через пилота, Лейтем дёрнул рычаг ручного акселератора. Скорость машины резко возросла. Окончательно обессиленный, Лейтем плюхнулся в кресло рядом с мисс Седжилл. Какое-то время он бессмысленно смотрел перед собой, потом сознание его прояснилось. Спасены! Нужно только избавиться от водителя — и полный вперёд на восток.

— Он приходит в себя, — прошептала мисс Седжилл.

— Дайте ещё раз вашу сумочку, — попросил Лейтем, — и помогите мне с ним управиться.

Вдвоём они оттащили бесчувственное тело в задний отсек. Достав из аварийного ранца пара-

шют, Лейтем надел его на бандита и столкнул того за борт. Секунду спустя в воздухе заколыхался громадный белый зонт, под которым маятником раскачивалась человеческая фигура. Вдосталь налюбовавшись, Лейтем пробрался к пилотскому креслу, сел в него и надавил на педаль ножного акселератора.

Улыбаясь, он повернулся к мисс Седжилл, и улыбка медленно сползла с его лица. Девушка неотрывно глядела в зеркало заднего вида. Уловив, должно быть, краем глаза его движение, она кинула на Лейтема испуганный взгляд.

— Нас преследуют катера, — выдохнула она, — с полицейскими эмблемами. По-вашему…

Лейтем молча кивнул. Ему вдруг всё стало безразлично.

Катеров было семь. Удлинённые чёрные корпуса, крохотные, будто обрубленные, крылья — в общем, сверхсовременные, сверхскоростные полицейские машины. Однако Лейтему не верилось, что за ними с мисс Седжилл гонится настоящий патруль. Повинуясь внезапному порыву, он включил коротковолновый передатчик, насчёт которого среди таксистов бытовало присловье: «Лучше высунься в окно и ори погромче».

Усмехнувшись, Лейтем спросил в микрофон:

— Что вам нужно?

На экране приёмника возникло молодое лицо.

— Вы! — бросил юноша.

— Разве вам не известно, что я — агент Конгресса и действую по поручению президента Соединённых Штатов?

— Мы не признаём ни Конгресс, ни президента, — холодно ответил юноша. — Советую вам сдаться.

Лейтем промолчал, чувствуя, как к сердцу снова подбирается страх. Наружность и произношение у говорившего с ним человека были типично американскими, а потому слова, что срывались с его губ, казались заученным наизусть отрывком из текста какой-то дешёвенькой мелодрамы.

Мысли Лейтема невольно вернулись к вопросу, которым он задавался и раньше: что всё это значит? Прежние рассуждения по поводу группы психически нездоровых людей, мнящих себя правителями мира, воспринимались им сейчас как смехотворные. Американцы ни за что не согласились бы подчиняться таким людям, просто-напросто не согласились бы. Значит, причина в другом, в чём-то гораздо более серьёзном.

Неужели они не понимают, что ни его, Лейте-

ма, исчезновение, ни даже его смерть не снимут подозрений с клиники? Ведь этим вечером штаб-квартира КРПД будет ждать его доклада, и если он не выйдет на связь… На что рассчитывают тринадцать правителей?

Взглянув в последний раз в глаза изменнику, Лейтем выключил передатчик и набрал на клавиатуре видеофона вашингтонский номер штаб-квартиры Комиссии по Расследованию Подрывной Деятельности. Именно туда он пытался дозвониться из ресторана.

Он ничуть не удивился, когда на экране появился Кодред.

— Доктор Лейтем, — покровительственно усмехнулся тот, — вы противопоставили себя целой организации. Передатчики всех без исключения воздушных такси и истребителей этого города посылают свои сигналы на наш автоматический коммутатор. Сегодня — вернее, пока вы на свободе — все звонки в Вашингтон будут переключаться на меня или на моих помощников. Безвредные для нас сообщения мы будем пропускать, но к вам это, естественно, не относится. Вам не на что надеяться, доктор.

— Вы меня ещё не поймали, — угрюмо пробормотал Лейтем.

Подавив желание задать Кодреду пару-тройку наводящих вопросов, он помедлил — и прервал контакт. Ничего важного он наверняка не узнает, а выслушивать нравоучения противника — и без того забот хватает.

Прищурив глаза, Лейтем посмотрел на катера. Они неумолимо приближались, а два из них даже ненамного обогнали такси. Ему вспомнились виденные несколько лет назад кадры хроники: три патрульных катера преследовали воздушный кар. Догнав нарушителя, они зацепили его за специальные скобы на корпусе, отсутствие которых каралось крупным штрафом, и быстро посадили на землю.

Теоретически пилот с его способностями мог без труда ускользнуть от погони. Но практика, как обычно, с теорией не в ладах. Тем не менее попробовать стоит.

Лейтем повернулся к мисс Седжилл.

— Держитесь! — крикнул он. — Сейчас начнётся карусель. Я…

Опешив, он молча уставился на неё. Лицо девушки постепенно менялось. С него сходило выражение всепоглощающей любви. Находись он рядом, Лейтем сумел бы помешать мисс Седжилл, а так — ему оставалось лишь беспомощ-

но наблюдать, как она задирает юбку, обнажая смуглое бедро, на котором висела кобура. Достав из кобуры пистолет — его пистолет! — девушка наставила оружие на Лейтема.

— Думается, — произнесла она холодно, — теперь моя очередь приказывать. Руки вверх, доктор, и не вздумайте их опустить.

Толстяк возбуждённо замахал руками.

— Постойте, доктор, погодите. Все мы слышали об этой истории, хотя официальная версия, похоже, сильно отличается от того, что произошло на самом деле. Но разве прелестная блондинка, с которой вы беседовали — ваша жена — и мисс Седжилл, что держала вас на мушке, не одно лицо?

— Всему на свете можно найти объяснение, — продолжал Лейтем, словно толстяк обращался не к нему. — Удивительно было то, что я, с моим-то опытом, ничего не замечал буквально до последней минуты. Вы помните, я был прекрасно осведомлён о чувствах… э… мисс Седжилл. Я понял, что здесь не обошлось без правителей. Скорее всего, они обработали её накануне вечером, велев вступить в игру в решающий момент. Сама она, разумеется, и ведать не ведала об этом. Глядя на неё там, в такси, я догадался, что она действует

под влиянием мощного наркотического средства, и определил его.

— Препарат «эйч», — пробормотал толстяк.

— Кстати сказать, — усмехнулся Лейтем, — препарат «эйч», как и многие другие потенциальные средства контроля над миром, вроде атомных подводных лодок, пикирующих бомбардировщиков или боевых излучателей, был изобретён у нас в США. Изобретатель считал, что его детище облегчит изучение работы человеческого мозга, а многие из его студентов видели в препарате способ к достижению мирового господства. Я был среди них и потому знаю, что говорю.

— Да, мы не доросли до идей такого масштаба, — согласился его собеседник. — А…

Хозяйка перебила его. Хотя толстяк принадлежал к числу важных «шишек», она утратила к нему всякий интерес. Ведь в её доме, за её столом рассказывали величайшую закулисную историю десятилетия! Какой подарок судьбы!

— Продолжайте, доктор! — голос её напоминал шипение змеи.

В сопровождении патрульных с полицейского катера Лейтем шагал по знакомому больничному коридору. На мисс Седжилл он старался не смотреть, однако от него не укрылась сквозившая во

взгляде девушки растерянность. По-видимому, действие наркотика заканчивалось.

Кодред встретил их у двери той самой палаты. Улыбнувшись, он поклонился и жестом пригласил Лейтема войти. Переступив порог, Лейтем резко обернулся: с Кодредом остались только мисс Седжилл и четверо из десятка охранников. Всего лишь четверо! Ну, что ж…

Должно быть, что-то в выражении лица Лейтема насторожило Кодреда, и тот запер дверь.

— На всякий случай, — пояснил он с улыбкой, — вдруг вы заупрямитесь или начнёте буянить. Что касается мисс Седжилл, она — марионетка в наших руках. Передайте мне, пожалуйста, пистолет, мисс. Спасибо.

Кодред снова повернулся к Лейтему.

— Как вам, вероятно, известно, доктор, воздействие препарата «эйч» на человеческий мозг ограничено по времени. Поэтому приходится соответствующим образом увеличивать начальную дозу и соблюдать при введении её определённые условия. Дальше проще. Чтобы удержать человека в повиновении, достаточно разбавленного раствора. Городской водопровод избавляет нас от необходимости поить каждого по отдельности, но, к сожалению, у пьющего

разбавленный раствор привыкания к нему не возникает. Усиление же концентрации приведёт к гибели тех, кто послушен нам. Все распоряжения отдаются через систему общественной информации. Вам что-нибудь неясно?

Да, подумал Лейтем, стискивая зубы, чтобы те не застучали от страха. Мерзавцы! Негодяи! Подмешивать отраву к питьевой воде!

Усилием воли Лейтем взял себя в руки. Надо кое-что выяснить, и спокойствие необходимо ему, как воздух.

Окинув взглядом сидевших за столами правителей, он скосил глаза на пулемёт. Тот установлен был на подставке между шестым и седьмым столами. Внезапно у Лейтема захватило дух. То, что он поначалу принял за ствол пулемёта, оказалось на деле длинным электродом, стержень которого высовывался из металлического ящика со множеством проводов.

Лейтем тихонько застонал. Ему уже доводилось видеть такой аппарат — в солидной промышленной лаборатории, где занимались исследованиями атома. Сделав шаг вперёд, чтобы уйти из-под прицела, он взглянул на своих противников.

Те наблюдали за ним, кто с равнодушием, кто — с откровенным любопытством.

Лейтем помнил их лица в общих чертах, однако при первой встрече, в половине двенадцатого утра, отдельные особенности ускользнули от его внимания. Тогда он решил, что среди правителей преобладают немцы, а их, похоже, только трое. Второпях он причислил к немцам поляка, громадного француза, испанского еврея и англичанина. Что до остальных, то двое из них смахивали на французов, один — на русского, один — на грека и последний — на подданного британской короны. Судя по всему, национальность была для них чистой условностью, этаким бесполезным пустячком. Да, ещё Кодред — этот, скорее всего, американец.

Молчание нарушил низкий голос грека:

— Приступим к делу. Введите ему дозу «эйч», и пускай звонит своим хозяевам в Вашингтон.

Лейтем догадывался о том, что его ждёт, но не предполагал, что правители окажутся такими нетерпеливыми. Он раскрыл было рот, но тут вмешался Кодред:

— Не спеши, Майкл, не спеши. Человека, которому вводят «эйч» и который знает о свойствах препарата, нужно загнать в угол, чтобы его рассудок смирился с уготованной ему участью. Мы доказали доктору Лейтему, что от нас не сбежишь.

Он выбит из колеи, но мы не должны забывать, что имеем дело с психиатром. А потому…

Выдержав драматическую паузу, Кодред обошёл Лейтема и встал перед ним.

— Разрешите мне, доктор, объяснить, кто вам противостоит. Организация наша возникла далеко не вчера. Скажем, первые сведения о правителях, то есть, о наших предшественниках, относятся к 3147 году до Рождества Христова. Когда кто-то из нас умирает, остальные, после долгой и тщательной проверки, подбирают ему замену. Мы держимся в тени; поэтому в наше существование мало кто верит всерьёз. За последние шестьсот лет в наш Совет входило двенадцать королей. До недавних пор ни одна война в Европе не начиналась без нашего одобрения. Наполеон был узурпатором, но он продержался недолго; даже Англия ополчилась против него.

Много веков подряд мы стремились подчинить себе Англию. Она — наша величайшая ошибка. Мы не принимали её в расчёт, недооценивали её возможности. Все наши беды происходили и происходят из-за неё. Именно независимость Англии привела к появлению Америки и, косвенным образом, хотя я мог бы перечислить вам все стадии процесса, — Советской России. Разумеет-

ся, в одиночку Англии не под силу сражаться с нами. Но вот уже дважды Америка не давала нам расправиться с англичанами. Поэтому мы намерены раз и навсегда покончить с Соединёнными Штатами.

Мы добрались сюда с большим трудом, потому что нам препятствовал ваш закон об иммиграции. Устроившись, наконец, в клинику, мы постепенно завладели городом. Времени на это ушло много, но оно не пропало даром. Мы выступаем. Вы вернётесь в Вашингтон нашим агентом. Мы рассчитываем на то, что вам удастся впрыснуть «эйч» десяткам, если не сотням, высокопоставленных чиновников. И тогда — Америка перестанет путаться у нас под ногами! — голос Кодреда поднялся до крика. — Не желаете ли что-нибудь сказать, — прибавил он с издёвкой, — пока вы ещё способны думать самостоятельно?

Сразу на такой вопрос ответить было нелегко. Лейтем задыхался от ярости. Его взбесило хладнокровие, с каким Кодред повествовал о деятельности организации, которая с незапамятных времён использовала целые народы как пешки в борьбе за власть, члены которой не испытывали ни малейших угрызений совести, обращая в рабство миллионы людей… Да что там говорить! И

потом, нужно понять, лгал Кодред или нет.

Лейтем напряг память, припоминая, как менялось выражение лица Кодреда, когда тот читал ему лекцию. Утром Кодред одурачил его; сейчас этого допустить никак нельзя.

При чтении мыслей по изменениям в чертах лица и по едва уловимым отклонениям от нормальных физических реакций важнее всего не упустить ни единой подробности. Чем старее человек, тем легче наблюдателю, поскольку у стариков кровеносные сосуды ближе к коже. Прилив и отлив крови — вот основные помощники физиономиста. Мышцы сокращаются более или менее определённым образом, но с кровью дело обстоит иначе. Любая эмоция, любая мысль означает приток в кровь жидкости из десятка лимфатических узлов. Сужение вен, набухание артерий, расширение сосудов — ничто не случается само по себе. Тот, кто, как он, Лейтем, в состоянии связать причину и следствие, может читать мысли в прямом смысле слова.

Сомнений нет: Кодред говорил правду и ничуть не преувеличивал.

На каком столе находится пульт управления электродом? Как, как это установить?

— Да, мне есть, что сказать, — проговорил

Лейтем. — Надеюсь, вам будут понятны мои рассуждения о двух типах человеческого мозга. Первый тип — ваш, тип правителя. Ваш интерес к наркотикам вроде «эйч» ограничивается скрупулёзным изучением их свойств для сугубо утилитарных целей. Однако препарат «эйч» является своего рода заменителем гипноза; он воздействует на тот же участок мозга.

Вы изумитесь, узнав, каких успехов добился в исследовании возможностей «эйч» покойный доктор Нэннинг, у которого мне посчастливилось учиться. Да-да, изумитесь, потому что я убеждён, что никто из вас никогда не пытался взглянуть на препарат глазами учёного. А известно ли вам, к примеру, что гипноз — это обращение ко второму «я»? Что второе «я» знает о наличии первого, а обратное утверждение верно не всегда? Впрыскивая «эйч», вы высвобождаете второе «я» человека; оно привыкло к рабству, и потому-то вы с лёгкостью подчиняете его себе.

Однако этого мало. Человеческий мозг неизмеримо сложнее. Помимо сознательного и бессознательного, в нём присутствует нечто третье. Открыто оно было ранними французскими месмеристами ‹Последователи австрийского врача и учёного Ф.А. Месмера (1734–1814)›, а именно

— Куэ. Управление им возможно с помощью всё того же «эйч». Скажи я вам, что третье «я» главенствует как над вторым, так и над первым, вы бы…

Только теперь правители обеспокоенно зашевелились. Только теперь они уразумели, что наступает конец их чудовищному владычеству над миром.

Они не медлили.

Не сводивший глаз с их лиц Лейтем угадал, где расположен пульт управления электродом.

— Шестой и седьмой столы! — крикнул он. — Огонь!

Четверо охранников выстрелили одновременно.

После непродолжительного молчания толстяк сказал:

— Вынужден признать, что мои доводы в пользу превосходства искусственного над естественным оказались несостоятельными. Вы обязаны победой своему исключительному пониманию способностей человеческого мозга. Полагаю, вы пробудили третьи «я» охранников по дороге с катера в клинику?

Лейтем кивнул.

— Вы рано сдаётесь, — прибавил он. — Меня

спасло лишь то, что охранники находились под действием «эйч».

— Я признаю себя побеждённым, — решительно повторил толстяк.

Дорогой друг

Планета Аурига-2

Дорогой друг!

Ваше письмо, которое попало ко мне по линии Клуба межпланетной переписки, вначале оставило меня равнодушным. Семьдесят планетарных периодов — кажется, вы называете их годами — тюрьмы отучат радоваться жизни кого угодно. Однако, изнемогая от скуки, я все же убедил себя взяться за перо и написать ответ.

Судя по Вашему описанию, Земля поистине великолепна. Мне хотелось бы побывать на ней, и, может быть… но не будем торопить события.

Вас, должно быть, заинтересует материал, который пошел на письмо. Это высокочувствительный металл, чрезвычайно тонкий и гибкий. Я высылаю Вам несколько таких листов. Писать лучше всего вольфрамовым стержнем, обмакнув его предварительно в какую-нибудь сильную кислоту. Для бумаги же, которая,

как видно, у вас в ходу, мои пальцы в буквальном смысле слова слишком горячи.

Вот, пожалуй, и все. Может статься, Вы не пожелаете переписываться с осужденным преступником — решение за Вами. Благодарю Вас за письмо. Не стремясь к тому, Вы немного скрасили мое однообразное существование.

Скандер

Аурига-2

Дорогой друг!

Вы ответили мне, и я счастлив! Прошу прощения за то, что мое письмо, по мнению Вашего врача, чрезмерно Вас возбудило, а также за те переживания, которые доставил Вам рассказ о моих злоключениях. Любопытство Ваше вполне оправданно, и я постараюсь его удовлетворить.

Вы пишете, что в документах клуба нет сведений об отправке какой-либо корреспонденции на Ауригу, что, если верить полученной Вами справке, температура на поверхности второй планеты в системе Ауриги превышает 500 градусов по

Фаренгейту и что жизнь в таких условиях невозможна. Относительно писем и температуры Вы совершенно правы. По вашим меркам у нас и в самом деле жарковато, однако мы не относимся к углеводородным формам жизни и потому не испытываем при 500 градусах никаких неудобств.

Должен извиниться, что скрыл от Вас, каким образом оказалось у меня Ваше первое письмо. По правде говоря, я боялся оттолкнуть Вас излишней откровенностью. Предугадать отношение к себе — задача не из легких.

Я — ученый. Как и моим коллегам, мне довольно давно уже было известно, что в Галактике существуют другие обитаемые планетные системы. Поскольку мне разрешили заниматься в свободное время научными экспериментами, я взялся за изучение теории галактической связи и сконструировал даже несколько простеньких устройств для подключения к коммуникационной сети. Но лишь когда я изобрел приемник субкосмических волн, мне удалось переместить Ваше

письмо — вместе с другими, на которые я не стал отвечать, — в холодильную камеру.

Именно холодильная камера и проявленная Вами в отношении материала для письма любезность помогли мне разыскать Ваш отклик среди огромной массы почтовых отправлений в ближайшем отделении клуба.

Откуда я знаю Ваш язык? Он несложен, особенно это касается письменного варианта, и мне не составило труда выучить его. Если у Вас нет возражений, я хотел бы продолжить нашу переписку.

Скандер

Аурига-2

Дорогой друг!

Ваш энтузиазм вдохновляет меня. Вы пишете, что я так и не ответил, каким образом намереваюсь посетить Землю. Признаюсь честно: пока я не имею об этом представления. Потерпите; быть может, я сумею что-нибудь придумать. Вы верно подметили, что существу, привыкшему к температуре 500 градусов по

Фаренгейту, вряд ли придутся по вкусу земные условия. Но не беспокойтесь, я не планировал ничего подобного — впрочем, давайте оставим эту тему.

Позвольте поблагодарить Вас за деликатность, с какой Вы спрашиваете о причине, по которой меня посадили в тюрьму. Хотя мне нечего стыдиться, но Ваша тактичность растрогала меня. Я ставил на самом себе опыты, которые были сочтены опасными для общественного блага. Так, однажды я понизил наружную температуру своего тела до 150 градусов по Фаренгейту, укоротив радиоактивный цикл среды. Это привело к нарушению обмена энергией между жителями города, в котором находилась моя лаборатория, и меня отдали под суд. Мне предстоит провести в тюрьме еще тридцать лет, поэтому я с восторгом предвкушаю выход из тела и путешествие по Вселенной, — однако мы договорились не возвращаться к этому.

Не стоит причислять нас к высшим существам. Просто мы обладаем способностями, которые людям, по-видимо-

му, не присущи. Мы живем дольше не потому, что научились бороться со старением, — в наших телах присутствует элемент, который повышает выносливость организма. Как вы его называете, я не знаю, но атомный вес этого элемента 52,9. Сделанные нами научные открытия типичны для существ с нашей физиологией. То, что мы выдерживаем такие высокие температуры, как… — не могу подобрать подходящего числа, — очень выручило нас в работе с подпространственными энергетическими потоками, которые обжигающе горячи и требуют тщательной направки. На последующих стадиях направку выполняют уже машины, но начальная регулировка осуществляется «вручную» — я поставил кавычки, поскольку в Вашем понимании у нас нет рук.

Я прилагаю к письму фотографическую пластинку, охлажденную до необходимой температуры, в надежде, что Вы воспользуетесь ею. Вам нужно лишь встать к ней лицом — ведь свет распространяется по прямой — и подумать: «Готов!»

Ваше изображение запечатляется автоматически.

Окажите мне, пожалуйста, эту услугу. Если хотите, я могу прислать Вам свою фотографию, но предупреждаю сразу: моя наружность, скорее всего, неприятно поразит Вас.

Искренне Ваш Скандер

Аурига-2

Дорогой друг!

Отвечаю на Ваш вопрос. Вставлять пластинку в фотоаппарат или, как Вы выразились, в «черный ящик» не надо. Она сработает, когда Вы подумаете: «Готов!» Уверяю вас, света ей будет вполне достаточно.

Скандер

Аурига-2

Дорогой друг!

Вы пишете, что, ожидая ответа, показали фотографическую пластинку одному из врачей в клинике — при всем желании я не в силах догадаться, что это такое, — и

что он посоветовал Вам обратиться к властям. Я не понимаю, при чем тут власти? Мне казалось, мы ведем с Вами личную переписку.

С нетерпением жду Вашей фотографии.

Скандер

Аурига-2

Дорогой друг!

Уверяю Вас, Ваш поступок нисколько не разгневал меня, а всего только озадачил. Жаль, что пластинку Вам не вернули. Мне хорошо известно, чего можно ожидать от правительства, поэтому высылаю Вам новую пластинку.

Я не в состоянии уяснить себе, почему Вас предостерегают от продолжения переписки. Или они думают, что я съем Вас на расстоянии? Прошу прощения, но в еде я предпочитаю обходиться без водорода.

Как бы то ни было, я прошу Вас прислать мне Вашу карточку на память о нашей дружбе. Получив ее, я вышлю Вам свою. Вы вольны сохранить ее, выбросить или передать властям — я утешусь сознанием того, что обмен был честный.

С наилучшими пожеланиями.

Скандер

Аурига-2

Дорогой друг!

Ваше последнее письмо шло так долго, что я уже начал беспокоиться, придет ли оно вообще. Меня огорчило отсутствие в нем фотографии, смутило упоминание о каком-то рецидиве и порадовало обещание выслать снимок, как только Вы оправитесь — что бы это ни значило. Очень рад, что Вы написали мне. Просьба руководства клуба не рассказывать в письмах о своих горестях вызывает у меня уважение. Как часто мы злоупотребляем вниманием друзей! А ведь у них забот ничуть не меньше, чем у нас. Взять хотя бы меня: я нахожусь в тюрьме, и мне предстоит провести в ней еще тридцать лет. Сама мысль об этом невыносимо тяжела для моего свободного духа, пускай даже после отбытия срока меня ждет долгая и плодотворная жизнь.

Несмотря на Ваше дружеское письмо, я обижусь, если Вы не переправите мне

фотографию.

С надеждой.

Скандер

Аурига-2

Дорогой друг!

Фотография прибыла. По строкам предыдущих писем я составил себе представление о Вашей наружности, но снимок опрокинул мои домыслы и лишний раз доказал, что слова не способны описать что-либо в точности.

Как и обещал, прилагаю свою фотографию. Ну, и что Вы теперь обо мне думаете? Вряд ли Вы рассчитывали увидеть этакую металлическую образину. Расы, с которыми мы поддерживаем связь, сторонятся нас, потому что мы — существа с повышенной радиоактивностью, единственные в известной нам Вселенной, так сказать, радиоактивная форма жизни. Смею Вас заверить, чувствовать себя изгоями — удовольствие ниже среднего.

Я как-то обмолвился, что надеюсь вырваться не только из тюрьмы, но и из тела, которое в ней заключено. Думается,

Вам интересно будет узнать, как далеко продвинулись мои изыскания. Решение проблемы состоит в обмене разумов, причем под обменом я подразумеваю нечто отличное от общепринятого толкования. Для осуществления процедуры необходимы, если можно так выразиться, «слепки» с обоих участников — с их мыслей, ощущений и тел. Здесь нет ничего сложного, нужно лишь обменяться детальными фотоснимками. Детальный снимок — такой, на котором отражены малейшие нюансы. Дальше следует убедиться в том, что обмен фотографиями произошел, что карточка другого у каждого из участников под рукой. (Слишком поздно предпринимать что-либо, приятель. Субпространственная энергия перетекает с одной пластинки на другую. Так что советую спокойно дочитать письмо.) Упомянутый обмен разумов есть на деле подавление личности-«подлинника»: она загоняется в подсознание, а ее место занимает «копия» с пластинки.

Вы сохраните все воспоминания о своей жизни на Земле, а я — о пребывании

на Ауриге. Кроме того, к Вам перейдут обрывки моих воспоминаний, а ко мне — Ваших. Подавленное «я» постоянно будет стремиться обрести себя, но ему недостанет на это сил.

Устав от Земли, я обменяюсь телами с кем-нибудь еще. Через тридцать лет я вернусь на Ауригу за своим собственным телом, а Вам придется вселиться в то, которое я в тот момент буду занимать.

Не правда ли, как удачно все сложилось? Вы переживете своих современников и приобретете бесценный опыт. Что касается меня, то я, признаться, питал надежду на более выгодный обмен… Но хватит объяснений. Когда Вы дойдете до этого места. Ваши глаза станут моими. На случай, если Вы меня слышите, — будьте здоровы, приятель. Ваши письма были для меня едва ли не единственной отрадой. Обещаю изредка писать Вам, чтобы Вы знали, где мне доведется побывать.

Скандер

Аурига-2
Дорогой друг!

Благодарю Вас за Вашу поспешность. Я долго колебался, прежде чем принял решение. Приглашенные правительством ученые быстро установили, для чего предназначена Ваша «фотопластинка», так что исход Вашей затеи зависел целиком и полностью от меня. В конце концов я сказал себе, что, если Вы так торопитесь, не стоит Вас удерживать.

Теперь я знаю, что Вы не заслуживали жалости. Ваш план завоевать Землю был смехотворным, но то, что он у Вас возник, убивает во мне всякое сочувствие к Вам.

Вы, должно быть, поняли уже, что человек, который был парализован с детства и перенес несколько сердечных приступов, долго не протянет. Рад сообщить Вам, что Ваш некогда одинокий друг по переписке наслаждается жизнью. С удовольствием подписываюсь именем, к которому со временем надеюсь привыкнуть.

Всего доброго.

Скандер

Звук

— Вам поступил вызов, — сообщил коммутатор.

Крейг щелкнул клавишей.

— Да? — сказал он еще до того, как появилось изображение.

— Это я, Джордж, — на экране возникло взволнованное женское лицо, — Джордж, мне только что звонил Игробот. Дидди отправился на поиски звука.

— Ох! — сказал Джордж, вглядываясь в лицо на экране.

Обычно она выглядела хорошо — с чистой кожей, приятной фигурой, прекрасными вьющимися черными волосами. Однако сейчас явно была не в форме: глаза панически расширены, все тело напряжено, волосы растрепаны.

— Веда, — резко сказал он, — перестань!

— Но он бродит по улицам, а, по слухам, весь район кишмя кишит шпионами йевдов.

Она содрогнулась, произнося название величайшего врага человечества.

— Игробот позволил ему уйти, так ведь? Зна-

чит, Дидди готов.

— Но его не будет всю ночь.

Крейг медленно кивнул.

— Послушай, дорогая, ничего страшного не произойдет. Это часть процесса взросления, и мы ожидаем чего-то в этом роде с тех пор, как в прошлом мае ему исполнилось девять, — он неожиданно сменил тему: — Может, тебе стоить пройтись по магазинам? Занять себя на остаток дня, чтобы выкинуть все эти тревоги из головы. Можешь потратить… — Он быстро произвел подсчеты, бросил еще один взгляд на ее лицо и решил увеличить сумму: — Пятьсот долларов. Исключительно на себя. До свидания, дорогая, и не волнуйся.

Он поспешно разорвал связь и встал. И надолго застыл у окна, глядя вниз на Верфи. С этой возвышенной точки он не мог видеть ни «Путь», ни корабль: они были по другую сторону здания. Однако сказочная страна улиц и домов очаровывала, как всегда. Верфи были пригородом Солнечного города, и огромная столица в искусственной тропической оправе представляла собой зрелище, которому не было равных в контролируемой человечеством части Галактики. Здания и парки уходили за затянутый дымкой

горизонт.

Оторвав взгляд от открывающегося вдали вида, Крейг перевел его на собственно Верфи. Медленно отвернулся от окна. Где-то внизу его девятилетний сын исследовал мир звука. Оставалось лишь надеяться, что йевды не доберутся до мальчика, но это было нелегко и для самого Крейга, и для Веды.

Он достал микрофильм с планом девяностофутового квартала, вставил его в проектор и принялся изучать изображение.

К тому времени, когда небо потемнело, Дидди понял, что звук никогда не кончается. Было приятно понять это — после того, как он ломал над этим голову всю свою жизнь; или, по крайней мере, так ему казалось. Ему говорили, что звук кончается где-то «снаружи»… в общем, неопределенно. Однако сегодня днем он убедился сам, что, как далеко ни зайти, звук остается.

Тот факт, что старшие лгали об этом, не взволновал Дидди. По словам его робота-учителя, Игробота, родители иногда выдумывают всякие несуразности, чтобы проверить изобретательность ребенка и его уверенность в своих силах. Очевидно, это была одна из таких «несуразностей», которую он только что опроверг.

На протяжении всех этих лет звук был в Игроботе, и в гостиной, независимо от того, молчал Дидди или разговаривал, и в столовой он слышал его ритм, пробивающийся сквозь обычные звуки, издаваемые мамой, папой и им самим — в те дни, когда ему позволяли есть вместе с ними. Ночью звук прокрадывался к нему в постель, и даже в самом глубоком сне мальчик чувствовал его пульсацию в своей голове.

Да, звук был ему хорошо знаком, и вполне естественно, что он попытался выяснить, смолкнет ли звук сначала в конце одной улицы, а потом другой. Однако по скольким бы улицам он ни шел, все равно, в западном направлении, восточном, южном или северном, звук следовал за ним.

Час назад Дидди пообедал в маленьком ресторане и решил, что теперь пора выяснить, где начинается звук.

Он остановился, пытаясь сообразить, куда забрел. Важно было понять, в какой части Верфей он находится. Мысленно подсчитывая число улиц между Пятой и Девятнадцатой, Центральной и Прямой, мальчик совершенно случайно поднял взгляд. Там, на расстоянии сотни футов, шел человек, которого он уже видел три квартала и десять минут назад.

Что-то в движениях этого человека пробудило странные, неприятные воспоминания, и в первый раз мальчик заметил, как сильно уже потемнело небо.

Он с небрежным видом пошел по улице, с радостью осознавая, что не боится. Он рассчитывал проскользнуть мимо человека и добраться до Шестой, более людной улицы. И еще, конечно, надеялся, что ошибся, заподозрив в человеке йевда.

И вдруг сердце у него упало. К первому человеку присоединился второй, и они начали пересекать улицу наперерез Дидди. Мальчик сдержал порыв повернуться и броситься наутек. Сдержал потому, что если они и впрямь йевды, то могут двигаться в десять раз быстрее даже взрослого человека. Их человекоподобный облик был иллюзией, которую они создавали, манипулируя световой энергией. Именно это заставило Дидди заподозрить первого из них. Когда тот сворачивал за угол, его ноги двигались как-то *неправильно*. Игробот, наверное, тысячу раз описывал Дидди, в чем может состоять эта неправильность, но сейчас, увидев все собственными глазами, он узнал ее совершенно безошибочно. Говорят, в дневное время йевды тщательнее поддерживают свои иллюзии. Сейчас же, когда йевд фактически

оказался один на темном перекрестке, его человеческий облик сделался неясным, расплывчатым.

— Мальчик!

Дидди пошел медленнее и оглянулся на мужчин с таким видом, словно только что заметил их.

— Мальчик, сейчас поздновато для прогулок.

— Это моя исследовательская ночь, сэр.

Заговоривший с Дидди «человек» сунул руку в нагрудный карман. Тоже странный жест, тоже «неправильный», как будто, создавая иллюзию этого движения, он не потрудился вникнуть во все тонкости. Возможно, таким беспечным его сделала сгущающаяся тьма. Рука выскользнула наружу, в ней был зажат значок.

— Мы полицейская служба Верфей, — сказал он, — и доставим тебя к «Пути».

Он положил значок в карман — или, по крайней мере, так это выглядело — и сделал жест в сторону света в отдалении. Дидди знал, что сопротивляться бесполезно.

Йевды возникли из тьмы дальнего космоса более двухсот лет назад. Как и мрачное пространство, отделяющее их многочисленные миры от центральной части Галактики, они вызывали тревожное чувство в сознании людей.

Вначале они не пытались выглядеть как люди, и не возникло подозрений, что они способны манипулировать светом и другими близкими к нему видами энергии. Потом однажды, совершенно случайно, какой-то «человек» был застрелен, когда забрался в подвал Научно-исследовательского совета. При этом человеческое обличье исчезло и на мраморном полу осталось нечто темное, прямоугольное, вытянутое, с множеством сетчатых, похожих на клапаны рук и ног.

Тогда, более двухсот лет назад, правительство пришло в ужас и начало действовать быстро, хотя и скрытно. Обнаружились многочисленные ответвления заговора. Все улицы всех городов с воздуха патрулировали вертолеты. Зондирующие лучи радаров высвечивали истинные тела йевдов — хотя уже после выяснилось, что радарный метод оказался действенным лишь потому, что йевдов застали врасплох. Они расслабились — ведь никто ни о чем не догадывался — и создавали свои иллюзии только в том световом диапазоне, который был доступен человеческому восприятию. Из-за этого промаха на одной только Земле их погибло более миллиона, и «пятая колонна» здесь была полностью уничтожена.

На все заселенные людьми планеты были по-

сланы предостережения. И там тоже энергичные действия позволили предотвратить несчастье. В общей сложности были убиты тридцать семь миллионов йевдов.

В дальнейшем, то затихая, то вновь усиливаясь, война перешла на уровень сражений между кораблями землян и йевдов. Было заключено несколько соглашений, но остановить войну они не смогли. Самое последнее по времени соглашение включало в себя обмен посланниками, но пять лет назад колонизаторская экспедиция йевдов захватила звездную систему на девяносто световых лет ближе к Земле, чем любое другое солнце в их галактической империи. Когда посланника йевдов попросили объяснить этот захват, он заявил, что «это всего лишь нормальный инцидент в экспансии великого могущества и напрямую не направлен против кого бы то ни было». Ему быстро вернули верительные грамоты, а спустя полгода впервые возник звук.

Йевды представляют собой углеводородно-фторо-кислородную форму жизни, имеют жесткие мышцы и кожу, физически сильнее человека, обладают иммунитетом к обычным ядам и едким веществам. Способность управлять световой энергией дает им добавочное преимущество; и

эта комбинация необычных свойств и возрастающей агрессивности в конце концов вынудила Объединенное правительство перейти в контрнаступление.

Для этих целей началось строительство очень большого корабля.

Вскоре после обеда в комнату Крейга вошли два полицейских офицера. Они были в штатском, но он сразу же понял, кто перед ним.

— Мистер Крейг? — спросил один.

— Да.

— Джордж Крейг?

Он кивнул, чувствуя пустоту в желудке, хотя совсем недавно пообедал.

— Отец Дирила Декстера Крейга, девяти лет?

— Да, — пробормотал Крейг, ухватившись за дверной косяк.

— В соответствии с законом наш долг сообщить вам, что в настоящий момент он захвачен двумя йевдами и что в ближайшее время его жизни угрожает серьезная опасность.

— Н-н-е уверен… что… понимаю…

Офицер описал, как Дидди захватили на улице.

— Уже некоторое время нам известно, что концентрация йевдов в Солнечной системе превышает обычную, — добавил он. — Естественно,

наша оценка, как вам, наверное, известно, производится лишь на основе тех случаев, когда они были опознаны.

Крейгу это не было известно, но он промолчал.

— Как вам, наверное, также известно, — заговорил второй офицер, — мы заинтересованы не столько в пленении этих йевдов, сколько в раскрытии цели их появления. Как и во всех прошлых случаях, они наверняка имеют какой-то изощренный план, и захват вашего сына — только первый шаг в осуществлении этого плана. Вопросы есть?

Крейг заколебался. Веда на кухне загружала тарелки в посудомоечную машину, и было жизненно важно, чтобы полицейские ушли до того, как ей станет известно о цели их посещения. Тем не менее один вопрос задать было совершенно необходимо.

— Вы хотите сказать, что не станете предпринимать попыток немедленно освободить Дидди?

— Мы не станем вмешиваться в ситуацию, пока не получим интересующую нас информацию, — жестко ответил офицер. — Я проинструктирован призвать вас не питать особых надежд. Как вам известно, йевд в состоянии концентрировать энергию взрывной силы. В сложившихся обсто-

ятельствах смерть может наступить в любой момент… Это все, сэр. Звоните нам время от времени для получения дальнейшей информации. По собственной инициативе полиция больше не будет связываться с вами.

— Спасибо, — машинально ответил Крейг.

Закрыв за офицерами дверь, он, двигаясь, словно робот, вернулся в гостиную. Веда окликнула его из кухни:

— Кто это был, дорогой?

Крейг набрал полную грудь воздуха.

— Кто-то разыскивает человека по имени Джордж Крейг, — ответил он недрогнувшим голосом. — Имя правильное, но человек оказался не тот.

— А-а, — только и сказала Веда.

И по-видимому, тут же забыла об этом инциденте, поскольку больше о нем не заговаривала. Крейг лег спать в десять часов. Он лежал, чувствуя тупую боль в спине и тянущее ощущение в животе. В час ночи он все еще не спал.

Он не должен оказывать сопротивления. Он не должен пытаться расстроить их планы. Годами Игробот твердил ему это, категорически заявляя, что ребенок не в состоянии хотя бы оценить, насколько опасен даже один йевд. И уж тем более

если их несколько.

Нужно исходить из того, что люди предпримут какие-то меры. И ждать переданных шепотом инструкций.

Все это Дидди вспоминал, шагая между йевдами и быстро перебирая короткими ногами, поскольку был вынужден приноравливаться к их более скорому шагу. Тот факт, что они все еще не открылись ему, продолжая сохранять человекоподобный облик, внушал надежду.

На улице становилось все светлее. Впереди на фоне черно-синего купола неба вырисовывался силуэт корабля. Все здания, входившие в комплекс «Пути», сейчас светились, отдавая солнечный свет, который впитывали в течение дня. Стоэтажное административное здание мерцало, словно драгоценность, в тени возвышающегося над ним корабля, а все остальные строения испускали свет, интенсивность которого зависела от их размеров.

В сопровождении Дидди парочка направлялась к Перекрестку 2. Сам «Путь» начинался у Перекрестка 1.

Они пересекли улицу и подошли к барьеру. Йевды остановились перед полосой рифленого металла в восемь футов высотой и уставились на

открытые вентиляторы, с характерным звуком засасывающие воздух.

Двести лет назад, при первом столкновении йевдов и людей, вокруг военных объектов и сельскохозяйственных угодий сооружались защитные бетонные стены или ограды с колючей проволокой, через которую пропускали ток. Потом выяснилось, что йевды могут отклонять электрический ток, а их жесткую кожу не в состоянии проколоть никакая колючая проволока. Бетон тоже оказался неэффективен. Под воздействием направленной энергии йевдов стены просто осыпались. И когда для их восстановления прибывали рабочие, среди них обычно оказывался йевд, который, перевоплощаясь, проникал внутрь. Очень часто вооруженные патрули гибли до последнего человека, а их место занимали йевды в обличье людей.

Барьер, основанный на принципе воздушного всасывания, был создан лишь несколько поколений назад. Он тянулся вокруг всех Верфей. Люди, проходя сквозь него, практически ничего не ощущали, в то время как йевд, предпринявший подобную попытку, погибал в течение трех минут.

Это был один из величайших секретов чело-

вечества.

Дидди заметил замешательство своих сопровождающих.

— Спасибо, что привели меня сюда, — сказал он. — Дальше я доберусь сам.

Один из «мужчин» рассмеялся. Это был удивительно достоверный смех — если учесть, что он исходил из звукового ящичка, вживленного в плечевую мускулатуру йевда. Существо сказало:

— Знаешь, малыш, ты выглядишь славным парнишкой. Как насчет того, чтобы позабавиться немного, а?

— Позабавиться?

— Видишь этот барьер?

Дидди кивнул.

— Отлично. Как мы уже говорили, мы из тайной полиции, из этих… как их… антийевдов. У нас с моим другом возникла одна идея, понимаешь?

Дидди снова кивнул, недоумевая, что будет дальше.

— Ну, как-то мы с моим другом разговаривали о нашей работе. И нам пришло в голову, что существует способ, с помощью которого йевды могут проходить сквозь этот барьер. Он казался таким простым, что мы подумали — нужно сначала все проверить, прежде чем докладывать начальству.

Ты понимаешь, что я имею в виду? Если мы ошиблись, ну… то оказались бы в глупом положении. Вот мы и хотим, чтобы ты проверил это для нас.

«Ни один ребенок… не должен пытаться… расстроить шпионские планы… йевдов». Этот приказ, годами вдалбливаемый в Дидди Игроботом, эхом отозвался в его сознании. Не вызывало сомнений, что ему угрожает ужасная опасность, и тем не менее не в его силах ни пытаться оценить ее, ни, тем более, сопротивляться. Годы обучения сделали свое дело. Он слишком мал, чтобы действовать самостоятельно.

— Все, что ты должен сделать, — продолжал йевд-полицейский, — это пересечь барьер между вот этими двумя линиями и вернуться.

Линии, на которые он указал, представляли собой часть системы всасывающих вентиляторов. Без единого слова возражения Дидди прошел на другую сторону. На мгновение мелькнула мысль — а не броситься ли бежать, не укрыться ли в безопасности ближайшего здания, находящегося на расстоянии тридцати футов? Однако он тут же передумал. Йевды могли уничтожить его еще до того, как он отбежал бы на десять футов.

Он послушно вернулся, как ему и было сказано.

На улице появились десятка два людей. Когда они приблизились, Дидди и йевды отошли в сторону, давая им пройти. Мальчик с надеждой следил за ними. Есть ли среди них полицейские? Отчаянно хотелось верить, что люди наблюдают за всем, что с ним происходит.

Рабочие прошли мимо, пересекли барьер и исчезли за ближайшим зданием.

— Вот туда, малыш, — сказал йевд. — Мы должны быть осторожны, чтобы нас не заметили.

Дидди, напротив, страстно желал обратного, однако последовал за ними в темное пространство между двумя зданиями, хоть и с явной неохотой.

— Вытяни руки.

Он так и сделал, напряженный, испуганный.

«Наверное, я сейчас умру», — подумал он.

Однако выучка снова победила, и он не дрогнул, даже когда почувствовал укол в палец.

— Мы просто берем пробу твоей крови, малыш. Видишь ли, судя по всему, всасывающая система содержит препарат, насыщающий воздух бактериями, для которых йевды уязвимы. Плотность бактерий, однако, невелика, и ты не чувствуешь их проникновения. А все эти вентиляторы засасывают так много воздуха для того, чтобы бактерии не ускользали в атмосферу. Скорее всего, одна и

та же культура бактерий используется снова и снова. Понимаешь, что из этого следует?

Дидди не понимал и все же был потрясен до глубины души. Потому что эти рассуждения казались весьма похожими на правду. Очень может быть, что против йевдов использовались именно бактерии. Ходили слухи, что всего несколько человек знают, какова истинная природа защитного барьера, выглядящего столь невинно. Неужели и йевдам в конце концов удалось проникнуть в его тайну?

Дидди видел, что второй йевд делает что-то в густой тени между зданиями. Это сопровождалось кратковременными вспышками света. В сознании мальчика мелькнула догадка: «Он проверяет мою кровь с помощью микроскопа, смотрит, сколько в ней мертвых антийевдовских бактерий».

Тот йевд, который разговаривал с ним, между тем продолжал:

— Получается, что ты, малыш, можешь пересечь этот барьер и бактерии, которые там распыляются, мгновенно умирают в твоей кровеносной системе. Наша идея вот в чем: в каждой данной зоне может распространяться только один вид бактерий. Почему? Потому что, раз

они потом всасываются обратно, проходят через фильтрующие камеры и затем используются вновь, вся эта система слишком усложнится, если использовать бактерии разного типа. Высоковирулентная бактерия почти так же смертоносна для бактерий другого вида, как и для организма, который она атакует. Только бактерии одного вида, но присутствующие в огромном количестве, опасны для йевдов. Другими словами, йевда может убить только один тип бактерий за раз. Очевидно, что если йевда подвергнуть иммунизации против данного типа бактерий… Ну, парень, он сможет пересечь барьер с той же легкостью, что и ты, но исключительно в этом месте. И, ясное дело, сможет делать на Верфях все, что захочет. Понимаешь теперь, как важна наша работа? А-а, смотри-ка, мой друг закончил проверять твою кровь. Постой минутку.

Этот йевд отошел ко второму. Во тьме возникли крошечные вспышки света, и Дидди вспомнил, что друг с другом йевды общаются с помощью световых лучей, испускаемых напрямую сложной системой взаимосвязанных органических призм, линз, зеркал и ячеистых преобразователей.

Какова бы ни была природа этой беседы, она продолжалась меньше минуты. Потом йевд вер-

нулся.

— О'кей, парень, ты свободен. Благодарим за помощь. Мы ее не забудем.

Дидди просто ушам своим не поверил.

— Вы хотите сказать, что больше ничего от меня не хотите?

— Да, это все.

Направляясь к выходу из темного проулка между домами, Дидди все время ожидал, что его вот-вот остановят. Однако, хотя йевды вслед за ним вышли на улицу, они не делали попыток сопровождать его к барьеру. Правда, один из них окликнул его:

— Вот, смотри, по улице идут двое ребят. Присоединяйся к ним, будете искать звук вместе.

Дидди посмотрел в указанном направлении и действительно увидел двух мальчиков. Они промчались мимо с криком:

— Кто последний, тот свинья!

Дидди рысью бросился за ними. Они на мгновение замешкались, чуть-чуть свернули в сторону и потом пересекли барьер точно в том месте, которое он проверял для исследователей-йевдов.

И остановились, дожидаясь его по ту сторону.

— Меня зовут Джекки, — сказал один.

— А я Гил, — представился второй. — Пошли

с нами.

— Меня зовут Дидди.

Ни одному из них, похоже, это имя не показалось необычным.

Пока они шли, их уши улавливали множество звуков, заглушающих звук. Нестройный шум. Жужжание механизмов. Сложный узор лязгов, стуков, ударов. Пульсирующие обертоны, сопровождающие молекулярные сдвиги в больших массах материи. В направлении мальчиков по бесконечному металлическому полу с гудением ехал поезд на резиновых колесах; он остановился, когда его электронные глаза и уши обнаружили их присутствие. Они отошли в сторону, и он пронесся мимо. Множество кранов подтащили к антигравитационному карьеру металлическую пластину весом в сотню тонн. Она легко, грациозно уплыла в небо.

До сих пор Дидди никогда не был в «Пути» ночью, и это стало бы потрясающим приключением, если бы не его угнетенное состояние. Все на самом деле кончилось или нет? Были ли два его новых товарища йевдами? Пока они не сделали ничего такого, что наводило бы на эту мысль. То, что они пересекли барьер именно там, где Дидди проверял его, могло оказаться случайным

совпадением.

Из-за своих сомнений в отношении мальчиков он не решался рассказать им о том, что с ним случилось. Из-за этих негаснущих сомнений ему придется идти с ними и, если они потребуют от него сделать что-то, послушаться их. Таково правило, внушенное за долгие годы обучения. В его сознании возникло зрелище множества мальчиков, пересекающих барьер в знаменательном месте. И, возможно, сейчас они уже в «Пути», могут делать все, что пожелают.

Пространство вокруг «Пути» сотрясалось от плотной концентрации звуков. Но куда бы Дидди ни устремлял взгляд — на дверной проем или на здание, через которое проходил с широко распахнутыми, зачарованными, несмотря на присутствие своих спутников, глазами, — нигде не было звука, который не стихал бы, двигайся он в нужную сторону.

Ни разу они не приближались к чему-то имеющему хотя бы отдаленное сходство с барьером вентиляторного типа. Если и существовала какая-то угроза для бродящих тут йевдов, она не казалась очевидной. Все двери были широко распахнуты. Дидди смутно надеялся, что атмосфера внутри закрытых помещений окажется смерто-

носной для йевдов, но не для него. Однако таких помещений пока не было.

Они подошли к зданию, занимающему половину квадратной мили. Внезапно в душе Дидди вспыхнула надежда. Его товарищи не возражали, когда он прошел через огромную дверь на мощеную дорожку, по другую сторону которой открывалась громадная яма. Стоя на мощеной дорожке, Дидди смотрел вниз на тускло мерцающие сооружения кубической формы. Вершина самого высокого куба находилась по крайней мере на четверть мили ниже мощеной дорожки, а выше все сооружения прикрывали настил за настилом из пластика, такого удивительно прозрачного, что только изредка вспыхивающее мерцание то здесь, то там позволяло разглядеть эти слои, предназначенные для защиты мира наверху от колоссальных ядерных реакторов электростанции.

Дойдя до центральной части мощеной дорожки, Дидди увидел, как с надеждой и ожидал, что в маленькой прозрачной будке кто-то сидит. Женщина. Она читала книгу и подняла взгляд на приближающихся во главе с Дидди мальчиков.

— Ищите звук? — дружелюбно спросила она. — На случай, если вы не знаете… Я сенситив.

Два других мальчика промолчали. Дидди знал, что это такое. Игробот рассказывал ему о сенситивах. Они могут предвидеть изменения в потоке ядерного реактора. Это имеет какое-то отношение, помнилось ему, к тому, что они в состоянии контролировать содержание кальция в своей крови. Сенситивы живут очень долго — примерно до ста восьмидесяти лет, — потому что могут регулировать у себя процесс восстановления кальция.

Это воспоминание послужило всего лишь фоном для охватившего его чувства разочарования. По-видимому, женщина не могла отличать йевдов от людей; во всяком случае, она никак это не показывала.

Лучше продолжать делать вид, что больше всего его интересует звук.

— По-моему, эти динамо-машины внизу испускают вибрацию, — сказал Дидди.

— Да.

— И все же я даже представить себе не могу, что они в состоянии издавать такой громкий звук.

— Вы такие славные мальчики, — ответила женщина. — Давайте я прошепчу вам на ушко подсказку. Ты первый, — она указала на Дидди.

Это казалось странным, но он не колебался и

наклонил голову.

— Не подавай виду, что удивлен, — зашептала она. — Спустись по эскалатору семь и поверни направо. Найди опору, на которой нарисована большая буква «Н». Сунь руку под край металлического покрытия под кораблем и достань оттуда маленький пистолет. Кивни, если понял.

Дидди кивнул. Женщина быстро продолжила:

— Спрячь пистолет в карман, но не прибегай к нему, пока не получишь приказа. Удачи тебе, — она выпрямилась. — Ну, это подскажет тебе идею.

Она указала на Джекки:

— Теперь ты.

Коренастый мальчик покачал головой.

— Я не нуждаюсь в подсказках, — сказал он. — Кроме того, не хочу, чтобы кто-то шептал мне в ухо.

— И я тоже, — отозвался Гил.

Женщина улыбнулась.

— Не нужно быть такими робкими. Впрочем, неважно. Я все равно дам вам подсказку. Знаешь, что означает слово «миазмы»? — спросила она, глядя на Джекки.

— Испарения.

— Это и есть моя подсказка. Миазмы. А теперь

вам лучше отправиться дальше. Солнце поднимется незадолго до шести, а сейчас уже больше двух.

Она взяла свою книгу. Когда несколько минут спустя Дидди оглянулся, женщина показалась ему частью кресла, почти неживой. Но дело не в ней, понимал он. Ситуация очень опасна, как он и предполагал. Сам огромный корабль находится в опасности.

Корабль, к которому он приближался с каждым шагом.

Крейг проснулся, внезапно осознав, что что-то его разбудило и, соответственно, что он все же уснул. Он внутренне застонал и перевернулся. Если бы можно было проспать всю эту ночь!

Тут до него дошло, что жена сидит на краю постели. Он бросил взгляд на светящиеся часы: 2.22.

«Черт возьми! — подумал он. — Нужно уговорить ее снова лечь».

— Не могу спать, — сказала Веда.

В ее голосе сквозили жалобные нотки, и ему стало совсем плохо. Она беспокоится, а ведь ей ничего не известно. Он притворился, что спит.

— Джордж.

Он зашевелился, но это было все.

— Джордж!

Он открыл глаза.

— Дорогая, прошу тебя.

— Хотела бы я знать, сколько мальчиков этой ночью на улице.

Джордж перевернулся.

— Веда, чего ты добиваешься? Чтобы я не спал?

— Ох, прости! Я не имела в виду ничего такого, — в ее тоне не было сожаления, и спустя мгновение она, казалось, и думать забыла, что произнесла эти слова, — Джордж.

Он промолчал.

— Ты не думаешь, что мы могли бы попытаться разузнать?

Вообще-то он собирался молчать и дальше, но сознание тут же начало анализировать возможности того, что она имела в виду. Удивляясь бессмысленности ее слов, он окончательно проснулся.

— Разузнать что?

— Сколько их там?

— Кого «их»?

— Мальчиков… в ночи.

Крейг, который с ума сходил от гораздо более отчаянного страха, вздохнул.

— Веда, мне завтра утром идти на работу…

— Работа! — воскликнула она на грани срыва. — Ты вообще думаешь о чем-нибудь, кроме работы? Испытываешь хоть какие-то чувства?

Крейг молчал; однако таким способом было невозможно добиться, чтобы она снова легла. Она продолжала, еще выше тоном:

— Вы, мужчины, такие бессердечные!

— Если ты имеешь в виду, беспокоюсь ли я… Нет, не беспокоюсь.

Это было сказано твердо — как надо.

Он подумал: «Нужно продолжать в том же духе».

Сел, включил свет.

— Дорогая, если это доставит тебе удовольствие, ты добилась своего. Я проснулся.

— Сейчас самое время, — сказала Веда. — Думаю, мы должны позвонить. И если ты этого не сделаешь, я позвоню сама.

Крейг встал.

— О'кей, но, будь добра, не виси у меня над душой, когда я буду звонить. Не хочу, чтобы создалось впечатление, будто я под башмаком у жены. Оставайся здесь.

Ему стало как-то даже легче, что она вынудила его это сделать. Выйдя из спальни, он плотно закрыл за собой дверь. Оказавшись у видео, Крейг

назвал свое имя. После небольшой паузы появилось изображение важного мужчины в форме адмирала. Он наклонился к видеофону, и его изображение заполнило весь экран.

— Мистер Крейг, — сказал он, — ситуация следующая: ваш сын все еще в компании двух йевдов. Чтобы пересечь барьер, был использован очень оригинальный метод. В данный момент, по нашим подозрениям, где-то на Верфях под видом мальчиков находится около сотни йевдов. За последние полчаса больше никто проникнуть туда не пытался, из чего мы заключаем, что все находящиеся в Солнечном городе йевды, которые в состоянии преодолеть нашу защиту, уже на Верфях. Пока они не концентрируются в каком-то определенном месте, но мы чувствуем, что кризис надвигается.

— А что с моим сыном? — ровным голосом спросил Крейг.

— Они, без сомнения, имеют в отношении его какие-то планы. Мы попытаемся снабдить его оружием, но оно, если честно, мало что ему может дать.

Крейг с ужасом осознал, что ему не говорят ничего могущего вселить надежду.

— Вы позволили сотне этих йевдов проникнуть

в «Путь», не зная, чего они добиваются? — медленно спросил он.

— Для нас важно выяснить их цель, — ответил адмирал. — Что им нужно? Что тут есть такого, ради чего они пошли на столь огромный риск? Это чрезвычайно смелое предприятие с их стороны, и наш долг позволить ситуации развиться до конца. У нас есть определенное мнение насчет того, чего именно они добиваются, но мы должны быть уверены. В последний момент мы приложим все усилия, чтобы спасти жизнь вашему сыну, однако гарантировать ничего не можем.

На мгновение перед мысленным взором Крейга возникла картина того, как именно эти жесткие люди представляют себе подобный вариант развития событий. Для них гибель Дидди станет достойным сожаления инцидентом, и ничем больше. В отчетах будет сказано: «Мы понесли небольшие потери». Они могут даже сделать из него героя дня.

— Боюсь, — продолжал адмирал, — что вынужден просить вас прервать разговор. В данный момент ваш сын находится под кораблем, и мне хотелось бы уделить все свое внимание ему. До свидания.

Крейг прервал связь и встал. На миг замер,

стараясь взять себя в руки, вернулся в спальню и бодро произнес:

— Похоже, все в порядке.

Ответа не последовало. Веда лежала на его постели, положив голову на подушку. Очевидно, прилегла, дожидаясь его возвращения, и провалилась в сон.

Бережно укрыв жену одеялом, он вытянулся на ее постели. Когда наступил рассвет, он так и лежал — без сна, полный тревоги, усталый и несчастный.

— Что эта дама прошептала тебе? — спросил Джекки.

Они спускались на эскалаторе в туннель под «Путем».

Диддди, который напряженно вслушивался с целью уловить звук — здесь посторонних шумов было гораздо меньше, — посмотрел на мальчика.

— О, то же самое, что она сказала и вам.

Джекки, казалось, задумался над его словами. Они достигли дорожки, и Дидди тут же зашагал по ней. Стараясь никак не выказывать своего интереса, он искал взглядом металлическую опору с буквой «Н». И вдруг увидел ее, в сотне футов впереди. У него за спиной Гил спросил:

— С какой стати она стала шептать тебе то же, что сказала нам?

Эта подозрительность заставила Дидди внутренне содрогнуться, но и тут сработало пройденное им многолетнее обучение.

— Ну, взрослым иногда нравится подшучивать над детьми, так мне кажется.

— Подшучивать! — воскликнул Джекки.

— Что нам делать под кораблем? — спросил Гил.

— Я устал, — ответил Дидди.

Он сел на край дорожки рядом с металлической опорой пяти футов толщиной, уходящей высоко вверх, и свесил ноги в туннель. Йевды прошли мимо и остановились по ту сторону опоры. У Дидди мелькнула мысль, окрашенная смесью испуга и возбуждения: «Они хотят по-своему поговорить друг с другом, а может, и с остальными».

Он постарался успокоиться, зашарил под краем дорожки и наконец что-то нащупал. Маленький бластер легко лег в ладонь, и Дидди одним быстрым движением уронил его в карман. Как реакция, накатила слабость, и он остался сидеть, где сидел.

Чем дальше, тем отчетливее он ощущал, как вибрирует под ним металл. Пока он шел, специ-

альная обувь гасила эту дрожь, а потом он так сосредоточился на поисках бластера, что ничего не замечал. Зато сейчас заметил. Пусть несильно, но тело вздрагивало, а в мышцах и внутренних органах возник гул. Дидди мгновенно забыл о йевдах, и на некоторое время ему показалось безмерно странным, что вот он сидит тут, просто на металле, без всякой защиты — и чувствует, что настроен в унисон с самим звуком.

Ему следовало бы догадаться, что под этим кораблем кораблей вибрация будет ужасающая. Город Верфей был построен на металле. И даже все амортизирующие материалы, которыми были устланы улицы и дороги, не могли погасить интенсивной пульсации энергии, сконцентрированной в столь небольшом пространстве. Здесь были атомные реакторы, испускающие такой жар, что их выбросы вызывали детонацию на грани катаклизма. Здесь были механизмы, способные штамповать стальные плиты с гальваническим покрытием весом в сотни тонн.

Верфи существовали вот уже восемь с половиной лет, построенные с единственной целью — для создания этого колоссального корабля. И когда он наконец помчится в космос, Дидди полетит на нем. Все семьи для работы на Верфях

отбирались исходя из двух критериев: чтобы отец или мать обладали навыками, необходимыми для строительства корабля, и чтобы они имели ребенка, который будет расти в непосредственной близости от корабля.

Люди знали пока один способ управлять космическим кораблем, возвышающимся здесь, точно молодая гора: для этого нужно было вырасти рядом с ним. На девяти тысячах четырехстах футах его длины были сосредоточены достижения инженерных гениев не одного столетия, применено столько специальных знаний, столько механических деталей, что являющиеся с визитом сановники оглядывались в замешательстве при виде целых акров машин и приборов на каждом уровне, при виде множества горящих светильников, которые были уже смонтированы на нижних палубах.

Он полетит на нем! Дидди встал, пронизанный дрожью предвкушения, — и как раз в этот момент йевды вышли из-за опоры.

— Пошли! — сказал Джекки. — Хватит без толку тут болтаться.

Дидди спустился с небес на землю.

— Куда?

— До сих пор мы тащились за тобой, — сказал

Гил. — Как насчет того, чтобы теперь пойти туда, куда хотим мы?

На здании пылали неоновые буквы «Научный центр», и около него собралось множество мальчиков. Они бродили поодиночке и группами. Они выглядели так, словно никуда в особенности не направлялись. С трудом верилось, что все они йевды, но Дидди не покидало ужасное ощущение, что это именно так.

«Научный центр». Вот куда они стремились. Здесь, в этом здании, люди выращивали антийевдовские бактерии для барьера. Возможно, совсем немного связанной с этим информации позволит им свести на нет всю защиту. Игробот как-то намекал, что такая возможность существует.

Все двери центра были закрыты — первое здание с закрытыми дверями, попавшееся на глаза Дидди.

— Открой-ка дверь, Дидди, — сказал Джекки.

Дидди послушно взялся за дверную ручку, но остановился, увидев двух идущих по дорожке людей. Один из них окликнул его:

— Привет, парень! Мы опять на тебя наткнулись, а?

Дидди оставил в покое дверь и повернулся к ним. Они были похожи на тех двух, которые в

самом начале привели его к барьеру и устроили проверку с бактериями. Но это сходство, конечно, было чисто внешним. Из всех йевдов, бывших в Солнечном городе, по эту сторону барьера могли оказаться лишь иммунизированные против конкретно тех бактерий, которые Дидди выявил для них в этой части барьера.

Это было бы уж слишком большим совпадением, если бы оба йевдовских агента принадлежали к этой группе. Следовательно, это были не те же самые йевды.

Хотя какое это имело значение?

«Полицейский» сказал:

— Рады снова встретиться с тобой. Мы хотим провести еще один эксперимент. Смотри, сейчас ты войдешь внутрь. Центр наверняка защищен от вторжения каким-нибудь необычным способом. Если наша идея касательно этого места подтвердится, то йевдам еще труднее станет проникать на Верфи. Дело того стоит, верно?

Дидди кивнул. Его начало подташнивать, и он не был уверен, что сможет произнести хоть слово, несмотря на все свое обучение.

— Зайди внутрь, — продолжал йевд, — побудь там некоторое время, вдохни поглубже, задержи дыхание и выходи. Это все.

Дидди открыл дверь и вошел в здание. Дверь автоматически закрылась за ним.

Он оказался в просторном помещении.

«Я могу сбежать, — подумал он. — Они не осмелятся войти сюда».

Однако отсутствие людей внутри охладило его энтузиазм. Странно, что здесь не было ни одного человека. Большинство учреждений Верфей работали круглосуточно.

За его спиной открылась дверь. Дидди обернулся и увидел стоящих чуть в отдалении Джекки и Гила, а за ними других мальчиков. Кто бы ни открыл дверь, он не собирался подвергать себя риску вдохнуть дозу чего-нибудь опасного или как-то иначе поставить свою жизнь под удар.

— Можешь выходить, — сказал мужской голос из-за двери. — Но сначала сделай глубокий вдох и задержи воздух.

Дидди послушался. Дверь автоматически закрылась, когда он вышел. И за нею его ждали двое «полицейских». Один протянул ему маленькую бутылочку с резиновой трубкой.

— Выдохни сюда, — сказал он.

Когда это было сделано, йевд отдал бутылочку своему товарищу, который тут же скрылся, свернув за угол.

— Не заметил ничего необычного? — спросил «полицейский».

Дидди заколебался. Только теперь до него дошло, что воздух в здании был как бы плотнее, чуть-чуть более труден для дыхания, чем обычный. Он медленно покачал головой.

— Нет.

Такой ответ йевда, по-видимому, устроил.

— Ну, этого, скорее всего, и не заметишь… Нам нужно снова взять на анализ твою кровь, — быстро добавил он. — Протяни палец.

Съежившись при виде иглы, Дидди тем не менее позволил взять у себя кровь. Вперед вышел Гил.

— Я могу помочь? — с энтузиазмом спросил он.

— Конечно, — ответил «мужчина». — Отнеси это моему другу.

Гил бросился бежать, как могут бегать одни мальчишки, — во всю прыть. Прошла минута, другая; и потом…

— А, — сказал «мужчина», — вот и они.

Дидди с кривой улыбкой смотрел на возвращающуюся пару. Стоящий рядом йевд быстро устремился им навстречу. Если «мужчины» о чем-то и разговаривали, Дидди не мог их услышать.

Какова бы ни была природа их «разговора», он

завершился.

К Дидди вернулся тот «человек», который оставался с ним.

— Ну, парень, — сказал он, — ты для нас просто клад. Похоже, нам и впрямь удастся внести существенный вклад в войну с йевдами. Тебе известно, что к воздуху в этом здании подмешан искусственный газ, соединение фтора? Очень интересный и совершенно безопасный сам по себе. И даже если йевд с его фторовым метаболизмом войдет туда, он будет в полной безопасности — пока не попытается использовать энергию своего тела для взрыва или связи с другим йевдом. Эта энергия подействует как агент, соединяющий фтор в воздухе и фтор в теле йевда, — а тебе, надо полагать, известно, что происходит с фтором при определенных условиях даже при комнатной температуре.

Дидди и впрямь было это известно. Химические реакции фтора и его соединений с самых первых дней входили в курс обучения.

— Фтор воспламеняется, — с явным удовлетворением продолжал «человек». — И только сам йевд может спровоцировать этот взрыв. Очень хитроумно. А теперь, ребята, я хочу, чтобы вы все вошли внутрь и хорошенько там огляделись.

Но не ты, — последние слова относились к Дидди: — Мне нужно немного поговорить с тобой. Иди сюда.

Он и Дидди отошли в сторону, а «мальчики» ринулись внутрь здания. Дидди хорошо представлял себе, как они рыщут там внутри, вынюхивая все секреты. Он устало подумал: «Хоть бы кто-нибудь сделал что-нибудь, и побыстрее».

— Между нами, парень, ты сегодня проделал для нас очень важную работу, — сказал йевд. — Просто чтобы ты знал: мы должны всю ночь не спускать глаз с Научного центра. Те, кто здесь служат, в полночь обычно уходят домой. Когда здание опустеет, сюда приходят двое рабочих, устанавливают кое-какое оборудование и тоже уходят. Они вешают радио над дверью и громкоговорители внутри и снаружи. Вот и все. В данный момент, если не считать вас, мальчишек, тут никого нет. Теперь, надо полагать, ты понимаешь, как сильно люди зависят от бактериального барьера, не позволяющего йевдам проникнуть сюда.

Он помолчал и потом заговорил снова:

— Конечно, йевды могут заранее разузнать всю эту информацию. И если они в конце концов сумеют преодолеть барьер, то могут установить

защиту вокруг этого здания, такую непробиваемую, что преодолеть ее окажется не в состоянии даже самое мощное воинское подразделение. Конечно, йевдов можно расстрелять с расстояния, но вряд ли люди начнут с этого. Сначала они испробуют другие методы. Ты понимаешь, что из этого следует. Йевды получат возможность вызнать некоторые секреты центра, а потом выйти из него и сообщить эту информацию остальным йевдам, находящимся в безопасной зоне. Ну, и сбежать, если смогут. Это рискованный план, но йевды и прежде делали такие вещи. Видишь? Это совсем нетрудно. Но теперь, благодаря нам, у них ничего не получится.

— Дидди, — послышался шепот над ним и чуть в стороне, — не подавай виду, что слышишь нас.

Мальчик окаменел, но тут же снова расслабился. Уже давно было установлено, что электронные устройства, позволяющие йевдам говорить и слышать, вживляются в заглушающие звук плечевые мускулы и потому не способны распознавать шепот.

— Ты должен войти внутрь, — продолжал шептать голос. — Оказавшись там, держись около двери. Это все. Дальнейшие инструкции получишь позже.

Дидди заметил, что источник шепота располагается где-то над дверью. Он подумал, дрожа: «Радио, установленное рабочими, о которых говорил йевд… Вот откуда этот шепот».

Но как пробраться внутрь, если йевд явно нарочно задерживает его?

Йевд говорил что-то о вознаграждении, но Дидди почти не слушал его, рассеянно глядя мимо. Он видел бесконечный ряд зданий: некоторые были ярко освещены, другие в полумраке. Сверкающий корабль отбрасывал длинную тень туда, где стоял мальчик. Ночное небо над головой казалось черным как никогда.

Хотя до рассвета осталось всего несколько часов, никаких признаков его приближения не наблюдалось.

Дидди сказал в отчаянии:

— Черт, я лучше пойду внутрь. Солнце скоро взойдет, а мне еще много чего надо посмотреть.

— Я не стал бы тратить много времени в этом здании, — ответил йевд. — Загляни внутрь, если хочешь, а потом расскажешь, что там поделывают другие ребята.

Дрожа, Дидди открыл дверь. И вошел. Дверь автоматически закрылась за ним.

— Дидди, — раздался шепот, — если йевд не

носит оружие в открытую, значит, он может напасть только с помощью энергии своих ячеек. Йевды по своей природе не носят одежды, они всего лишь создают образы человеческой фигуры и одежды. Ну-ка, подумай хорошенько. Ты заметил у кого-либо из мальчиков оружие? Отвечай шепотом.

— Не помню, чтобы видел что-то похожее, — прошептал Дидди.

— Будем надеяться, что память не подвела тебя, — послышался ответ. — Если это так, значит, любое оружие, которое у них вдруг окажется, будет воображаемым. Теперь скажи, сколько мальчиков ты сейчас видишь?

Их было двое, оба склонились над столом на другом конце комнаты.

— Двух, — повторил за Дидди шепот. — Достань пистолет и застрели их.

Дидди сунул руку в карман, сглотнул ком в горле — и вытащил пистолет. Рука немного дрожала, но он пять лет тренировался, готовясь к моменту вроде этого, и внезапно почувствовал огромное спокойствие внутри. Тут цель была видна как на ладони.

Он выстрелил струей голубого пламени. Йевды начали поворачиваться — и тут же рухнули.

— Получилось? — послышался шепот.

— Да, — ответил он дрожащим голосом.

Два лежащих на полу мальчика с пухлыми, похожими на яблоки щеками начали изменяться. После смерти фантомные образы не могли удерживаться. И хотя Дидди показывали изображения того, что оставалось взамен, это было совсем другое — собственными глазами видеть, как проступает темная плоть и эти странные ноги…

— Послушай, — шепот вывел его из состояния шока, — все двери заперты. Никто не может ни войти, ни выйти. Иди по всему зданию и стреляй во всех, кого увидишь. Во всех! Не поддавайся на призывы, что они всего лишь дети, и на их фальшивый внешний облик. Мы следим за каждым настоящим мальчиком, и в этом здании сейчас только йевды. Сжигай их без жалости… И, Дидди, мне очень жаль, что тебе приходится пройти через все это. Но только ты можешь это сделать, раз уж оказался среди них. Единственная причина, по которой ты все еще жив, состоит, скорее всего, в том, что они рассчитывают каким-то образом использовать тебя внутри здания, на случай если что-то пойдет не так. Ты единственный, в отношении кого у них нет серьезных подозрений. Любой

другой способ покончить с ними стоил бы нам сотни жизней. А теперь вперед! Займись теми, что внутри. Мы разберемся с теми, что снаружи. И не забывай, чему тебя учили. Прежде чем войти в помещение, загляни в него. Помни также, что они не могут ответить тебе выстрелом. Любая подобная попытка приведет к тому, что их тела тут же сгорят. Удачи, Дидди. Теперь все зависит только от тебя.

Ловушка была настолько хороша, что никакая реальная опасность мальчику не угрожала.

Было еще темно, когда вертолет подобрал Дидди на Перекрестке 2 и полетел в сторону холмов, откуда «исследователям» вроде него предстояло увидеть восход солнца. Поднявшись по лестнице на вершину холма, он увидел там несколько других мальчиков, сидящих или стоящих.

Никаких доказательств того, что перед ним настоящие люди, у него не было, и все же он не сомневался, что это так. С какой стати йевд стал бы принимать участие в такого рода ритуале?

Дидди уселся под кустом, рядом с одним из мальчиков. Тот молчал, и Дидди спросил:

— Как тебя зовут?

— Март, — негромко ответил мальчик.

— Нашел звук?

— Да.

— И я тоже, — Дидди подумал о том, что произошло. Только на мгновение мелькнула мысль, каким замечательным было его обучение, позволившее девятилетнему мальчику сделать то, что он сделал; но он почти сразу же забыл об этом. — Забавное ощущение, правда?

— Да уж.

Повисло молчание. С того места, где сидел Дидди, он мог видеть пульсирующее мерцание атомных печей и белые вспышки в небе — отражение этих огней. Вдали ослепительно сияла аура света, окружающая корабль. Небо посветлело, и тени вокруг все больше наливались чернотой. Бросив взгляд в сторону, Дидди увидел, что скрючившийся под кустом Март был еще младше его.

Наступил рассвет, и стал виден весь корабль. В солнечных лучах один за другим вспыхивали его верхние шпангоуты, хотя с того места, где сидел Дидди, самого солнца еще видно не было. Постепенно осветилась и нижняя, практически законченная часть корабля. На фоне неба проступил весь огромный силуэт.

Он выглядел невероятно и был так велик, что рядом с ним все казалось маленьким. С такого расстояния стоэтажное административное зда-

ние выглядело как часть окружающих корабль подмостков — белый столб на фоне гигантского темного сооружения.

Прошло много времени, прежде чем показалось солнце. Дидди наблюдал его восход стоя, переполненный возбуждением и гордостью. В сиянии нового дня корабль выглядел так, будто вот-вот взлетит.

«Пока нет, — взволнованно думал Дидди, — пока нет. Но этот день придет. Самый большой корабль, когда-либо сконструированный и построенный людьми, поднимет нос к открытому космосу и устремится во тьму. И вот тогда йевды отступят, поскольку у них-то ничего подобного нет. Ничего даже близкого к этому».

Наконец, ощутив знакомую пустоту в желудке, Дидди сбежал с холма. Он позавтракал в маленьком ресторанчике под названием «Минутка». А потом, чувствуя себя совершенно счастливым, поймал вертолет и полетел домой.

Сидя в спальне, Крейг услышал, как открылась дверь квартиры. И едва не опоздал. Жена уже успела схватиться за ручку двери, когда он сжал ее пальцы. И покачал головой.

— Он устал, — мягко сказал Крейг. — Пусть отдохнет.

Жена неохотно позволила отвести себя к постели.

Дидди на цыпочках пересек гостиную и разделся. Лежа под простынями, он ощущал слабое дрожание воздуха, чувствовал, как вздрагивает постель, слышал содрогание окон из оргстекла. Под ним, в своей ни на миг не прекращающейся вибрации, слабо поскрипывал пол.

Дидди лежал, улыбаясь, бесконечно счастливый и бесконечно усталый. Больше у него никогда не возникнет вопросов о происхождении звука. Это были миазмы Верфей, легкая дымка вибрации множества зданий, металла и механизмов. Звук будет с ним всю его жизнь, ведь когда корабль построят, тот же самый всепроницающий звук будет исходить от каждой металлической пластины.

Дидди спал, глубоко внутри ощущая пульсацию звука, ставшую частью его жизни.

Той частью, без которой само его существование было теперь невозможно.

Поиски

Дрейк чувствовал под собой жесткую больничную койку, и поначалу ему казалось, что именно это его и мучает. Однако, улегшись поудобнее, он понял, что причина не в физических ощущениях. Это «что-то» было в его разуме — ощущение пустоты в голове с тех пор, как ему сообщили дату.

После долгого — как ему казалось — времени дверь открылась, и на пороге появились двое мужчин и медсестра. Один из пришедших сказал:

— Ну, и как вы себя чувствуете, Дрейк? Это кошмар — найти вас в таком состоянии!

Мужчина был полный — типичный «порядочный человек». Дрейк обменялся с ним крепким рукопожатием. Некоторое время он лежал неподвижно, после чего позволил себе неловкий, но необходимый вопрос.

— Простите, — холодно сказал он, — мы знакомы?

— Меня зовут Брайсон, — ответил мужчина. — Я руковожу сбытом в «Квик-Рит компани». Мы производим вечные перья, карандаши, черни-

ла, писчую бумагу и другие подобные товары, которыми торгуют даже в продовольственных магазинах. Две недели назад я принял вас в качестве коммивояжера и отправил в дорогу. Потом я узнал, что вас нашли без сознания во рву, а больница сообщила, что вы находитесь здесь. У вас были при себе бумаги, — закончил он, — из которых следовало, что вы работаете у нас.

Дрейк кивнул, чувствуя, однако, разочарование. Ему казалось, что вполне достаточно, если кто-то заполнит пробел в его памяти. Но этого было слишком мало. Наконец он произнес:

— Я помню только, что решил попытаться получить работу в вашей фирме. Военная комиссия забраковала меня по какой-то непонятной причине. Вероятно, тогда что-то и произошло с моей памятью…

Он замолчал. Глаза его широко раскрылись при одной мысли об этом.

— Видимо, у меня была временная потеря памяти, — медленно сказал он, испытывая неприятное чувство.

Заметив, что дежурный врач, вошедший вместе с Брайсоном, внимательно разглядывает его, Дрейк ухитрился бледно улыбнуться.

— Наверное, уже все в порядке, доктор. Мне

только интересно, что я делал последние две недели. Я валяюсь здесь и напрягаю мозг. Что-то там лежит на дне, но я никак не могу вспомнить.

Врач улыбнулся из-под своих очков.

— Меня радует, что вы так отважно переносите это. Волноваться не стоит. Могу вас заверить, что, по нашему опыту, жертвы амнезии обычно вели перед случившимся размеренный, разумный образ жизни. Одной из характерных черт является то, что они меняют работу. Вы не сделали даже этого.

Он умолк, а словоохотливый Брайсон радушно сказал:

— Могу напомнить вам первую неделю. Принимая вас на работу, я узнал, что в детстве вы жили в одной деревне у железнодорожной линии Уорвик — Кисслинг. Разумеется, я и назначил вам эту трассу. Мы получили от вас заказы из пяти городов по этой дороге, но Кисслинга вы не достигли. Вдруг это вам поможет... — Брайсон пожал плечами. — Ну хорошо, это неважно. Как только встанете на ноги, загляните ко мне. Вы порядочный человек, а такие сегодня встречаются редко.

— Если можно, я бы хотел работать на той же трассе, — сказал Дрейк.

Брайсон кивнул:

— Какие могут быть разговоры. Осталось только закончить недоделанное, а потом двинуться дальше вдоль главной магистрали. Разумеется, это ваша трасса. Видимо, вы хотите узнать, что случилось?

— В том-то и дело, — согласился Дрейк, — Я хочу вернуть потерянную память, — он заставил себя улыбнуться. — А сейчас… сейчас спасибо, что вы пришли.

— Не за что. До свидания.

Брайсон пожал ему руку, и Дрейк проводил его взглядом до дверей.

Два дня спустя Дрейк сошел с трансконтинентального экспресса на станции Уорвик и остановился, щурясь под лучами раннего утреннего солнца. Он уже испытал первое разочарование: до сих пор ему казалось, что вид города на фоне линии холмов пробудит в нем воспоминания.

Он вспомнил лишь свое детство, когда вместе с родителями проезжал через Уорвик во время многочисленных путешествий. Сейчас здесь стояли новые дома, а также новый вокзал, которого не было двадцать лет назад. В его памяти не оживали даже самые туманные воспоминания того, что происходило с ним шестнадцать лет назад.

Дрейк покачал головой.

«Но ведь кто-то меня здесь знает, — подумал он. — Кто-то должен был меня видеть. Я разговаривал с хозяевами магазинов, пассажирами поездов, железнодорожниками, служащими отелей. Я всегда был компанейским, значит…»

— Привет, Дрейк! — услышал он веселый голос за спиной. — Как дела, старина? У тебя вид, как на похоронах.

Дрейк повернулся и увидел молодого, довольно худощавого мужчину с темными волосами и смуглой кожей, лет этак тридцати. У него была сгорбленная фигура щуплого человека, сгибающегося под тяжестью обильного багажа. Видимо, что-то в лице Дрейка поразило его, потому что он торопливо добавил:

— Ты же меня помнишь, верно? Билл Келли! — Он рассмеялся. — Ну скажи, разве я был с тобой не в ладах? Что ты сделал с той девушкой — Селани? С тех пор как мы виделись последний раз, я еще дважды был в Пифферс-Роуд и не встречал ее там. Она…

Он замолчал, и взгляд его вдруг стал вопросительным:

— Эй, парень, ты меня не помнишь?

Для Дрейка был удивительным и уж по крайней

мере достойным внимания факт, что прозвучало название Пифферс-Роуд. Возможно ли, что ему пришло в голову навестить дом на ферме, где он родился? Когда возбуждение несколько улеглось, он заметил выражение лица Келли, свидетельствующее, что пора объясниться. Поэтому он быстро рассказал все, а закончил словами:

— Так что, как видишь, у меня нелады с памятью. Может, ты, если не против, расскажешь, что происходило, пока я был с тобой? Что за девушка эта Селани?

— Ну конечно же, — ответил Келли. — Конечно, я могу… — Он вдруг замолчал, хмуря брови. — А ты, случайно, меня не дуришь? Ну ладно, ладно, верю. У нас полчаса до прихода пригородного до Кисслинга. Амнезия, говоришь? Слышал я о таком, но… Э, не думаешь ли ты, что тот старик мог иметь что-то общее с… — Он стукнул правым кулаком в левую ладонь. — Держу пари, так оно и есть.

— Какой старик?! — воскликнул Дрейк, после чего взял себя в руки и добавил уже спокойнее: — Что это за история?

Поезд притормозил. Сквозь потеки на оконном стекле Дрейк видел волнистую долину с группами зеленых деревьев и сверкающую, из-

вивающуюся ленту воды. Потом показалась пара домов, несколько боковых путей и наконец начало деревянного перрона.

Высокая худая красивая девушка прошла мимо его окна, неся в руке корзинку. За его спиной заговорил севший на последней станции комми-вояжер, с которым Дрейк беседовал.

— О, это Селани. Интересно, что она продает сегодня.

Дрейк откинулся на своем сиденье, убежденный, что уже увидел все стоящее внимания в Пифферс-Роуд. Странно, что он не испытывал никакого интереса. А ведь он здесь родился, в этой местности, в трех милях от шоссе.

— Селани! — Дрейк только сейчас среагировал на то, что услышал. — Странное имя. Ты сказал, она что-то продает?

— Продает! — импульсивно воскликнул Келли, потом глубоко и громко вздохнул.

Его голубые глаза сурово смотрели на Дрейка. Он хотел что-то сказать, но удержался и сел, загадочно улыбаясь. После паузы он заговорил:

— Я должен перед тобой извиниться. За время нашего разговора я так и не дал тебе слова.

Дрейк улыбнулся с вежливым пониманием.

— О, это было очень интересно.

— Я хотел сказать, — продолжал Келли, — что только сейчас до меня дошли твои слова, — что среди прочего ты продаешь вечные перья.

Дрейк пожал плечами, гадая, видно ли его смущение. Келли вынул вечное перо и протянул его со словами:

— Видишь ли ты в нем что-нибудь необычное?

Перо было длинное, тонкое, сделанное из темного материала, выглядевшего достаточно дорогим. Дрейк медленно отвернул колпачок; у него вдруг возникло подозрение, что сейчас начнется еще один бессмысленный спор о достоинствах перьев, которые он продает. Поэтому он быстро сказал:

— Честно говоря, оно гораздо более высокого класса, чем мои. Перья нашей фирмы стоят доллар за штуку.

Сказав это, он понял, что был слишком откровенен. Келли торжествующе подхватил:

— Столько же она попросила и с меня.

— Кто?

— Селани! Та девушка, что села в поезд. Через пару минут она будет продавать здесь что-нибудь новое. У нее всегда есть что-то новое. — Он выхватил перо из рук Дрейка. — Я покажу тебе, что в нем необыкновенного.

Он взял бумажный стаканчик, стоявший на окне.

— Смотри.

Держа перо над стаканчиком, он нажал на его конец. Потекли чернила. Три минуты спустя стаканчик был полон до краев. Келли открыл окно и осторожно вылил голубую жидкость на землю между вагоном и перроном.

Дрейк стряхнул с себя оцепенение.

— Боже мой! — воскликнул он, — Что же за резервуар в этом пере? Ведь…

— Подожди!

Голос Келли был спокоен, но демонстрация явно доставила ему удовольствие. Дрейк с трудом взял себя в руки. У него потемнело перед глазами, поскольку Келли продолжал нажимать на кончик пера и чернила продолжали течь.

— Ты обратил внимание на чернила? — спросил Келли.

Дрейк уже хотел сказать, что единственной их особенностью является количество, как вдруг хрипло выдавил:

— *Красные* чернила!

— А может, — спокойно предложил Келли, — ты предпочитаешь пурпурные или желтые? Зеленые или фиолетовые?

Из пера текла тонкая струйка чернил каждого цвета, который он называл. Каждый раз он поворачивал кончик пера, слегка нажимая на него.

— На, попробуй сам, — ликующе закончил он, исчерпав весь драматизм ситуации.

Дрейк взял у него необычный предмет, как любитель берет драгоценность. Словно издалека до него доносилась непрерывная болтовня Келли.

— Их делает ее отец, — говорил он. — Это мастер разных штучек. Если бы ты видел некоторые вещи из тех, что она продавала в прошлом месяце! Когда-нибудь он наконец поумнеет и начнет производство в большом масштабе. И тогда все фирмы, выпускающие вечные перья, — и многие другие тоже — окажутся на мели.

То же самое пришло в голову и Дрейку. Однако прежде чем он успел что-то сказать, перо вынули у него из рук и Келли наклонился через проход между сиденьями к сидящему напротив седовласому мужчине.

— Я заметил, как вы смотрели, когда я показывал это перо знакомому, — сказал Келли. — Хотите тоже взглянуть?

— Охотно, — ответил мужчина.

Он говорил тихо, но в ушах Дрейка его голос звучал громко. Едва перо оказалось в руках этого

человека, как тут же сломалось пополам.

— О! — воскликнул Келли, ничего не понимая.

— Прошу прощения, — сказал мужчина. В его руке появилась долларовая банкнота. — Моя вина. Купите другое, когда появится эта девушка.

Он уселся поудобнее и углубился в чтение газеты.

Дрейк видел, как Келли кусает губы. Он смотрел то на свое сломанное перо, то на банкноту, то на седовласого мужчину, скрытого газетой. Наконец вздохнул:

— Ничего не понимаю. Оно у меня уже месяц, один раз падало на бетонный тротуар и два раза на пол из твердого дерева. А теперь сломалось, как трухлявая ветка.

Келли пожал плечами, но в голосе его звучала укоризна, когда через минуту он продолжил:

— Полагаю, нельзя надеяться, чтобы отец Селани делал первоклассные вещи при своих ограниченных возможностях... — Он вдруг замолчал. — Смотри, она уже здесь. Интересно, что у нее сегодня необычного? — На лице его появилась хитрая улыбка. — Подожди, я покажу ей сломанное перо. Я смеялся, когда покупал его, говоря, что тут должен быть какой-то фокус. Она разозлилась и гарантировала, что оно никогда не

испортится и не иссякнет. Черт возьми, что она там продает? Смотри, какая вокруг нее давка.

Дрейк поднялся на цыпочки и вытянул шею, чтобы лучше видеть поверх голов людей, толпившихся вокруг девушки, показывающей что-то в самом конце вагона.

— О боже! — воскликнул трубный мужской голос. — Сколько ты берешь за эти стаканы? Как они действуют?

— Стаканы! — воскликнул Дрейк и направился к возбужденным людям.

Если зрение его не подводило, девушка пускала по кругу стакан, то и дело наполняющийся какой-то жидкостью. Люди пили из него, а он мгновенно заполнялся снова.

«Тот же принцип, что и в пере, — подумал Дрейк. — Ее отец открыл какой-то способ конденсирования жидкостей. Это настоящий гений. Если бы удалось договориться с этим человеком для моей фирмы или хотя бы для меня самого, мое будущее было бы обеспечено».

Эти размышления прервал ясный чистый голос девушки, поднявшийся над оживленными разговорами:

— Цена — один доллар за штуку. Действие основано на химической конденсации газов из

воздуха. Метод этот известен только моему отцу. Кстати, взгляните, я еще не закончила, — ее голос, спокойный и сильный, звучал в тишине, воцарившейся в вагоне. — Как видите, это складной стаканчик без ручки. Повернем верхнюю часть по часовой стрелке — появляется вода. А сейчас — смотрите внимательно — я поворачиваю ее дальше. Жидкость становится зеленой — это сладкий и очень ароматный напиток. Поворачиваю дальше — и жидкость становится красной, превращаясь в кисло-сладкий напиток, отлично утоляющий жажду в жаркие дни.

Девушка пустила стакан по кругу. Пока тот ходил из рук в руки, Дрейку удалось отвлечься от него и внимательно разглядеть девушку. Она была высокой, около метра семидесяти, с темно-каштановыми волосами. Лицо ее выражало незаурядную интеллигентность, и была в нем какая-то особая гордость, что придавала ему выражение сдержанности, когда она принимала банкноты от покупателей.

Снова раздался ее голос:

— Мне очень жаль, но только по одному на человека. Они будут в свободной продаже сразу после войны. Это всего лишь подарки.

Толпа разошлась, каждый вернулся на свое

место. Девушка прошла между сиденьями и остановилась возле Дрейка. Тот инстинктивно отпрянул, но, опомнившись, напористо спросил:

— Минуточку! Мой знакомый показывал мне вечное перо, которое купил у вас. Интересно…

— У меня есть еще пара штук, — серьезно кивнула она головой. — Стаканчик вам тоже нужен?

Дрейк вспомнил о Келли.

— Мой знакомый тоже хотел бы купить еще одно перо. То сломалось…

— Очень жаль, но я не могу продать ему второго, — она замолчала, глаза ее расширились. Потом она с нажимом спросила: — Вы сказали, что перо *сломалось!* — Она покачнулась, удивленная, потом резко выкрикнула: — Покажите мне его! Где ваш знакомый?

Взяв из рук Келли обе половины сломанного пера, она внимательно пригляделась к ним. Губы ее задрожали, руки тоже, лицо посерело и как-то съежилось.

— Скажите, — прошептала она, — как это произошло? Только *точно.*

— Ну… — Келли удивленно отодвинулся. — Я показал его тому господину, когда…

Он замолчал, потому что вдруг потерял слушательницу. Девушка повернулась, и это было

как сигнал. Пожилой мужчина опустил газету и взглянул на нее. Она ответила ему взглядом, словно птица, загипнотизированная змеей, потом покачнулась еще раз, вторично за эти несколько минут. Корзинка едва не выпала у нее из рук, когда она бросилась бежать между лавками.

Через секунду Дрейк увидел, как она мчится по перрону. Фигура бегущей через Пифферс-Роуд девушки удалялась с каждой секундой.

— Что за черт! — воскликнул Келли и повернулся к пожилому мужчине. — Что вы ей сделали? — спросил он напористо. — Вы…

Голос его замер. Дрейк, хотевший добавить несколько неприятных слов, тоже молчал.

Голос коммивояжера, стоявшего под ярким солнцем на перроне Уорвика, стих. Прошла минута, прежде чем Дрейк заметил, что Келли завершил рассказ.

— Значит, этим все и кончилось? — спросил он. — Мы так и сидели, как пара манекенов, сбитые с панталыку каким-то стариком? И это все? Ты не знаешь, что испугало ту девушку?

По лицу Келли было видно, что он ищет подходящее слово или выражение, пытаясь описать то, что описать невозможно. Наконец он оказал:

— Понимаешь, в нем было что-то такое… как ес-

ли бы все начальники отделов сбыта всего мира сошлись в одном человеке… Мы просто-напросто заткнулись.

Это сравнение убедило Дрейка. Он мрачно кивнул.

— И он не вышел? — медленно спросил он.

— Нет, вышел ты.

— Что-о-о?

Келли взглянул на него.

— Знаешь, это чертовски забавно, но именно так все и было. Ты попросил проводника, чтобы он выгрузил твой багаж в Инчни. Когда поезд уже тронулся, я видел, как ты шел через Пифферс-Роуд в том направлении, куда убежала девушка и… О, вот и пригородный до Кисслинга.

Комбинированный товарно-пассажирский поезд подошел к перрону. Позднее, когда он преодолевал гребень холмов, окружающих долину, Дрейк с интересом разглядывал окрестности, смутно вспоминая детство и почти не слушая болтовню сидевшего рядом Келли. Наконец он решил, что сделает: выйдет в Инчни, походит по городу до закрытия магазинов, а потом как-нибудь доберется до Пифферс-Роуд и проведет там весь долгий летний вечер, расспрашивая встречных. Насколько он помнил, расстояние между

городом и поселком составляло около десяти километров. В крайнем случае он вернется в Инчни пешком за пару часов.

Первая часть плана оказалась очень простой. В местной гостинице ему сказали, что в шесть оттуда уходит автобус.

В двадцать минут седьмого Дрейк вышел из него и, стоя на грунтовой дороге, называвшейся, как и станция, Пифферс-Роуд, смотрел, как автобус исчезает вдали. Наконец его рокот стих, и Дрейк двинулся, тяжело переступая через рельсы. Вечер был теплым и тихим, и пиджак давил ему на плечи. Позднее может похолодать, подумал Дрейк, но сейчас он почти жалел, что надел его.

На газоне перед ближайшим домом работала на четвереньках какая-то женщина. Дрейк заколебался, но потом подошел к ограде и некоторое время смотрел на нее, вспоминая, не встречал ли ее раньше. Потом заговорил:

— Простите, миссис…

Женщина не подняла глаз и не встала с грядки, которую рыхлила. Это была костлявая особа в узорчатом платье. Наверняка она видела, как он подходил, раз теперь так упорно молчала.

— Не могли бы вы сказать, — не сдавался Дрейк, — где живет мужчина средних лет с доче-

рью? Девушку зовут Селани, она продает вечные перья, стаканы и тому подобное людям в поезде.

Женщина встала и подошла к нему. Вблизи она уже не казалась такой большой и неуклюжей. Ее серые глаза оглядели его с равной долей враждебности и любопытства.

— А скажите-ка, — резко произнесла она, — не вы ли заходили сюда две недели назад и спрашивали о них? Я уже говорила, что они живут там, в той роще. — Она махнула рукой в сторону нескольких деревьев, росших в полукилометре от шоссе, но глаза ее, когда она смотрела на Дрейка, были прищурены. — Я этого не понимаю.

Дрейк не решился рассказать о своей амнезии этому неприступному, подозрительному существу; не собирался он говорить и о том, что когда-то жил в этих местах. Он торопливо поблагодарил:

— Спасибо большое. Я…

— Нет смысла ходить туда еще раз, — сказала женщина. — Они уехали в тот же день, как вы у них были… Уехали с тем своим большим прицепом и больше не возвращались.

— Уехали? — воскликнул Дрейк.

Под влиянием глубокого разочарования он уже хотел сказать что-то большее, как вдруг заметил,

что женщина поглядывает на него со слабой удовлетворенной улыбкой. Это выглядело так, славно она нокаутировала какого-то исключительно несимпатичного типа.

— И все-таки, — сухо сказал Дрейк, — я пойду туда и посмотрю.

Он резко повернулся, разозленный настолько, что лишь через минуту заметил, что идет по канаве, а не по шоссе. Постепенно ярость его превратилась в разочарование, исчезнувшее при мысли о том, что, раз уж он здесь оказался, нужно все осмотреть.

Через некоторое время Дрейк почувствовал удивление, что позволил какой-то женщине до такой степени вывести его из равновесия. Он покачал головой: нужно быть осторожнее. Попытка воссоздания прошлого может измотать его.

Когда он свернул в тенистую рощу, поднялся легкий ветерок. Он мягко дунул ему в лицо, а шелест листьев был единственным звуком, нарушавшим вечернюю тишину. Дрейку не потребовалось много времени, чтобы убедиться: туманные надежды, толкнувшие его на это путешествие, не сбудутся. Он не нашел ничего, даже следа, что здесь кто-то жил: ни консервной банки, ни мешка для мусора или золы. Совершенно

ничего. Он походил вокруг, осторожно разгребая палкой кучи мертвых листьев, потом вернулся на шоссе. На этот раз женщина позвала его. Он заколебался было, но в конце концов подошел — она могла знать гораздо больше, чем сказала. Теперь она смотрела на него более дружелюбно.

— Нашли что-нибудь? — спросила она с плохо скрываемым нетерпением.

Дрейк мрачно улыбнулся при мысли о силе человеческого любопытства, потом уныло пожал плечами.

— Когда уезжает прицеп — это как дым: исчезает всякий след от него.

Женщина презрительно фыркнула:

— Все следы наверняка исчезли, когда появился тот старик.

Дрейк постарался не выдать своего возбуждения.

— Старик?! — воскликнул он.

Женщина кивнула, продолжая с обидой:

— Да, отлично державшийся старичок. Сначала он спрашивал у каждого, что за вещи продавала нам Селани, а через два дня утром мы, проснувшись, не нашли ни одного из этих предметов.

— Он их украл?!

Женщина исподлобья посмотрела на него.

— Вроде бы. Правда, за каждую штуку он оставил по доллару. Но все равно это как кража. Знаете ли вы, что у нее была сковородка, которая…

— Но чего он хотел? — удивленно прервал ее Дрейк. — Он ничего не объяснял, когда выспрашивал? Ведь вы же не позволили бы ему бродить здесь просто так?

К его удивлению, женщина вдруг потеряла уверенность в себе.

— Не знаю, что со мной случилось, — мрачно призналась она. — В нем было что-то такое… Он выглядел так представительно, словно был большой шишкой. — Она замолчала, разгневанная, потом фыркнула: — Мерзавец!

Глаза ее враждебно сузились, и она посмотрела на Дрейка.

— Совсем заморочили меня с этими разговорами. А сами вы? Стоите здесь и пилите меня все это время. Скажите лучше прямо: это вы заходили сюда две недели назад?

Дрейк заколебался. Перспектива рассказа всей истории этой женщине его не прельщала. Но она должна была знать нечто большее. Наверняка ей есть что рассказать о том времени, которое Селани со своим отцом провела в этой местности.

Одно было ясно: если какие-то факты и известны, то, скорее всего, именно этой женщине.

Наконец Дрейк решился и рассказал ей все, закончив несколько неуверенно:

— Как видите, я человек, который ищет свое прошлое. Может, меня ударили по голове, хотя шишки и нет. А может, одурманили. Что-то со мной случилось. Вы говорили, что я туда пошел. А вернулся ли? И что там делал?

Он вздрогнул и замолчал, потому что женщина неожиданно пронзительно крикнула:

— Джимми! Иди-ка сюда!

— У-у-у… мама! — донесся из дома детский голос.

Ошеломленный Дрейк увидел, как из дома выскакивает растрепанный мальчуган лет двенадцати с оживленным лицом. Дверь захлопнулась за ним. Еще не совсем понимая, Дрейк слушал, как мать объясняет мальчику, что «этот господин получил по голове от тех людей из прицепа и потерял память, а сейчас хотел бы, чтобы ты рассказал о том, что видел».

Потом женщина повернулась к Дрейку.

— Джимми, — с гордостью сказала она, — никогда не доверял этим людям. Он был уверен, что они из-за границы, и постоянно следил за ними.

Он видел, как вы туда пошли, и все, что случилось до момента отъезда прицепа. Он может вам подробно описать, что вы делали, — закончила она, — потому что видел все через окно, а кроме того, один раз заходил туда внутрь, когда их не было, чтобы проверить, не задумали ли они чего.

Дрейк с готовностью согласился. Причина сунуть нос в чужие дела была не хуже любой другой. В этом случае она оказалась ему на руку.

Мысли его прервал звонкий голос Джимми.

Был жаркий день. Узнав от женщины из первого дома, где живут Селани с отцом, Дрейк медленно приближался к рощице, которую она ему указала.

Где-то позади поезд два раза свистнул, а потом засопел. Дрейк подавил желание вернуться и сесть в него. Все равно бы не успел. Кроме того, ни один человек не откажется так легко получить состояние. При мысли о вечном пере и стакане он ускорил шаги.

В рощице он увидел прицеп, лишь когда повернул к первой тенистой группе деревьев. Заметив машину, Дрейк замер. Прицеп был гораздо больше, чем он ожидал, длинный, как товарный вагон, и такой же высокий, странной обтекаемой формы.

На его стук никто не ответил.

«Девушка бежала по этой дороге, — подумал он, — значит, должна быть внутри».

Дрейк неуверенно обошел этого монстра на колесах. Ряд окон на уровне глаз опоясывал прицеп по периметру. Сквозь них был виден блестящий потолок и верхняя часть стен, покрытых, как казалось, дорогими панелями. Внутри располагались три комнаты, и еще одна дверь вела в кабину машины, тащившей прицеп.

Вернувшись ко входу, Дрейк прислушался. Не было никакого звука, за исключением шороха верхушек деревьев под слабыми дуновениями ветра. Где-то далеко плаксиво засвистел поезд. Дрейк нажал ручку, и дверь открылась так легко, что все его сомнения исчезли. Он медленно отворил ее и встал на пороге центральной из трех комнат.

Его удивленный взгляд сразу же отметил роскошь помещения. Пол темно поблескивал, отполированный, как драгоценность. Стены гармонировали с ним дорогими тонированными панелями. Напротив дверей стояли диван, два стула, три шкафчика и несколько украшенных резьбой полок с произведениями искусства. Первое, что увидел Дрейк, войдя внутрь, была сто-

явшая у стены слева от двери корзинка девушки.

При виде ее Дрейк замер, а потом сел на пороге прицепа, свесив ноги наружу. Его волнение полностью исчезло из-за царившей вокруг тишины, и он с интересом принялся разглядывать содержимое корзинки. В ней было более десятка магических вечных перьев, по крайней мере три дюжины складных самонаполняющихся стаканов, около десяти округлых черных предметов, не поддавшихся его манипуляциям, и три пары проволочных очков. У каждой пары было прозрачное маленькое колечко внизу правого стекла. Похоже, футляры им не требовались, поскольку вряд ли была опасность, что они разобьются. Те, которые он надел, подошли идеально, и на мгновение ему показалось, что они соответствуют его зрению. Но потом он заметил разницу: все приближалось — комната, его рука, — и предметы не были размазанными, а выглядели так, словно он смотрел в бинокль средней силы. Образ вовсе не был деформирован. Потом Дрейк вспомнил о колечке — оно повернулось легко…

И внезапно все стало еще ближе, как будто он смотрел в более сильный бинокль. Дрожа, он покрутил колечко то в одну, то в другую сторону. Хватило нескольких секунд, чтобы подтвердить

необычный факт: это были очки с регулируемыми стеклами, невероятное соединение телескопа с микроскопом, одним словом — супербинокль.

Почти не задумываясь, Дрейк положил очки в корзинку, потом, приняв решение, поднялся и направился к двери, ведущей в комнату в конце прицепа. Он собирался только заглянуть туда, и хватило даже первого взгляда: он увидел стены, завешенные полками, и на каждой были старательно расставлены различные предметы. Дрейк взял что-то похожее на фотоаппарат — тонко сделанный небольшой приборчик. Он внимательно осмотрел объектив, а потом его пальцы наткнулись на что-то поддавшееся нажиму. Раздался щелчок, и в ту же секунду из щели позади аппарата высунулась блестящая карточка. Снимок.

На нем была изображена верхняя часть лица мужчины. Снимок был удивительной глубины и имел поразительные естественные цвета. В серых глазах человека было такое напряжение, что на мгновение лицо показалось Дрейку незнакомым. Только через некоторое время он узнал самого себя. Он сделал свой собственный снимок, который тут же был отпечатан.

Удивленный, он сунул фотографию в карман, положил аппарат и, весь дрожа, вышел из при-

цепа. Затем направился по шоссе в сторону поселка.

— А потом, — продолжал Джимми, — минуту спустя вы вернулись, вошли в прицеп, закрыли за собой дверь и пошли в заднюю комнату. Вернулись вы так быстро, что едва не заметили меня, и я решил, что вы уже уходите. А потом…

Дверь прицепа открылась. Голос девушки звучал нетерпеливо, но Дрейк не понял, в чем тут было дело. В ответ послышалось бормотание мужчины. Дверь закрылась, и оттуда доносились только возня и дыхание в средней комнате.

Пригнувшись, Дрейк отступил под левую стену.

— …Вот и все, — закончил Джимми. — Я подумал, что может быть какая-то беда, и пошел домой сказать маме.

— Значит, я был настолько неосторожен, что вернулся и был застигнут, но не посмел показаться?

Мальчик пожал плечами.

— Вы прижимались к перегородке прицепа — вот все, что я видел.

— А они тебя не заметили, когда ты за ними подглядывал?

Джимми заколебался.

— Нет, потому что, — начал он странным тоном, — произошло что-то необычное. Понимаете, когда я оглянулся, пройдя метров сто, грузовик с прицепом исчез.

— Исчез? — медленно повторил Дрейк. Ситуация становилась невероятной. — Ты хочешь сказать, они завели двигатель и выехали на шоссе?

Мальчик упрямо покачал головой.

— Все хотят меня на этом поймать, но я хорошо все видел и слышал. Не было никакого шума. Они исчезли внезапно.

По спине Дрейка побежали мурашки.

— И я был внутри? — спросил он.

— Да, — подтвердил мальчик, — вы были внутри.

Тишину, наступившую после этих слов, нарушила женщина, громко сказав:

— Ну хорошо, Джимми. Иди поиграй.

Она повернулась к Дрейку.

— Знаете, что я об этом думаю?

Дрейк с трудом вышел из задумчивости.

— Что?

— Они делали какие-то махинации, вся эта шайка. Все эти разговоры, что ее отец это производит… Как вы могли в это верить? Он же все

время ходил по округе, скупая металлолом. Ну, вы знаете, — неохотно сказала она, — у них были фантастические вещи. Правительство нас не обманывает, когда говорит, что после войны все мы будем жить как короли. Но тут есть какой-то подвох. У них было всего по нескольку сотен этих Предметов. Они продавали их в одном месте, потом выкрадывали и продавали в другом.

Дрейк, хоть и поглощенный собственными мыслями, посмотрел на нее. Он уже не раз сталкивался с отсутствием логики у людей с подобным мировоззрением, но его всегда шокировало явное игнорирование фактов ради доказательства своей правоты.

— Они бы не имели с этого никакой выгоды, — заметил он. — Ведь за каждый предмет вы получили свои доллары обратно.

— О!

Женщина, казалось, удивилась, лицо ее вытянулось. Наконец, когда до нее дошло, что любимая теория пошла прахом, гневный румянец окрасил ее загорелое лицо.

— Это какой-то рекламный трюк! — фыркнула она.

Дрейк решил, что пора заканчивать этот разговор, и торопливо спросил:

— Вы не знаете, кто-нибудь собирается сегодня в Инчни? Если можно, я бы поехал с ним.

Смена темы разговора возымела нужный эффект. Гневный румянец исчез с лица женщины.

— Нет, никто из тех, кого я знаю. Но не волнуйтесь, достаточно выйти на шоссе и остановить попутку…

Дрейка подобрала вторая машина. Сейчас он сидел в гостинице в сгущающихся сумерках.

«Девушка и ее отец в машине, полной великолепной продукции! — подумал он. — Она продает их как сувениры, по одной штуке на каждого, а ее отец собирает лом. А потом, как в кошмарном сне, какой-то старик ходит и скупает проданные товары или, — он вспомнил перо Келли, — уничтожает их. И наконец, загадка странной амнезии у торгового агента, продающего вечные перья, по фамилии Дрейк».

Где-то за спиной Дрейка мужской голос с горечью воскликнул:

— О, смотрите, что вы сделали! Вы же его сломали!

В ответ послышался спокойный звучный голос пожилого человека:

— Простите, пожалуйста. Оно стоило доллар, правда? Разумеется, я вам его верну! Возьмите и

простите меня.

В воцарившейся тишине Дрейк встал и повернулся. Там был высокий мужчина с седыми волосами, поднимавшийся с места рядом с молодым человеком, смотревшим на два куска сломанного вечного пера, которые он держал в руке. Старик направился к дверям гостиницы, ведущим на улицу, но Дрейк опередил его.

— Минуточку, — сказал он спокойно, но жестко. — Я бы хотел знать, что случилось со мной, когда я оказался в прицепе Селани и ее отца. Думаю, вы можете ответить на этот вопрос.

Он замолчал, глядя в глаза мужчины, которые пылали серым огнем и, казалось, пронзали насквозь, проникая в глубины мозга. Он еще успел со страхом вспомнить рассказ Келли о том, что этот человек парализовал его одним неумолимым взглядом, как старик тигриным прыжком подскочил к нему и схватил за запястье. Дрейк почувствовал силу стальных пальцев.

— Прошу сюда, в мою машину, — услышал он низкий, лишающий воли голос.

Дрейк едва запомнил, как садился в длинную машину со сверкающими бортами. Все остальное скрыл мрак… физический… и психический…

Он лежал на спине на чем-то твердом. Открыв

глаза, Дрейк некоторое время смотрел на купол метрах в пятидесяти над собой. Купол имел по крайней мере сто метров в диаметре, и почти четверть его занимало окно, сквозь которое сочился туманный серо-белый свет, как будто невидимое солнце с трудом пробивало дорогу сквозь редкий, но вездесущий туман.

Широкая челюсть окна уходила от середины потолка куда-то в даль. *И в какую даль.* Дрейк удивленно вскрикнул и сел. Какое-то время он не мог поверить своим глазам.

Коридор, казалось, тянулся в бесконечность в обе стороны, пока не размазывался в пятно серого мрамора. Там находился балкон, галерея, потом еще одна; каждый этаж имел собственный боковой коридор, заканчивавшийся балюстрадой. Видел он и бесчисленное множество дверей, и ответвления коридора — указывающие на дальнейшее расширение этого здания, явно чудовищных размеров.

Когда прошел первый шок, Дрейк медленно встал. Его мучило воспоминание о старом человеке и о том, что происходило раньше.

«Он посадил меня в машину и привез сюда», — мрачно подумал он.

Но почему сюда? На всем божьем свете не было

такого дома!

Холодок пробежал по его спине. Дрейк с трудом подошел к ближайшей в длинной шеренге высоких резных дверей и открыл ее. Он сам не знал, что ожидал увидеть, но первой реакцией было разочарование. Там находился кабинет — огромная комната с гладкими стенами. Вдоль стены стояли несколько шкафов, огромных размеров стол занимал угол напротив двери. Картину завершали несколько стульев и две софы, а также еще одна, более разукрашенная, дверь. В кабинете никого не было. Стол был чистым, без следа пыли. И без следа жизни.

Вторая дверь оказалась закрытой, или же замок был слишком сложен для Дрейка.

Он вновь вышел в коридор, только теперь обратив внимание на полную тишину. Его ботинки глухо стучали по коридору, а двери одна за другой являли одинаково меблированные, но пустые кабинеты.

По часам Дрейка прошли полчаса, потом еще столько же. Наконец он увидел вдали дверь. Сначала это был просто свет. Сверкающие контуры оказались огромным витражом из многоцветных стекол, собранных в раму. Дверь была метров пятнадцати в высоту. Выглянув через стекло,

Дрейк увидел большую белую лестницу, ведущую вниз, в густеющий пятью метрами ниже туман, — дальше ступени были не видны.

Обеспокоенный, смотрел он на лестницу. Что-то ему в ней не нравилось. Этот туман, окутывающий все и не исчезающий часами… Вероятно, внизу, у подножия лестницы, была вода, теплая вода, из которой при постоянном притоке холодного воздуха образовывался густой туман. Мысленно он представил себе здание длиной в пятнадцать километров, расположенное над озером и окутанное вечной серой мглой.

«Нужно выбираться отсюда», — вдруг понял Дрейк.

Ручка у двери находилась на обычной высоте, но трудно было поверить, что такой маленький в сравнении с нею рычаг сможет сдвинуть с места гигантскую конструкцию. Однако дверь открылась тихо и легко, как идеально собранный механизм. Дрейк ступил в плотный туман и начал спускаться вниз, сначала быстро, потом все осторожнее. Он не хотел свалиться в воду. Сотая ступенька оказалась последней, но за ней не было воды, а лишь пустота и туман, и никакого основания лестницы или земли…

Почувствовав внезапное головокружение,

Дрейк на четвереньках поднялся обратно наверх. Он был так утомлен, что ему казалось, он движется буквально по сантиметру. Сейчас, обнаружив, что у конца лестницы нет ничего, он испытывал кошмарное ощущение, будто ступени рассыпаются под ним.

Но еще больший ужас доставила Дрейку мысль, что дверь уже не откроется и он останется здесь навсегда, отрезанный от мира, на краю вечности.

Однако она открылась, хоть на это и ушли остатки его сил. Когда он уже лежал внутри на полу, то испытал огромное удивление: что общего имела со всем этим Селани, девушка, продающая в поезде чудесные вещицы? Этот вопрос, казалось, не имел ответа.

Наконец страх уступил место ощущению безопасности. Стыдясь своей паники, Дрейк поднялся с твердым решением изучить это фантастическое место от подвала до крыши. Где-то здесь должны быть спрятаны запасы стаканов, которые сами наполняются водой. А может, найдется и что-нибудь из еды, ведь скоро он начнет испытывать голод и жажду. Но сначала — в один из кабинетов. Он осмотрит каждый шкафчик, взломает стол.

Однако ломать не потребовалось. Ящики выдвигались почти без усилий. Шкафчики не были закрыты на ключ. Внутри находились журналы, списки, странные папки. Дрейк просмотрел несколько из них, разложив на огромном столе. Буквы показались ему размазанными, поскольку у него дрожали руки и кружилась голова. В итоге он заставил себя отложить все журналы, кроме одного. Открыв его наугад, он наткнулся на следующий текст:

> ДОКЛАД
> КООРДИНАТОРА КИНГСТОНА КРЕЙГА ПО ДЕЛУ ИМПЕРИИ ЛИЦЕЯ II ГОДЫ 27346-27378

Дрейк нахмурился, взглянув на дату, потом начал читать:

> «История этого периода рассказывает о ловком захвате власти жестоким императором. Изучение этого человека показало, что он испытывает неестественное желание защитить себя за счет других.
>
> ВРЕМЕННОЕ РЕШЕНИЕ: Предупреждение императора, который чуть не умер от страха, оказавшись лицом к лицу с

координатором. Его инстинкт самосохранения заставил его дать гарантии относительно дальнейшего правления.

ВНИМАНИЕ: Это решение создало вероятный мир типа 5 и должно быть признано временным из-за работы ключевого характера, которую профессор Линк ведет во всем 280 веке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: Возвращение во Дворец бессмертия после трехдневного отсутствия».

Некоторое время Дрейк сидел застыв, потом откинулся на спинку стула. В голове у него была пустота. Он не знал, что и думать об этом изложении. Наконец перевернул страницу и прочел:

ДОКЛАД
КООРДИНАТОРА КИНГСТОНА КРЕЙГА

«Это дело Лэйрда Грейнона, инспектора полиции 900-го сектора Нью-Йорка; 7 апреля 2830 года он был ложно обвинен в принятии взятки и отключен.

РЕШЕНИЕ: Инспектор Грейнон за два месяца до даты, указанной в обвинении, был отправлен на пенсию. Он уехал на свою ферму и с тех пор имел малое влия-

ние на дела большого значения. Он жил в этом вероятном мире до 2874 года и так создал почти идеальный 290 век.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: Возвращение во Дворец бессмертия спустя час».

Записей было множество: сотни, тысячи во всех журналах. Каждая из них была озаглавлена «Доклад координатора Кингстона Крейга», который всегда возвращался во Дворец бессмертия после стольких-то дней, часов, недель. Один раз это продолжалось три месяца и касалось неясного, неопределенного дела «установления времени демократии между веками девяносто восьмым и девяносто девятом, что потребовало воскрешения в этих вероятных мирах трех убитых мужчин, которых звали…»

Острый приступ голода и жажды напомнил Дрейку, что он сидит в этом огромном, мрачном доме и читает бессмысленные бредни какого-то типа, который *должен* был быть сумасшедшим. Он вдруг заметил, что вроде бы не имеющее источника освещение комнаты становится все более слабым. Значит, оно все-таки шло снаружи. В огромном пустом коридоре он понял: туман за окном в потолке серел и темнел. Близилась ночь.

Дрейк старался не думать о том, что останется один в этом доме, наблюдая, как мрак медленно скрывает мраморные стены, и гадая, что может вылезти из укрытия, когда темнота станет непроницаемой.

— Перестань, идиот! — яростно сказал он сам себе.

Голос его гулко прозвучал в тишине.

«Должно же здесь быть какое-то место, — подумал он, — где эти… координаторы… живут».

На этом этаже были только кабинеты, но есть ведь и другие этажи. Нужно найти лестницу. В главном коридоре он не видел ни одной.

Наконец в первом боковом коридоре Дрейк нашел широкую лестницу, поднялся наверх и открыл первую дверь, на которую наткнулся. Это была гостиная великолепного апартамента, состоявшего из семи комнат и кухни, сверкавшей в тускнеющем свете и набитой шкафчиками, в которых стояли прозрачные контейнеры, а в них продукты — известные ему и незнакомые.

Дрейк не испытывал никаких эмоций. Не удивило его и то, что, когда он нажал маленький рычажок на верхней части банки с грушами, плоды высыпались на стол, хотя банка вовсе не открылась. Он просто констатировал, что не

умрет с голоду, — и это все. Поев, он поискал выключатель, но в темноте ничего не нашел.

Из мрака спальни появилось ложе с балдахином. В ящиках были пижамы. Лежа в холодной постели, Дрейк подумал: почему та девушка — Селани — боялась этого старика? И что произошло в прицепе, отчего Ральф Карсон Дрейк оказался втянут во все это?

Спал он беспокойно, эта мысль даже во сне не покидала его.

Поначалу свет был где-то далеко, потом стал приближаться и разгораться. Это было так же, как после каждого пробуждения. Но когда Дрейк открыл глаза, сразу нахлынули воспоминания. Он лежал на левом боку, был уже светлый день, а постель накрывал серебристо-голубоватый балдахин. Высоко вверху находился потолок.

В темноте прошедшей ночи он едва заметил, насколько просторна и роскошна эта комната. Ее застилали толстые пушистые ковры, стены покрывали панели, а розовая мебель сияла великолепием.

Когда Дрейк повернул голову направо, взгляд его упал на вторую половину постели. Там лежала спящая молодая женщина. У нее были темно-каштановые волосы и снежно-белая шея; даже во

сне ее лицо выглядело красивым и утонченным. На вид ей было около тридцати лет.

Дрейк быстро отвернулся, выскользнул из-под одеяла и лег на пол. Когда размеренное дыхание женщины в постели стихло, он затаил дыхание. Послышался вздох и… катастрофа!

— Дорогой, — услышал он ее глубокое контральто, — что ты делаешь на полу?

Она шевельнулась на постели, и Дрейк сжался, ожидая криков, когда женщина убедится, что он вовсе не «дорогой». Однако ничего не произошло. Красивая головка выглянула из-за края постели, серые глаза спокойно смотрели на него. Молодая женщина, видимо, забыла о своем вопросе, потому что теперь сказала:

— Любимый, ты отправляешься сегодня на Землю?

Вопрос был настолько странным, что личное участие во всем этом показалось Дрейку делом второстепенным. Внезапно он начал понимать.

Это был один из тех вероятных миров, о которых он читал в записях координатора Кингстона Крейга. Именно это *могло* случиться с Ральфом Дрейком. И где-то за кулисами кто-то руководил всем этим. И все потому, что Дрейк пытался воссоздать свое прошлое.

Дрейк поднялся с пола. Он вспотел, сердце его бешено колотилось, колени дрожали. Но все же он встал и ответил:

— Да, я отправляюсь на Землю.

«Это повод, — напряженно думал он, — чтобы как можно скорее выбраться отсюда».

Дрейк подошел к стулу, на котором лежала его одежда, и тут смысл его собственных слов дошел до него и вызвал очередной, еще больший шок.

Отправляется на Землю! Он чувствовал, что его разум с трудом осознает факт, превосходящий границы человеческого восприятия. Отправляется на Землю — но откуда? Безумный ответ возник наконец в его мозгу. Разумеется, из Дворца бессмертия, дворца в тумане, в котором живут координаторы.

Дрейк направился в ванную. Предыдущей ночью он нашел в ее сумеречном пространстве прозрачный тюбик мази с надписью: «Крем, убирающий щетину. Натереть лицо, потом смыть водой». Это заняло у него полминуты, все остальное — пять минут. Из ванной он вышел уже полностью одетым. Голова его была тяжела как камень, и как камень, погружающийся в воду, направился он к ближайшей от постели двери.

— Дорогой!

— Да? — Дрейк повернулся и с облегчением заметил, что женщина не смотрит на него.

Она держала в руке одно из магических перьев, морща лоб над какими-то цифрами в списке. Не поднимая головы, она сказала:

— Наши взаимные временные отношения все более ухудшаются. Тебе нужно больше находиться до дворце и омолаживаться, а мне следует побывать на Земле, чтобы добавить себе пару лет. Ты сделаешь это, дорогой?

— Да, — ответил Дрейк. — Конечно!

Он вышел в небольшую прихожую, потом в гостиную. Наконец, оказавшись в коридоре, прислонился к холодной гладкой мраморной стене и отчаянно подумал: «Омоложение! Так вот для чего служит это невероятное здание. Каждый день здесь становишься моложе, и нужно отправляться на Землю, чтобы сохранить равновесие».

Потрясение усиливалось. Происшедшее с ним в прицепе было настолько существенно, что эта неизвестная организация сверхлюдей пыталась помешать ему узнать всю правду. Но сегодня он должен найти способ узнать ее: обыскать каждый этаж и постараться найти центр. Он постепенно успокаивался, когда вдруг понял, что слышит чьи-то голоса. Человеческие голоса!

Дрейк пришел к выводу, что должен был понять это сам. Уже само присутствие женщины — там, в постели — указывало на то, что мир этот совершенен в каждой детали. И все-таки он был удивлен. Ошеломленный, смотрел он в глубь главного коридора, по тихим, пустынным ответвлениям которого бродил накануне столько часов. Сейчас тут двигался непрерывный поток мужчин и женщин. Коридор напоминал улицу в городе, по которой в обе стороны спешат люди, поглощенные своими личными делами.

— Эй, Дрейк! — услышал он за спиной мужской голос.

Ничто уже не могло его удивить. Медленно, как уставший человек, он обернулся. Незнакомец, смотревший на него, был высок и пропорционально сложен. У него были темные волосы и крупное лицо с резкими чертами. Одет он был в комбинезон, который выше талии обтягивал тело, а брюки походили на бриджи. Он дружески и слегка насмешливо улыбался. Затем он спокойно произнес:

— Стало быть, ты хочешь все узнать? Подожди, узнаешь. Но сначала примерь эту перчатку и иди за мной. Кстати, меня зовут Прайс.

Дрейк взглянул на перчатку.

— Что… — начал было он, но замолчал, чувствуя, что хочет узнать все слишком быстро.

То, что этот мужчина ждал его у дверей, вовсе не было случаем.

«Не бойся, — сурово приказал он себе. — Самое главное, что наконец кто-то говорит по существу. Да, но что с этой перчаткой?»

Он взял ее, хмуря брови. Она была на правую руку и подошла идеально. Легкая, эластичная, перчатка казалась неестественно плотной и слабо поблескивала металлом.

— Просто схвати его сзади за плечо этой перчаткой, — сказал Прайс, — и нажми кончиками пальцев ниже ключицы. Сильно нажми! Я покажу тебе это позднее, когда ты задашь все свои вопросы, — прежде чем Дрейк успел ответить, Прайс продолжал: — Я расскажу тебе по дороге. Осторожнее на лестнице.

Дрейк взял себя в руки, с трудом проглотил слюну и спросил:

— Что за ерунда с хватанием кого-то за плечо? Зачем?

Он беспомощно замолчал. Не об этом нужно было сначала спрашивать. Он как слепец, имеющий лишь частичное представление о мире, которого не может увидеть. Не могло быть и речи

о какой-то хронологии или логической связи, существовали только туманные полуфакты. Начинать нужно с основ. С того, что Ральф Карсон Дрейк пытается узнать собственное прошлое. Что-то случилось с ним в автомобильном прицепе, и все происшедшее потом было прямым следствием этого. Прежде всего нужно помнить об этом.

— Проклятье! — вырвалось у Дрейка, мучимого неуверенностью. — Черт побери, Прайс, я хочу знать, в чем тут дело!

— Не торопись!

Они уже спустились по лестнице и направлялись боковым коридором к просторному главному холлу. Прайс полуобернулся к нему со словами:

— Я знаю, что ты чувствуешь, Дрейк, но пойми, тебе нельзя перегружать мозг постоянным притоком новой информации. Вчера ты не встретил здесь никого. Ну, вообще-то, это было не совсем вчера, — Он пожал плечами. — Сам видишь. Это было сегодня в мире, альтернативном нашему. И так всегда будет с этим зданием, если ты не сделаешь того, о чем мы просим. Мы должны были тебе это показать. А сейчас, ради бога, не проси меня объяснить теорию правдоподобия времени.

— Послушай, — сказал Дрейк с отчаянием в голосе, — забудем все это и сосредоточимся на одном факте. Ты требуешь, чтобы я как-то использовал эту перчатку. Как? Где? Когда? Зачем? Уверяю, что чувствую себя вполне нормально. Я…

Он замолчал, увидев вдруг, что они оказались в главном коридоре и направляются к огромным дверям, за которыми была лестница и туманное ничто. По спине его побежали струйки пота.

— Куда мы идем? — резко спросил он.

— Я забираю тебя на Землю.

— Через те двери?

Дрейк остановился. Он не задумывался над тем, что испытывает, но в ушах четко и напряженно звучали его собственные слова.

Мужчина спокойно посмотрел на него.

— В этом нет ничего необычного, — сказал он, — Дворец бессмертия был построен в меандре времени, единственном известном реверсе, или бессмертии, повороте в земном потоке времени. Именно он делает возможным работу координаторов, работу на благо людей — как ты уже знаешь по докладам координатора Кингстона Крейга, которые читал.

Он продолжал свои объяснения, но Дрейку

было трудно сосредоточиться. Ему мешал туман. Он не мог решиться еще раз спуститься по той лестнице.

И именно слово «координатор» заставило его сосредоточиться. Он видел и слышал его так часто, что на мгновение забыл, что не знает его значения.

— Кто такие координаторы?

Мужчина задумчиво посмотрел на него.

— Они обладают исключительным умением, — сказал он наконец, — отличающим их от других людей. Они могут перемещаться во времени силой воли. Их около трех тысяч, и все родились на протяжении пятисот лет, начиная с двадцатого века. Самое удивительное то, что каждый из них родом из одного и того же небольшого района Соединенных Штатов, возле города Кисслинг, точнее, из небольшого поселка Пифферс-Роуд.

— Но, — Дрейк с трудом шевелил сухими губами, — я родился именно там. — Он широко раскрыл глаза. — И там же стоял прицеп.

Казалось, Прайс его не слышит.

— Если же говорить о строении тела, — говорил он, — то и здесь координаторы не такие, как все. У каждого из них внутренние органы расположены зеркально по отношению к нормальным людям.

Так, сердце у них справа, а…

— Совсем как у меня, — сказал Дрейк. Он говорил ясно и четко, словно искал выход в лабиринте. — Поэтому меня забраковала военная комиссия. Они сказали, что не могут рисковать: если я буду ранен, хирург может не знать о моей особенности.

Позади послышались чьи-то шаги. Дрейк автоматически повернулся и увидел идущую к ним женщину в пушистой накидке. Она улыбнулась ему; Дрейк уже видел эту улыбку, совсем недавно, в спальне. Подойдя, она заговорила мелодичным голосом:

— Бедняга! Он выглядит совсем больным. Что ж, я сделала все, что в моих силах, чтобы он легче перенес шок. Я объяснила ему, что могла, не дав понять, что знаю все.

— О, с ним все в порядке, — ответил Прайс.

Он повернулся к Дрейку, и на лице его появилась слабая улыбка.

— Дрейк, позволь представить тебе твою жену, урожденную Селани Джонс, которая расскажет, что произошло с тобой, когда ты вошел в прицеп грузовика ее отца в Пифферс-Роуд. Начинай, Селани.

Дрейк стоял неподвижно. Он чувствовал себя

так, словно был кучей земли, лишенной эмоций и всяких мыслей. Словно на замедленной записи доходил до него голос Селани, рассказывающей о происшедшем в прицепе.

Оказавшись в задней комнате прицепа, Дрейк подумал, что произойдет, если его здесь застанут. Мужчина в центральной комнате говорил:

— Мы отправимся в четырнадцатый век. Там они не осмелятся вмешаться, — он мрачно рассмеялся. — Заметь, они отправили старика, к тому же одного. Кому-то из них пришлось выйти и провести на Земле тридцать или сорок лет, чтобы постареть, ибо старики гораздо меньше влияют на окружение, чем молодые. Но не будем терять время. Дай мне трансформационные точки и иди в кабину, включи атомные трансформаторы.

Этого момента и ждал Дрейк. Он тихо вышел, поочередно сгибая пальцы своей правой руки, облаченной в перчатку. Мужчина стоял лицом к двери, ведущей в переднюю комнату и находящуюся за ней кабину грузовика. Он был крепко сложен и со спины выглядел лет на сорок пять. В руках он держал два прозрачных конуса, которые матово поблескивали.

— Отлично! — воскликнул он, когда Дрейк оказался за его спиной. — Поехали. Теперь, Селани,

можешь не бояться. Это все из-за координаторов, черт бы их побрал! Я уверен, что продажа нами этих товаров и изъятие такого количества металла нарушило электронное равновесие, делавшее возможным их существование. — Голос его задрожал. — Как подумаю об их святотатстве, когда они, возомнив себя богами, осмеливаются вмешиваться в естественное течение событий, вместо того чтобы, как я предлагал, сделать его просто предметом изучения…

Его речь перешла в испуганное бормотание, когда Дрейк схватил его за плечо и сильно нажал ниже ключицы…

— Минутку! — пронзительный голос Дрейка прервал рассказ женщины. — По твоим словам, у меня была перчатка вроде этой, — он поднял правую руку в поблескивающей перчатке, которую дал ему Прайс. — В твоем рассказе содержится предположение, что я уже все знал о координаторах и Дворце бессмертия, а ведь ты отлично знаешь, что тогда еще мне не было известно ничего. Я только что сошел с поезда, где коммивояжер Билл Келли показал мне вечное перо.

Женщина серьезно взглянула на него.

— Я уверена, что через несколько минут ты все поймешь, — сказала она. — Все, что мы сделали,

было запланировано, чтобы подвести события к этому моменту. Всего несколько часов существования осталось *этому* альтернативному миру, в котором находимся ты, мистер Прайс и я. Здесь необычайное равновесие сил, и может показаться парадоксальным, но сейчас мы фактически действуем против времени.

Дрейк был удивлен ее тоном. Женщина сказала:

— Позволь мне закончить…

Мужчина замер, как человек, оглушенный сильным ударом. Когда Дрейк отпустил его плечо, он медленно повернулся и уставился, но не на лицо Дрейка, а на его перчатку.

— Уничтожающая перчатка! — прошептал он, потом торопливо продолжил: — Но каким образом? Ведь мое изобретение должно преграждать координаторам доступ ко мне! — Он взглянул Дрейку в лицо, — Как ты этого добился? Я…

— Отец! — Голос девушки, ясный и испуганный, доносился из кабины грузовика, потом приблизился: — Отец, мы остановились где-то около тысяча шестьсот пятидесятого года. Что случилось? Я думала…

Она замолчала, стоя в дверях, как испуганная птица: высокая худая девушка около девятна-

дцати лет. Увидев Дрейка, она вдруг стала как бы старше и бледнее.

— Вы… были… в поезде! — сказала она, потом перевела взгляд на отца. Дыхание ее прервалось. — Папа, он не…

Мужчина угрюмо кивнул головой.

— Он уничтожил мою способность перемещаться во времени. Где бы мы ни находились, мы останемся здесь навсегда. Но суть не в этом. Хуже всего, что у нас не получилось и координаторы могут продолжать свое дело.

Девушка не ответила. Оба они, казалось, совсем забыли о присутствии Дрейка. Мужчина схватил ее за плечо.

— Ты понимаешь? Мы проиграли!

Селани по-прежнему молчала, а когда начала говорить, лицо ее было бледно, как бумага.

— Отец, это самое тяжелое, что мне приходилось говорить, но я рада. *Они* правы, а *ты* — ошибаешься. Они стараются как-то исправить ужасные ошибки Природы и Человека. Из своего скромного дара они создали чудесный инструмент знания и используют его как боги-благодетели. Ты легко убедил меня, пока я была ребенком, но за столько лет я начала сомневаться. И оставалась с тобой только из дочернего долга.

Мне очень жаль, папа.

Она отвернулась. Слезы блестели в ее глазах, когда она открыла дверь прицепа и спрыгнула на землю.

Дрейк некоторое время постоял, завороженный игрой чувств на лице мужчины: сначала судорога жалости к самому себе, потом все захлестнуло ожесточение. Избалованный ребенок не мог бы явиться лучшим примером обманутого эгоизма.

Дрейк в последний раз взглянул на него и тоже направился к двери. Там его ждала девушка и удивительный, еще не открытый американский Запад.

Они были обречены на общество друг друга из-за упорного молчания, которое хранил мужчина. Селани и Дрейк часто бродили по зеленой долине. Однажды, оказавшись вдали от прицепа, они наткнулись на группу пеших индейцев. Трудно сказать, какая из сторон была более удивлена. Селани спасла положение, выстрелив из атомного пистолета в камень, который исчез в яркой вспышке. Больше индейцы на этой дороге не появлялись.

Их жизнь была в некотором смысле идиллией. Любовь возникла так же естественно, как ветер, дующий над пустынными землями. Дрейк вы-

держал первоначальную холодность со стороны девушки, потому что уже *знал.* А потом они старательно убеждали ее отца научить одного из них или обоих вместе, как пользоваться врожденным умением передвигаться во времени. Дрейк знал, что мужчина в конце концов сдастся, хотя бы из-за одиночества, но это продолжалось целый год.

Дрейк мысленно вернулся к огромному куполу и понял, что голос женщины умолк. Он посмотрел на Селани, потом на Прайса и наконец удивленно спросил:

— И это все? Твой… отец… — Он глянул на женщину, замявшись при определении родства. Ему было необычайно трудно связать эту зрелую женщину с молоденькой Селани Джонс. — Значит, твой отец был против координаторов? Но как он хотел от них избавиться?

Ответил ему Прайс:

— План мистера Джонса заключался во введении изменений в модель жизни, приведшую к появлению координаторов. Известно, что существенную роль играло питание, но какое соединение питания с другими факторами явилось основой, мы никогда не узнаем. Мистер Джонс думал, что, давая людям пить из тех стаканов, а также пользуясь другими устройствами,

производящими продукты, и некоторыми основными товарами, он сумеет сломать всеобщий код существования. Сбор металла тоже был запланирован. Металл очень сильно воздействует на поток времени, и резкий его перенос из одного времени в другое может дезорганизовать весь вероятностный мир. Мы же не могли вмешаться как-то иначе, чем ты видел. Мир, предшествующий двадцать пятому веку, — это единственный период, куда не могут вмешиваться координаторы. Он сам должен решать свои проблемы. Даже ты, один из первых обладателей способности передвижения во времени, несмотря на то что сам никогда не научился бы этому, должен был идти к своему предназначению почти естественным образом.

— Минутку, — сказал Дрейк, — но либо я спятил, либо ты. Я готов согласиться со всем: с существованием Дворца бессмертия, с тем, что она моя жена в прошлом и что я оказался здесь до того, как на ней женился, но *после того,* как она за меня вышла. Однако полчаса назад ты дал мне эту перчатку, а несколько минут назад моя… жена… говорила, что этому миру постоянно угрожает гибель. Значит, я еще чего-то не знаю? И откуда эта внезапная амнезия?

— Твоя роль действительно очень проста, — прервал его Прайс. — Как торговый агент «Квик-Рит компани» ты пошел по следам девятнадцатилетней Селани до прицепа в Пифферс-Роуд, где она жила вместе с отцом. Там ты никого не встретил, поэтому вернулся в деревню, чтобы поговорить с людьми, но по дороге координатором Дрейлом Макмагоном был перенесен на неделю в будущее, а все связанные с этим воспоминания были удалены из твоей памяти. Очнулся ты в больнице.

— Минутку! — воскликнул Дрейк. — Моя… жена… сказала мне, что я еще сделал. Разумеется, я уже знал это. Имеется свидетель, мальчик по имени Джимми, который видел, как я возвращался в прицеп, а когда я был там, он исчез.

— Именно это я и хотел объяснить, — спокойно сказал Прайс. — Из больницы ты пустился в путь, чтобы узнать, что с тобой случилось. Но не узнал. А потом был перенесен другим координатором сюда, во Дворец бессмертия.

Дрейк посмотрел на мужчину, потом на женщину. Та утвердительно кивнула, и в голове у него прояснилось. А Прайс продолжал:

— Через несколько минут я заберу тебя на Землю, в район прицепа Питера Джонса и его

дочери. Ты войдешь внутрь, спрячешься в задней комнате, а в момент, который тебе описала Селани, выйдешь из укрытия и схватишь ее отца за плечо этой самой перчаткой. Она излучает энергию, которая незначительно изменит потенциал его нейронной энергии. Это не причинит ему никакого вреда, впрочем, как и мы позднее. В сущности, он будет использован нами как агент в исследованиях прошлого, — закончил Прайс. — Теперь ты видишь, что это требует доброй воли, и мы должны были сделать все, чтобы убедиться, что ты не совершишь ошибки.

— Теперь я начинаю понимать, — ответил Дрейк.

Он был совершенно спокоен, если не считать усиливающегося осознания. Медленно подойдя к женщине, он взял ее за руку и заглянул в глаза.

— Значит, это ты? А когда? — спросил он.

— Пятьдесят лет спустя относительно тебя нынешнего.

— А где сейчас я? Где теперь твой муж?

— Ты отправился на Землю, в будущее. Нужно было переместить тебя во времени. Человек не может оказаться в пространстве, где он уже есть. И именно поэтому ты с нами накрепко связан!

— Почему?

— Если вместо того, чтобы войти в прицеп, ты уедешь и вернешься к своей прежней жизни, то через неделю приблизишься к моменту, когда твое раннее «я» находится в больнице. Тогда ты исчезнешь, подвергнешься дезинтеграции.

Дрейк улыбнулся ей.

— Я не собираюсь вас разочаровывать, — сказал он.

Спускаясь по ступеням, укутанным густеющим туманом, он то и дело оглядывался на нее. Селани стояла, прижав лицо к стеклянным дверям.

Вскоре туман поглотил ее.

Поиски закончились, и теперь в его жизни начинались события, о которых — как считал Дрейк — он забыл.